

Гай Юлий
Орловский

Длинные Руки
Демон Огня и Стали

Гай Юлий Орловский

Длинные Руки
Демон
Огня и Стали

Баллады
о Ричарде
Длинные Руки

Ригард Длинные Руки
Ригард Длинные Руки — вони Господа
Ригард Длинные Руки — наладки Господа
Ригард Длинные Руки — скандинав
Ригард де Амальфи
Ригард Длинные Руки — властелин трех замков
Ригард Длинные Руки — виконти
Ригард Длинные Руки — варон
Ригард Длинные Руки — дрил
Ригард Длинные Руки — граф
Ригард Длинные Руки — бургграф
Ригард Длинные Руки — ландграф
Ригард Длинные Руки — официограф
Ригард Длинные Руки — обслуга
Ригард Длинные Руки — конистабль
Ригард Длинные Руки — маркиз
Ригард Длинные Руки — прессграф
Ригард Длинные Руки — лорд-протектор
Ригард Длинные Руки — майордом
Ригард Длинные Руки — маукраф
Ригард Длинные Руки — штурраф
Ригард Длинные Руки — фрейдраф
Ригард Длинные Руки — вильдраф
Ригард Длинные Руки — разураф
Ригард Длинные Руки — конунг
Ригард Длинные Руки — цервол
Ригард Длинные Руки — энкенцог
Ригард Длинные Руки — фюст
Ригард Длинные Руки — курфюрст
Ригард Длинные Руки — пресбюст
Ригард Длинные Руки — ландесбюст
Ригард Длинные Руки — гранд
Ригард Длинные Руки — юаз
Ригард Длинные Руки — зрибюст
Ригард Длинные Руки — рейхсбюст
Ригард Длинные Руки — принц
Ригард Длинные Руки — принц-консорт
Ригард Длинные Руки — вице-принц
Ригард Длинные Руки — эрцгерцог
Ригард Длинные Руки — курпринц
Ригард Длинные Руки — зупринц
Ригард Длинные Руки — принц корона
Ригард Длинные Руки — грандпринц
Ригард Длинные Руки — принц-рэгент
Ригард Длинные Руки — король
Ригард Длинные Руки — король-консорт
Ригард Длинные Руки — монах
Ригард Длинные Руки — штатгальтер
Ригард Длинные Руки — принц империального магната
Ригард Длинные Руки — император
Ригард Длинные Руки — Властелин Багровой Звезды Зла
Ригард Длинные Руки. Ригард и Великое Мати
Ригард Длинные Руки. В западне
Ригард Длинные Руки. Умер в спешу

Ригард Длинные Руки. Демон Огня и Стали

Баллады
о Ричарде Длинные Руки

Гай Юлий Орловский

ФиЧ@РД
Длинные Руки
Демон
Огня и Стали

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-66

Оформление серии *A. Старикова*

Серия основана в 2004 году

В оформлении переплета использован коллаж художника
В. Коробейникова

Орловский, Гай Юлий.

О-66 Ричард Длинные Руки. Демон Огня и Стали / Гай Юлий Орловский. — Москва : Эксмо, 2019. — 384 с. — (Баллады о Ричарде Длинные Руки).

ISBN 978-5-04-101264-9

Ричард Длинные Руки преодолел все преграды и заслужил отдыха. Однако враги не дремлют, и Чудовищный Демон Огня двинулся через королевства, сея разрушения и ужас. А на верного Маркуса уже рассчитывать нельзя.

Словно этого мало, из убежищ начинают выбираться прежние властелины империй, и еще неизвестно, какой из врагов опаснее.

У героя остается не так много шансов уцелеть и остановить разрушение мира...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101264-9

© Орловский Г.Ю., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Часть первая

Глава 1

В зале повисла тяжелая гнетущая тишина. Я еще тупо соображал, как отреагировать, но, опередив меня, с резкостью в движениях поднялся сэр Альбрехт.

— Совещание прервано, — сказал он уверенно и властно, — на неопределенное время. В связи с неопознанной угрозой вся непрекаемая полнота власти переходит военному комитету во главе с его величеством Ричардом. Все свободны!

Члены Государственного Совета торопливо поднимались и гуськом, стараясь не привлекать внимания, спешно покидали кабинет.

Сэр Норберт усадил Тамплиера в кресло, Альбрехт придержал за плечи, паладин пытался вскочить, но граф Келляве уже вытащил из-за пояса кинжал, размерами с меч римского центуриона.

Забрало заскрежетало, когда кончик острия проник в щель. Келляве нажал, пытаясь выгнуть вмятину, Норберт и Альбрехт умело помогли, удержали Тамплиера.

Забрало звонко щелкнуло и закачалось на одной дужке, открывая красное распаренное лицо паладина.

Шлем сидит на его голове так плотно, будто насаживали кувалдой, Норберт и Альбрехт тащили вверх с таким усилием, что приподнимали массивного рыцаря, а его бычья шея вытягивалась, как у танцующей балерины.

Рокгаллер принял из их рук измятый шлем, кто-то с сочувствием вздохнул. Лоб и щеки Тамплиера в крупных каплях пота, по виску ползут, обгоняя одна другую, алые струйки крови, скула разбита так, что в кровавой яме видна белая кость, подбородок в крови, только глаза горят прежней яростью и жаждой схватки.

Альбрехт сорвал с шеи роскошный кружевной платок размером с платье новобрачной и самолично отер кровь с лица раненого рыцаря.

Я торопливо сотворил медный кубок с вином, Тамплиер предпочитает простоту, а изящные фужеры и усыпанные драгоценностями чаши считает греховными.

— Выпейте, дорогой друг, — сказал я настойчиво, — и расскажите подробнее, не прибегая к церковной ругани.

Кубок почти исчез в широкой ладони Тамплиера. Под нашими встревоженными взглядами он осушил его залпом, я наполнил снова. Альбрехт взглянул на меня со значением, Тамплиер когда-то отказывался от вина, сотворенного нечестивым колдовством, а я доказывал, что если Господь сотворил, то все по его разрешению и под его неусыпным наблюдением.

Норберт и Альбрехт не удивились, когда раны и ссадины Тамплиера начали быстро затягиваться. Исчезли даже шрамы, только Келляве вытаращил глаза, да сэр Рокгаллер охнул и придинулся ближе,

стараясь рассмотреть, как на скуле в скоростном режиме рассасывается чудовищная гематома.

Через пару минут лицо Тамплиера воссияло прежней невинной чистотой младенца, и если бы не его взгляд человека зрелого, упорного и стойкого в испытаниях, можно бы принять за юного, хоть и крупноватого оруженосца, впервые надевшего доспехи.

Келляве бросил взгляд на меня, я покачал головой. Мое умение ни при чем. У Тамплиера раны затягиваются быстрее, чем мои, и вообще у него ресурс от святости, а у меня хрен знает от чего, хотя больше грешу на магию, но соратникам вешаю лапшу насчет возможностей паладина и верного воина Господа.

— Господь послал испытание, — произнес Тамплиер трубным голосом, — чтобы здешний народ ужаснулся и покаялся!

Альбрехт пробормотал:

— И как остановить это испытание? Вывести на встречу церковный ход с хоругвями, епископами и певчими мальчиками?..

Тамплиер даже не повел бровью в его сторону, голос его стал громче и обрел нотки расчехленной иерихонской трубы:

— Господь мог бы уничтожить этот мир новым всемирным потопом! Он мог бы сжечь огнем города, как уничтожил Содом и Гоморру, но проявил милость...

Альбрехт пробормотал едва слышно:

— ...вообще-то ему не свойственную...

— И дает шанс одуматься! — закончил Тамплиер. Он хотел опустить ладонь на рукоять меча, но не нашел, сэр Келляве уже заботливо унес его в другой конец кабинета. — Мы должны!

Рокгаллер пробормотал:

— Ничего себе шансик... темный ужас из недр, говорите? Расскажите подробнее! И что за маги осмелились...

— Из бездн, — поправил Тамплиер прежним трубным голосом. — Темный ужас из темных бездн!.. Огромный, как гора, несокрушимый и раскаленный, как молот... его ничем не остановить!.. Пламенный Демон Огня и Стали, за которым все горит...

Я вскинул ладонь, прерывая его речь, и Тамплиер умолк, хотя паладины служат только Господу, а императоры для них совсем не императоры, ибо перед Богом все равны.

Все меняемся, мелькнуло у меня, но вслух сказал торжественно:

— Брат Тамплиер! Вы правы, это испытание нашей веры и стойкости. Но что именно темные маги подняли этот страх из глубин... из бездн?..

Он взглянул на меня исподлобья без всякой привязни.

— А кто его еще мог поднять?.. Только маги. А они все темные.

— Значит, — уточнил я, — вы их еще не видели?

Граф Келляве сказал в защиту доблестного паладина:

— Ваше величество, я и Господа не видел, ну и что?.. Здесь вообще все пакости от магов.

— Та-ак, — сказал я, — тогда подробнее, что собой представляет этот темный ужас?.. И почему он пламенный Демон Огня и Стали?

Тамплиер пояснил с заметной неохотой:

— Вообще-то красный, хоть и темный. Раскаленный!.. Не подойти. Под ним даже земля горит и плавится, как железо в горне. Я бы хотел бросить ему

вызов на мечах или в конном бою... но не услышит! Такой грохот, до сих пор в голове камнедробилка.

Я наполнил для него кубок церковным кагором. Тамплиер зло блыннул сердитыми глазами, во всем с моей стороны видит подвох, не забыл нашего поединка, но кубок взял и первым же глотком осушил до половины.

— Похоже, — сообщил он, — уничтожил по дороге какие-то деревни. Я встретил бегущих крестьян! Кто верхом, кто на телегах...

— Что делает этот Демон Огня? — спросил я. — Как уничтожает людей?

Он допил вино, Келляве взял из его руки пустой кубок и взглянул на меня, но Тамплиер показал жестом, что все, жажду утолил, ему достаточно и трех, аскеты должны питаться, как птички Божьи.

— Похоже, — ответил он мрачно, — простолюдины его не интересуют. Прет, как огненная гора, сжигая все на пути. Позади только выжженная и расплавленная земля!.. Целая река. Думаю, не ошибусь, если скажу, что вы и есть цель, сэр Ричард!

Все умолкли, я поинтересовался осторожно:

— А почему такое внимание к моей персоне?

Он перекрестился и ответил торжественно и так гулко, что под высокими сводами заметалось эхо:

— Если Демон Огня послан Господом, то вам пора ответить за свои грехи! А если дьяволом, то утащит в ад, как бы вы ни брыкались.

Поплевав через левое плечо при упоминании дьявола, он поднялся, громадный и преисполненный праведной веры, повел плечами. Доспехи даже не скрипнули, словно вросли в его тело, как хитин в жука-носорога.

Альбрехт пробормотал:

— Хоть так в ад, хоть так... Придется сэру Ричарду...

Тамплиер провозгласил мощно и праведно:

— Я вернусь и все равно остановлю его крестом и мечом паладина!

— Нет-нет, — возразил я, — возможно, это дело государственной важности. Потому отправлюсь лично.

— С эскортом, — уточнил сэр Норберт. — Это и по протоколу, да и все мы должны знать, что за враг.

— На пути демона город Ташрулия, — сказал Тамплиер. — Думаю, уже подошел к его стенам. При его скорости разрушит за час, даже меньше, а дальше... я не знаю, но остановить... просто не представляю чем, кроме нашей верности Господу и благочестия с мечом в руке!

— И молитвами? — буркнул сэр Норберт.

Тамплиер с очень серьезным видом покачал головой.

— Нет, — ответил он, — было бы слишком просто, чтобы Господь простил и отменил наказание всего лишь за молитвы.

— Жертвоприношением? — поинтересовался Альбрехт.

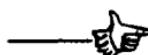
Тамплиер сказал напыщенно:

— Последней жертвой был Иисус, что добровольно принес себя в жертву и тем самым искупил грехи всех людей на свете. Другие жертвы запрещены.

— Это человеческие, — уточнил Альбрехт. — А если, скажем, козу или барана?

Тамплиер посмотрел на него с высокомерием благородного человека и не снизошел до ответа.

— А если две козы? — спросил Альбрехт. — Или даже стадо?.. Хотя стадо, конечно, жалко, но, с дру-

той стороны, не свое отдадим, государственное... Ладно, сдаюсь. Только его величество и решит все одним мановением.

Я едва расслышал его слова, по телу снова теплая волна, затем почти сухой жар, распознал массу оттенков, что воспламенили нервы, в голове замелькали образы, яркие, но абсолютно не транскрибируемые, за пределами человеческой логики, но все же ощущал печаль и нечто похожее на нежелание уходить, но уходить все же почему-то надо...

«Что случилось, — спросил я мысленно, — что тебя тревожит?»

И снова масса чувств и цветовых пятен перед глазами таких ярких, что почти перестал видеть соратников, но на этот раз уловил отчетливо, что Маркус уходит, возвращается в прежнее пространство, нечто происходит в нем самом, он должен, обязан этого не избежать, ожидаемое тревожно и прекрасно.

Я с трудом интерпретировал как периодическую миграцию то ли на зимовку, то еще куда-то типа, а может, наступил сезон кладки яиц... или период гнездования... хотя перед ним должен быть период спаривания, если Маркус не относится к классу улиток, те гермафродиты по природе.

Альбрехт первым обратил внимание на мой остеокленевший взор, наклонился в мою сторону.

— Ваше величество... думаете о чем-то высоком?
В такое время?

Я пытался заговорить и не мог, настолько глубоко ушел в расшифровку чувств и образов неземного существа, наконец с трудом прокаркал:

— Да... высоком... принц... и даже глубоком...

Он напомнил сухо:

— Герцог, ваше величество.

— Приказ уже составляют, — ответил я с тем же трудом, но уже приходя в себя, — а с этим демоном... разберемся. Нужно только...

— Что?

Я молчал, перед глазами предстало небо, каким его видит Маркус, прекрасное и удивительное до дрожи в костях. Вряд ли именно таким видит, это постарался передать для меня, для него оно еще прекраснее, а я уже устремился туда всем существом, настолько там мир богатый и обещающий.

— Ваше величество?

Я прохрипел:

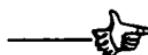
— Да-да, все думаю.

Альбрехт повернулся к соратникам, все помалкивают, на лицах тревога и сочувствие.

— Оставим его величество помыслить, — сказал он. — А мы отведем сэра Тамплиера в малый зал. Закатим небольшой пир в честь его возвращения, заодно подумаем, что и как.

Дверь за ними еще не захлопнулась, а я еще глубже погрузился в бесконечно прекрасный мир темной материи, что удивительно не темная, как мы привыкли называть, хотя ни разу не видели. Там, среди исполинских космических струй раскаленной материи, источающих мощь и красоту многомерного пространства, я с потрясением увидел сужающуюся призрачную воронку, которая не существует, но она есть, как у нас есть такие же призрачные понятия, как долг, справедливость, чувство прекрасного...

Среди многоцветного хаоса угадывается место, уготованное для чего-то важного для Маркуса... я не мог подобрать термин, только чувствовал, что это связано

с могучим зовом, которому Маркус противиться не может, как мы не противимся зову продления рода, иначе все, ради чего живем и работаем, будет напрасным.

Когда дверь отворилась, я не слышал, только ощущил в какой-то миг, что надо мной стоит Хрурт и озабоченно сопит.

Я вздрогнул, посмотрел на него дикими глазами.

— Что случилось?

— Да вот не знаю, — ответил он. — Час вот стою, а вы даже не шевельнулись. И глаза стеклянные.

— Спасибо, — сказал я, — что не вдарили. Это у меня медитация. Погружение. Как вон у тебя после трех кружек крепкого вина.

Он в изумлении вскинул брови.

— Всего трех? Сэр Ричард, вы точно кукукнулись. Мне и пяти мало. Чё-нибудь болит? Карла-Антона позвать?

Я подумал, кивнул.

— Зови. Сейчас надо созывать даже тех, кого и не надо.

— Понял, — ответил он. — Если уж самого Тамплиера кто-то отдал... Бегу!

На пути к двери громко и страшно крикнул, из коридора заглянули двое в одежде слуг. Хрурт рявкнул приказ, и оба исчезли, а из коридора донесся быстро удаляющийся топот.

Глава 2

К тому времени как Тамплиера привели обратно, в моем кабинете уже собрались Карл-Антон, его незаменимый помощник Зейс, тихий и незаметный, как

чучундр, а также Джонатан Кавендиш, королевский маг второго допуска, кавалер Золотой Кометы, более известный по прозвищу Лаперуза.

С Тамплиером вернулись Норберт и Альбрехт, а Келляве по моему указанию отыскал лорд-канцлера, тот как никто знает все королевства, должен рассказать о местах, где случился тот чудовищный и такой непонятный мятеж.

Тамплиер остался в полных доспехах, пусть даже заметно помятых, только шлем унесли в мастерскую. Келляве поглядывает на Тамплиера с одобрением, сверкающая сталь на доблестном паладине смотрится как собственная кожа, ничто не скрипнет, не звякнет, и сам держится так, будто в тонкой рубашке и брюках, по-мужски пренебрегая неудобствами сковывающего веса.

Кабинет постепенно заполнялся, Тамплиер отвечает сумбурно, но, когда вопросы со всех сторон, некая картина все же вырисовывается. Для него началось все в королевстве Иллюверния, это не вблизи Волсингейна и даже не в соседнем королевстве, но все же и не на окраине, багер туда идет всего несколько часов. Тамплиер как раз успел подняться на небольшой холм, откуда увидел странное зарево на северо-востоке, что воспламенило край земли и быстро продвигается в его сторону.

Будучи паладином и защитником, призванным и обязанным самим Господом, он повернул коня и помчался в ту сторону. И с каждым конским скоком зарево становилось ярче и страшнее. Ветер донес запах горящей земли, а потом донеслись крики испуганных людей.

Альбрехт сказал осторожно:

— Возможно, началось не в королевстве Иллюверния?

— В королевстве, — возразил Тамплиер.

— Полагаете, сэр, — спросил Альбрехт с язвительной ноткой, — он вылез из-под земли, как вы говорите, только при вашем появлении?

— Раньше его не было, — сообщил Тамплиер твердо. — Иначе бы люди прибежали ко мне за спасением!

— Гм, — сказал Альбрехт и перевел взгляд на Норберта.

Норберт кивнул.

— Уже послал проверить.

Тамплиер зло сверкнул глазами, но продолжал рассказывать, как зарево становилось все ярче, а потом увидел, как жаркое пламя движется по земле, сжирая ее с валунами, отдельными деревьями и даже лесом.

Он сотворил воскресную молитву, но огонь не остановился, а он рассмотрел, что в огненной стене неостановимо ползет некая красная гора, сверкающая металлом, похожая на рыцарский шлем, но размером выше самого высокого здания дворца в Волсингейне.

Когда его конь, что шел галопом, домчал его туда, гора Дьявола, как он назвал ее, уже проползла мимо в стене огня и черного дыма, а позади осталось раскаленное плато шириной в половину мили, как он определил на глаз, целиком из литого и пышущего огнем камня.

Жар был таков, что пролетающие птицы падали замертво и вспыхивали, еще не коснувшись раскаленной поверхности.

Он некоторое время скакал сбоку, выкрикивая угрозы и вызывая на честный бой. Гора Дьявола не ответила, как и направляющие ее нечестивые кол-

дуны. Он пробовал творить молитвы — не помогло, и тогда повернул коня к ближайшей причальной пирамиде.

Все молчали, я видел по их лицам, что пытаются представить страшную картину разрушения, только сэр Норберт негромко поинтересовался:

— А помятые доспехи... и, гм, некоторые царепины?

Тамплиер ответил в крайнем неудовольствии:

— Что вы о таких мелочах? Спешил успеть на баттер, пришлось протолкаться через охрану причальной пирамиды. Иначе бы опоздал.

— Протолкаться или прорубиться? — уточнил Норберт с беспокойством.

— Просто распихал, — ответил Тамплиер. — Грешно бить своих.

— Вы сделали правильно, — сказал Альбрехт. — Чем позже мы бы узнали, тем позже... гм... его величество приняло бы разумное решение. Как всегда недопонятое нами.

Я сказал раздраженно:

— Теперь скажите мне это разумное решение, я его щас же приму! А могу и вчерашним числом, чтобы этот Демон Огня, как вы его нарекли, вовсе не появился.

Норберт сел рядом с Тамплиером, тот неслышно шепчет про себя молитву, взгляд застыл, как и лицо, мысленно сражается с этим Демоном Огня и повергает его обратно в Ад.

— Дорогой друг, — сказал Норберт с настойчивостью в голосе, — попытайтесь вспомнить... кто-то из людей там был? Скрытых?

Тамплиер покачал головой.

— Я паладин, у меня с нечестивыми колдунами особые отношения. От моего взора не укроются как скрытники, так и незримники. И никто не уходит от лезвия моего меча, освященного на алтаре монастыря Святого Бенедикта!. Но я не увидел ни мага, ни волшебника! Даже ни одного колдуна. Иначе бы...

— Да-да, — согласился Норберт, — вы бы их сразу и немедленно... Ваше величество?

— Да-да, — ответил я. — Отправьте людей побольше. В бой не вступать! Оставаться в качестве наблюдателей и вернуться с ясной картиной. Направление, возможные препятствия, скорость передвижения, масштаб разрушений...

Норберт быстро поднялся и пошел к двери в коридор. Я не стал смотреть, как он через приоткрытую дверь раздает указания, сказал Тамплиеру с уверенностью, которую не испытываю:

— Отдохните, дорогой друг!.. Мы скоро туда вернемся.

Сэр Альбрехт произнес с уверенностью:

— Ваше величество, маги императора Скагеррака наверняка ни при чем!..

— Тоже в этом уверен, — ответил я.

Келляве спросил с неудовольствием:

— Почему это?

Я кивнул в сторону Карла-Антона и Зейса, особенно выделил взглядом сгорбившегося Джонатана Ка-вендиша, кавалера Золотой Кометы, имперского мага, что сейчас выглядит испуганным и растерянным.

— Посмотрите на них.

Келляве посмотрел, нахмурился.

— Вы правы. Непохоже, чтобы такие. Хотя ваш Карл-Антон мог бы, как иногда кажется, однако блю-

дет вам верность, что выдает в нем человека очень благородного происхождения из старинного рода.

— Вот-вот, — ответил я. — Из оставшихся магов вряд ли кто-то...

— Тогда Странствующие?.. Что не ушли в пещеры?

— Да, — ответил я. — А это проблема. Если Странствующие в самом деле бродят среди людей неузнанными и обладают мощью Великих...

Норберт вернулся от двери и сказал ровным голосом:

— До отхода багера в том направлении еще двадцать минут.

— Поспешим, — велел я.

Все помедлили чуть-чуть, я видел, как на лицах появился ясно выраженный вопрос. Дескать, почему не на Маркусе? И быстрее, и не надо страшиться, что опоздаем, но никто не рискнул возразить, все заторопились к выходу.

Я перехватил изучающий взгляд Альбрехта, но даже ему вряд ли скажу, что у самого холодно и пусто в груди, чувствуя себя как голый на пронизывающем ветру на вершине скалы да еще и в ночи.

Так привык к моши Маркуса за спиной, что в самом деле заметно разленился и поглупел, но зато как было надежно, уютно и не надо думать о препятствиях!

Уже начал размышлять над важным государственным вопросом, подумать только, о роли и значении четвертой любовницы в деле укрепления обороноспособности империи...

Кивком велел Хрурту запереть за нами и никого не пускать, пока не вернусь. В груди разрастается тяжелая холодная льдина, как же страшно ощутить, что

мы на враждебном Юге, а Маркус отбыл то ли на зимовку, то ли откладывать яйца.

И никому не скажешь, даже лучшие и ближайшие соратники могут проговориться на пиру или в постели, а я разом потеряю грозную славу Властелина Багровой Звезды Зла.

Нет уж, пусть все верят, что стоит щелкнуть пальцами, как Багровая Звезда возникнет и сотрет с лица земли хоть город, хоть королевство, если там посмеют вызвать мое неудовольствие.

Спускаясь по лестнице в нижний зал, Норберт бросил сухо:

— Про этого Демона Огня никому ни слова!

Никто не ответил, и так понятно, нам здесь только паники не хватает, прошли через залы расширяющимся клином, только на выходе сбили боевой строй.

Люди Норберта, которым он чуть раньше дал распоряжения, бросились к нам с уже оседланными конями в поводу.

Бобик носился кругами, пугая местных, подпрыгивал, показывая, что он сам всех врагов порвет, только возвращайтесь, а еще будет по дороге ловить дичь и снабжать провиантом хоть целую армию.

Лорд-канцлер с группой членов Государственного Совета занял стратегическое место во дворе с таким расчетом, чтобы присутствовать при отбытии императора, не мешать и в то же время быть под рукой.

Я понял, оценил, подозвал его кивком. Он заспешил, даже не опираясь на трость, весь внимание и готовность исполнять мои мудрые указы.

— Сэр Джуллиан, — сказал я с чуть ли не искренним сочувствием, — сожалею, но о таком важнейшем для народного хозяйства империи деле, как выбор

Государственным Советом для меня четвертой любовницы, отложим до возвращения. Увы, спасти мир тоже как бы важно. В некоторой степени.

Он поклонился со всевозможным почтением.

— Да, ваше величество, возвращайтесь поскорее. Я уловил в вашем голосе нежелание заниматься этим важнейшим в международной дипломатии вопросом...

Мне подвели арбогастра, я поднялся в седло и похлопал могучего зверя по шее, блестящей и абсолютно гладкой, как застывшая черная эпоксидная смола.

— Зайчик, мы снова в деле. Как и в старое добroе время!.. Бобик, вперед!

Радостный Бобик от счастья по-щенячыи взвизгнул и ринулся к выходу из дворца.

Сэр Джуллиан крикнул мне в спину:

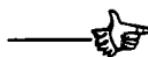
— Однако же, увы, придется! Таковы реалии государственного устройства!.. Но мы можем к вашему возвращению все подготовить, не волнуйтесь!

Ветер засвистел в ушах, мы вылетели за пределы дворцового ансамбля, я едва успел расслышать последние слова лорда-канцлера, тут же всем отрядом с грозным грохотом копыт вылетели за пределы высоких зданий дворца.

Навстречу ринулись массивные и добротные дома горожан, и, лишь когда вырвались за пределы города, а впереди пошла навстречу быстро разрастаться в размерах причальная пирамида, сэр Альбрехт возник справа на своем огненно-рыжем коне, красивый и нарядный в расшитом золотом камзоле и в шляпе с целым веером белоснежных перьев.

— Слышали, ваше величество?

— Что? — ответил я строго.

— Обещают к вашему возвращению решить проблему!

— Не отвлекайтесь, — посоветовал я на скаку. — Опасность в самом деле... серьезная.

Его конь мчится рядом с арбогастром такой же веселый и беспечный, как и сам хозяин, только я смотрю на них сверху так, словно Альбрехт едет на пони, но Альбрехт крикнул беззаботно:

— Вы изворотливы, ваше величество! Чего раньше не замечал. Какой-то выход найдете.

— А если не найду?

Он с небрежностью повел плечами.

— Маркус по вашему желанию сделает прижигание этого прыщика каленым железом на нежном теле земли. Только и всего!

Я ответил строго:

— Ищете легкие решения?.. Господь не для того создал человека.

— Все еще наказывает потомков Адама, чтобы в поте лица?

— Нет, оказывает доверие.

Глава 3

С трех сторон на вершину причальной пирамиды ведут ступеньки, а с четвертой проложена покатая горка, это для конных дворян, можно вскачь с разгону взлететь на самый верх.

Мы так и сделали, и едва конские копыта ступили наверх, как в небе показалась снижающаяся платформа с трепещущими на ветру красными полотнищами и хищно задранной головой дракона из красной меди.

Багер выглядит празднично, словно и строили для перевозки знати, даже я не сразу бы подумал, что изначально это простая тележка для перевозки тяжелых слитков редкоземельных металлов из подземного рудника в расположенные на поверхности заводы той исчезнувшей эпохи.

Всадники Норберта выглядят солидно, всем видом показывают, что уже передвигались на багерах, ничего особенного, но остальные заметно оживились и большими глазами смотрят на это чудо.

Едва эта варварски разукрашенная и разрисованная всеми цветами платформа, символизирующая могущество императора, тяжело коснулась бортом края площадки, местные часовые тут же распахнули широкую калитку.

Первым, распихивая неповоротливых, на площадку багера вскочил Бобик.

Загрузкой всадников уверенно и безукоризненно точно руководил Милфорд, а когда мы трое неспешно поднялись на площадку, предупредил:

— Ваше величество, через три минуты эта штука отчалит!

— Успеваем, — ответил я.

Альбрехт за моей спиной сказал с ехидцей:

— И как это сооружение смеет не подчиняться воле императора?

Я сердито блыннул в его сторону глазами, но промолчал. Сам знает, что меня это раздражает, и при малейшей возможности вмешаться в этот процесс обязательно влезу, пусть даже и наломаю дров.

Сэр Норберт, как и его разведчики, все еще в седлах на сухих поджарых конях, легких, быстрых и выносливых. Граф Келляве и другие военачальники

тоже не решаются оставить седла крупных рыцарских коней, умеющих быстро разогнаться на короткие расстояния для удара по врагу.

Снизу с земли машут шляпами, наиболее ревностные подхалимы из числа придворных проводили нас верхами и выказывают сейчас переполняющие их чувства верности, преданности и готовности служить еще ревностнее.

— Сейчас отойдет от башни! — предупредил Милфорд. — Держитесь крепче!

На этот раз все с поспешностью покинули седла, хватались за перила и друг за друга, только сэр Норберт, Милфорд и двое из его команды остались в седлах, выказывая неустрешимость и умение управлять конями.

Тамплиер остался на своем громадном белом коне, почти таком же огромном, как мой арбогастр. Конь Тамплиера могуч и нетороплив, и мало кто знает, что способен набирать огромную скорость, хотя и не с места, как мой пышногривый Зайчик.

Почти все столпились у бортов по периметру, с изумлением всматриваясь в мир внизу. Только я один, наверное, ощущал, что багер отделился от причально-го мостика и пошел в сторону, но для всех это мир сдвинулся и пугающе быстро начал отдаляться.

Альбрехт сказал с нервным смешком:

— Когда привыкну?.. Всякий раз как в холодную воду...

Багер, продолжая ускоряться, поднимался еще некоторое время, затем пошел ровно и на сравнительно небольшой высоте.

Внизу поплыл нескончаемый лес, иногда проглядывают небольшие озера, зеленые холмы, чаще всего тоже покрытые лесом.

— Быстрее всего привыкают простолюдины, — пояснил я. — Простые люди редко чему-то удивляются. Это нам все знать надо... А если чего не понимаем, просто неудобство какое-то внутри.

— Неудобство? — сказал он. — Это вам неудобство, а меня просто бесит от бессилия!

— Перфекционист, — сказал я с чувством превосходства.

Багер, как мне показалось, прибавил скорости, внизу зеленый лес сменился россыпью мелких болот, явно было нечто огромное, уступающее напористому лесу. Затем снова холмы, зеленые долины, редкие проплешины степи и лесостепи, опять леса...

— Это все еще наше? — спросил я.

Альбрехт сказал с покровительственной ноткой:

— Почти треть королевства уже позади. Эта штука мчится быстрее птиц!.. И как только...

— Не начинайте, — прервал я. — Сэр Альбрехт, не начинайте!

Он взглянул на меня с прищуром.

— У меня впечатление, что вы знаете, ваше величество. Но почему-то помалкиваете.

— От бессилия, — ответил я, — от бессилия, дорогой друг!..

Он кивнул вниз.

— А земля внизу так и просится под пашни.

— К счастью, — ответил я, — надеюсь, вы поняли, дорогой принц!

Он не понял, судя по его виду, но смолчал, поглядывал на отряд, что благоразумно сгрудился на середине платформы, где удерживают обеспокоенных лошадей.

Лишь несколько человек все еще перемещаются по краям багера, рассматривая скользящий внизу мир.

Не все успели побывать на багерах, мелькнуло у меня, теперь впечатлений будет на всю жизнь. А если по пути попадется еще город или село, то какая же радость хотя бы плюнуть с высоты. Тот, кто выше по титулу, всегда и трон свой ставит выше, так что все по Дарвину.

Альбрехт ушел к Норберту выяснить проблемы безопасности, взамен подошел Келляве, грозный и могучий в доспехах, рукоять огромного меча выглядывает из-за плеча, напоминая о готовности покинуть ножны во славу и для.

— Ваше величество, — поинтересовался он сдержанно, — а почему такой выдающийся воин, я говорю о Тамплиере, несколько удален от дворца?

— Удален? — переспросил я. — Откуда такое впечатление?.. Тамплиер там, где нужнее. Что ему во дворце, танцы разучивать?

Он сказал задумчиво:

— Гм, тогда мне просто почудилось...

— Не почудилось, — ответил я, понизив голос. — Он по той же причине не бывает во дворце, по которой я пока не спешу привозить сюда отца Дитриха с его командой. И Тамплиер, и отец Дитрих — союзники, но не подданные...

— И Тамплиер не подданный?

Я покачал головой.

— Он подданный Господа Бога...

Келляве не сводил с меня испытующего взгляда.

— Это как? Монах?

— Можно и так, — согласился я. — Хоть молитв почти не знает, как и заповедей, но соблюдает в строгости. У него чувство веры и справедливости! Он истинный паладин, а вот мое паладинство у него

под сомнением. Вообще полагает, что Господь меня только терпит и ждет, когда оступлюсь, чтобы стереть с лица земли и ввергнуть в ад.

— Ух ты, — сказал он потрясенно, — а почему не стереть вас с лица земли сразу?

— Добрый вы человек, граф, — произнес я с укором. — Господь милостив, это раз, хотя Тамплиер полагает, что чересчур. А главное, только об этом никому, от меня пользы Господу вообще-то больше, чем от чистого душой Тамплиера, и Господь это видит. На Севере я укреплял и восстанавливал церкви... Хотя что это я объясняю? Мы все нужны! И как борцы с нечистью, и как правители, что направляют народ на борьбу с соблазнами, а не на примирение с ними, что ведет к деградации общества... Да-да, вот таким макаром! Нужно уметь смотреть в будущее.

Он сказал с неудовольствием:

— Ваше величество, если бы я умел, стал хотя бы королем!.. Ну пусть герцогом...

— Герцогом можете, — заверил я. — Такие вопросы Господь поручил решать мне.

— Здорово! Доверяет, значит.

— А потом спросит, — пояснил я, — не слишком ли щедро я раздавал титулы?.. Так что сперва нужно приложить усилия, а потом мое величество изволит посмотреть.

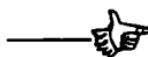
Он поклонился и сделал было шаг отступить и удалился, но остановился и спросил шепотом:

— Ваше величество... а почему на этот раз не воспользовались вашей ужасающей Багровой Звездой?

Я взглянул на него с сомнением.

— Думаете, нужно было?

— Ну да, — воскликнул он с жаром. — Для Багро-

вой Звезды это же что нам жука раздавить на дороге!.. Хотя я жуков давить не люблю, но вы раздавите кого угодно, вы же император!

Я вздохнул, сам ощутил, как взор у меня становится мудрым и глубоким, проговорил голосом Познавшего Истину:

— Сэр Гастон, Господь постоянно испытывает и проверяет нас. Багровую Звезду послал, чтобы проверить нашу стойкость и веру в победу над злом, а затем оставил ее у нас, чтобы проверить уже более важное...

Он насторожился, спросил шепотом:

— Что, ваше величество?

— Нашу взрослость, — сообщил я. — Сможем ли сами решать трудные проблемы? Или без Багровой Звезды никак?.. Я чувствую нутром паладина, что это трудное испытание покажет Господу, что мы и кто мы есть на самом деле.

Он вздохнул, лицо его омрачилось.

— Ох, ваше величество... Но я не представляю, как мы справимся...

— И я не представляю, — ответил я честно, — но давайте попробуем. Если Господь в нас верит...

— А Он точно верит?

— Раз проверяет, — ответил я, — значит, рассчитывает на нас. И нам дает знак. Дескать, если обосремся, спишет и нас со своего божественного счета. Так что надо, сэр Гастон!

Через час и самые любопытствующие начали отходить от перил. Внизу все так же быстро проносится нескончаемая зелень лесов, мир одинаков, только однажды в сторонке промелькнуло одинокое село, даже деревня, но и ту не рассмотрели с такой высоты.

Я создал горку сахарного печенья и кофе, угостил Альбрехта и Келляве, отнес и Норберту, единственному, кто остался у края платформы багера, всматриваясь в летящий навстречу мир.

— Сэр Норберт...

Он взял печенье и чашку с кофе, но сказал с укором:

— Ваше величество, так могут и забыть, кто здесь император!

— Я напомню, — сказал я с укором. — Но сейчас я боевой вождь и соратник, как пишут в хрониках. Равный, но первый. Или первый из равных, не помню.

— Хотел бы я заглянуть в эти ваши хроники, — обронил он. — Прекрасное печенье!.. Если свергнут, пойдете в кондитеры?.. Цены такому не будет. Кстати, судя по словам Тамплиера, скоро прибудем?.. Или он по церковному времени?

— Хотелось бы, — сказал я, — чтобы наш доблестный паладин ошибся. Чтоб не через шесть часов, а через шестьдесят, а лучше больше...

— Чтобы у нас было больше времени?

— Да, — сказал я с сердцем. — Понимаю, что он мог прийти вообще из империи Великие Горы... он же с той стороны прет?.. Там тоже страдают люди, но там чужие, а тут наши!

— Ваши, — уточнил он. — Хотя да, и наши.

Он оборвал себя на полуслове, уставившись на нечто за моей спиной. Я торопливо оглянулся, сердце сжалось.

Далеко-далеко на краю видимости виднеется кровавое зарево, но не рассвет и не закат.

Норберт, глядя в другую сторону, сказал быстро:

— А вон и причальная!.. Всем подъем, подъем!..
Готовимся к выходу!

Многие к этому времени уже улеглись, прикрывшись плащами, теперь торопливо вскакивают, еще сонные, хватают коней и поднимаются в седла, которых так и не снимали.

Багер начал неспешно снижаться, я поймал взглядом четырехугольную вершину причальной пирамиды. Там толпа возжелавших то ли по делам, то ли просто прокатиться и пошалить по моде столичных жителей.

Альбрехт покачал головой, я сказал со вздохом:

— Ограничим. Это сейчас из-за конца света все правила и законы рухнули.

— Ограничения прежние?

— Еще чего, — буркнул я. — У меня нет такого почтения к титулам. Привилегии будут получать нужные стране и сельскому хозяйству люди.

За нашими спинами сэр Норберт сказал властно:

— Всем полная готовность! С багера быстро, но без толкотни!

Багер снижался и все больше замедлял движение. На причальной пирамиде машут руками и шляпами. Край платформы коснулся массива причальной пирамиды бесшумно, словно просчитывает скорость и расстояние, хотя на самом деле срабатывает программа тех времен, когда никаких причальных пирамид не существовало.

Работники пирамиды тут же распахнули разделяющие багер и вершину пирамиды воротца. Толпа встречающих, что на самом деле собравшиеся прокатиться на багере, поспешно расступилась.

Милфорд двинулся вперед, показывая дорогу. Он здесь не бывал, но причальные пирамиды везде примерно одинаковы, хотя у большинства только ступеньки, по которым так не любят спускаться кони.

Копыта гулко простучали по широкому дощатому настилу из новеньких, но уже затоптанных досок. Кони хрюкали и неохотно спускались по наклонной плоскости, кое-кто даже пробовал садиться на зад.

Норберт крикнул кому-то:

— Проследить, чтобы спуск сделали ровнее и более пологим! Мы пришли всерьез и надолго!

Милфорд прокричал бодро:

— Сделаем!

Уже и королям готовы приказывать, мелькнуло у меня. Молодцы, уверенно смотрят в будущее. А я чувствую себя так, словно с потерей Маркуса разоружили и оставили голым перед полчищами врага.

Но король, напомнил я себе, всегда должен быть бодр и весел. Особенно если он уже император.

Когда спустились на землю, охраняющие башню по периметру стражники с ужасом уставились на Тамплиера и поспешно отступили, закрывшись щитами и выставив перед собой копья.

Я спросил тихо:

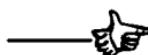
— Многих вы зарубили?

Тамплиер ответил с достоинством:

— Ни одного даже пальцем!.. Они выполняют свой долг, я свой. Но мне пришлось несколько растолкать их... Иначе мог бы не успеть на багер, тот уже причалил.

— Добрый вы человек, Тамплиер, — сказал я.

Он ответил с достоинством:

— Важнее быть справедливым, сэр Ричард, о чем вы, наверное, все еще не слыхали. А то, что молоты о меня поразбивали, ничего, другие из казны получат.

— Да, — согласился я, — добрым быть проще. А еще проще добреньким.

Норберт коротко оглядел отряд, все ли на месте, оглянулся на меня.

Я кивнул, и он крикнул зычно:

— Бросок на восток!.. В сторону вон того зарева!..
Дозорные вперед!

Хотя, как я заметил, тройка легких конников во главе с Милфордом прямо с наклонной плоскости пирамиды, не задерживаясь, умчалась в сторону пожара.

За Норбертом в стремительном галопе отправилась еще почти половина нашего маленького отряда, а рыцарская часть тяжелым галопом пошла следом.

Глава 4

Арбогастр и конь Тамплиера держатся рядом, оба рослые и пышногривые, только мой черный как само зло, а Тамплиеров белоснежный, какими рисуют ангелов.

Нас догнал на злом и быстром коне Альбрехт, крикнул, придерживая ладонью шляпу:

— А ваша собачка тоже там!

— Вот дурень, — сказал я с тревогой. — Разбаловался в неге, теперь и магам на шею кинется целоваться!

— Отышет?

— Обязательно! У него чутье.

С каждым конским скоком впереди все мощнее разгорается страшное зарево. Мое сердце сжалось, если там пожар, то захватывает площадь побольше, чем в милю. Тамплиер прав, даже отсюда виден ужа-сающий масштаб разрушений.

На фоне красной стены огня мелькнула фигура всадника, исчезла, затем прямо из огня с грохотом копыт выметнулся на взмыленном коне Милфорд, от обоих пахнуло жаром, лицо и вся одежда разведчика в копоти.

— Дальше никак! — крикнул он. — Чуть не сгорел, одного из моих едва загасили! Даже сапоги вспыхнули, будто из соломы.

— Остальные? — спросил Норберт.

— Послал обойти Демона Огня, — ответил Милфорд. — Надо посмотреть, что с другой стороны.

— Береги людей, — напомнил Норберт.

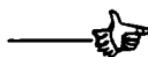
Я со страхом всматривался в приближающуюся огненную стену. Двигается не прямо, наискось, но на-каленный воздух заставляет морщиться.

С каждой минутой огненная стена становилась все выше и шире. Теперь отчетливо видно, что движется достаточно быстро, приблизительно со скоростью быстро шагающего человека.

Если не сменит направление, то вскоре упрется в каменистые холмы и нагромождение скал.

— Только наблюдать! — крикнул я. — Все, что уз-наем, увидим, заметим... Бобик, туда не лезть! Дер-жись рядом, меня спасать будешь!

Дважды ярко блеснуло из огня, словно солнечный зайчик, я сжался в ком от дурного предчувствия, но лица моих орлов хотя и тревожные, но все бодрятся, дескать, и не в таких передрягах бывали, хотя вообще-

то не бывали, зато уверены во мне, а у меня в животе все айсберги Антарктиды, холодно и тяжело, а в мозгу трусливенькая мысль: а по Сеньке ли шапка?

— Это демон, — сказал Келляве авторитетно. — Маги в таком аду не выживут!

Норберт бросил, не поворачивая головы:

— Уже ищут. Где-то должен быть...

— Полагаете, — сказал Альбрехт, — маги не сумели бы остаться незримыми?

— Полагаю, — отрезал Норберт, — бросили вызов, чтобы их заметили. А разговаривать хотят на своих условиях. Недаром сэр Тамплиер заявил, что те подняли темный ужас из бездны и потребовали покорности и сдачи!.. И хотя никаких магов не увидел и требований не услышал, но это очевидно...

— Не успел, — уточнил Норберт.

— Пусть не успел, — согласился Альбрехт, — но не сомневается, что маги хотят все решать с позиции силы и своей власти.

Келляве проворчал:

— Решать?

— Маги не воины, — пояснил Альбрехт. — Если могут принудить и покорить без сражений, так и делают...

Я почти не слушал, всматриваясь в жаркую стену огня, что с виду движется медленно, но это потому, что далеко, вздрогнул, наконец сообразив, что огонь стелется только внизу по земле, а выше нечто металлическое, настолько блестящее, что огонь отражается по всей поверхности, из-за чего все это выглядит со стороны сплошной стеной пламени.

Чудовищный Демон Огня, как назвал его Тамплиер, выглядит монолитом, но я присмотрелся, сердце

трепыхнулось. На самом деле это нечто из трех плотно наложенных одна на другую исполинских плит, нижняя тупо и мощно прет в одном направлении, вторая на ней слегка поворачивается из стороны в сторону, словно сканируя мир вокруг, а верхняя, что напоминает верхушку рыцарского шлема, такая же неподвижная, как и самый низ, только на вершинке поблескивает синий огонек, словно вспыхивает электросварка.

Основание платформы окружено плотным пламенем, то ли ползет по земле, то ли двигается на некой глубине, погрузившись под собственной тяжестью, а сама земля тоже горит и превращается в огненную магму...

Альбрехт сказал настойчиво:

— Ваше величество?

— Послать впереди этой твари двух на быстрых и выносливых конях, — велел я. — Пусть предупредят впереди, чтоб ушли в сторону.

— Норберт уже распорядился.

— Если попадется деревня, — сказал я, — нужно забрать скот и все, что могут унести или увезти.

Норберт кивнул Милфорду, тот повернулся коня и умчался к ожидающему распоряжений отряду.

Через мгновение оттуда отделились двое всадников и в яростном галопе понеслись параллельным курсом с Демоном Огня, стараясь догнать и обогнать.

Бобик посмотрел на меня и, не получив запрета, подпрыгнул и ринулся вслед за Милфордом, которого уже признал как друга, раз принимает от него дичь и потому с ним так приятно общаться.

— Хорошо, — сказал Норберт, — похоже, прет не быстрее пешехода.

— Все бы так ходили, — обронил Келляве.

— Правда, — уточнил Норберт, — быстрого. И что-то не обращает внимания на ваше величество. Про нас вообще молчу...

Альбрехт предположил:

— Ждут, что устрашенный император сам пойдет к ним на поклон?

— Не знаю, — ответил Норберт сумрачно, — однако вот он вызов. Как ответим?

Их взгляды уперлись в меня, я чувствовал напряжение и тревогу, но с усилием заставил голос прозвучать ровно:

— А никак. Пока никак. Реальной опасности нет, не так ли?.. Я пока заметил только отдаленное давление. Которое истолковать можно так и эдак. Насколько это сложная игра, пока не представляю.

Они молчали, озадаченные, наконец Альбрехт заметил с осторожностью:

— Насколько это мудро, судить не мне, однако... ваше величество, вы теряете свою стремительность. Что, мне кажется, не совсем в вашем стиле и повадках. Это уже старость?

— Не надейтесь, — огрызнулся я. — А с империей на плечах не до стремительности. Чуть не так шевельнусь, все рухнет.

— Да, — согласился сэр Келляве, — даже не почешешь нигде всласть.

Норберт предложил:

— Рассмотрим ближе?

Арбогастр подо мной дернулся вперед раньше, чем Норберт договорил.

Ветер засвистел в ушах, я пригнулся, а то раздувает рот, делая его похожим то ли на пасть гигантского

сома, то ли на хомяка в период осенних сборов зерна на зиму.

Альбрехт и Норберт ожидали отстали, однако Зайчик так и не успел набрать свою фирменную скорость, далекая стена огня вырастает очень быстро.

Арбогастр сбросил скорость, как только мы увидели на фоне красной стены огня идущую на рысях в ту же сторону конную разведку.

Задний оглянулся на грозный гул копыт моего черного коня.

— Ваше величество?

— Где остальные? — спросил я.

— Поехали предупреждать народ, чтобы убрались с дороги. А Милфорд скачет перед Демоном Огня и всячески его обзывают!

— Зачем? — спросил я. — Впрочем, понятно. Никому не приближаться к этой твари, запомнили?.. Когда настанет час битвы, я подам знак.

— Какой?

— Увидите, — пообещал я.

За спиной простучали копыта коней Норберта и Альбрехта, еще не в мыле, но на моего арбогастра покосились с ревнивой обидой и осуждением, как на хвастуна и предателя.

Альбрехт морщился от жара, наконец надвинул на глаза шляпу, придумав ей и утилитарное применение.

— И не останавливается отдохнуть? — спросил он. — Тогда можно рассчитать, сколько пройдет за сутки. А если впереди гора?

Норберт поехал чуть в сторонке, крикнул оттуда:

— Мне кажется, он и вышел со стороны гор, прорубив дорогу через каменные стены.

Альбрехт поинтересовался:

— А если кто-то из магов вызвал его прямо здесь?

— Тоже может быть, — согласился Норберт, — но вот посмотрите... Вон там нечто вроде широкой просеки через лес?

Норберт прав, мелькнуло в мозгу. В той стороне, откуда двигается эта огненная тварь, все еще пожар, но заметно, что горит справа и слева, а посредине красно-черная полоса, словно земля постепенно переходит из расплавленной магмы в твердое покрытие.

Часть разведчиков понеслась за Огненным Демоном, остальные растянулись вдоль края остывающей, но все еще раскаленной каменной тверди, оставленной за чудовищным демоном.

— А где же те, — поинтересовался я, — кто предъявил мне такой ультиматум? Насчет все пропало, сдавайтесь, покоритесь, падите ниц?

Альбрехт тоже посмотрел по сторонам, снял шляпу и помахал ею перед лицом:

— Жарко здесь. Может, уже знают судьбу предыдущих ультиматистов или ультиматовщиков?

— Может, — подтвердил Норберт. — Но тогда как с ними вести переговоры?

— Те предыдущие, — напомнил Альбрехт, — тоже намеревались вести переговоры с помощью подметных писем. Но его величество со всем присущим ему коварством и бесцеремонностью северного варвара...

Наши кони шли шагом в сторону полосы, оставленной за Огненным Демоном, словно дорожка за ползущим слизнем, очень большим слизнем.

Мы с каждым конским шагом чувствовали нарастающий жар, но, к счастью, ветерок не в нашу сторону, удалось приблизиться на десяток шагов, там

с двумя разведчиками стоит с таким же несчастным видом, как и у его хозяина, крупный конь графа Келляве, а он сам в полных воинских доспехах явно готов к бою, разве что забрало пока что поднято.

Он оглянулся, вскрикнул мощно:

— Ваше величество!..

— Не жарко, сэр Гастон?

— Есть немного, — ответил он скромно, — железо, правда, накалилось, а конь вообще дальше никак...

— Подковы греются, — предположил я. — Земля остывает медленно.

Он посмотрел вслед медленно отодвигающейся стене огня.

— Этот Демон в самом деле только один?

Я смолчал, пока информацию только начинаю собирать, Норберт сказал сухо:

— Рассчитывали на армию?

Он ответил мужественным голосом:

— Конечно! Сэр Ричард сразился бы с их вероломным предводителем, а мы отважно и доблестно сшиблись бы с его нечестивым воинством!

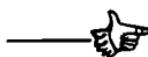
Я ответил подобающим тоном:

— Мы на Юге, дорогой граф. А здесь все не так, как у людей. Потому надо быть готовыми к неожиданностям совсем неблагородного типа.

— И не отступать, — добавил Альбрехт с ехидцей. — Мы же не кони. По крайней мере с виду.

Келляве бурно запротестовал:

— Отступать? Кто сказал отступать? Я надеялся вступить в бой сразу, сходя с багера!.. А здесь что? Здесь хуже, чем отступление. Здесь вообще непонятности!

— Вся жизнь непонятность, — изрек Альбрехт. — А его величество сэр Ричард делает ее еще непонятнее и загадочнее.

Демон Огня продолжал уходить все дальше и дальше, за обугленными пнями открылась широчайшая каменная полоса багрового цвета. На самом деле не полоса, как может смотреться с багера, а раскаленное красное поле, что пышет жаром, медленно теряя красноту и обретая солидную багровость, что, как догадываюсь, пройдет тоже, и перед нами будет сплошная гранитная плита шириной примерно в полмили, как и сказал Тамплиер.

— Красиво, — сказал Альбрехт.

— Не настолько, — согласился я, — как ваша шляпа, но впечатляет.

Келляве с железным скрипом развернулся в седле в сторону Альбрехта.

— Красиво? — спросил он с негодованием. — Красиво только то, что создано руками Господа!.. А эту мерзость создали...

— Люди, — подсказал Альбрехт.

— Маги уже не люди, — возразил Келляве. — Они перестали быть людьми, как только занялись нечестивой магией, запрещенной Церковью... И вообще, зачем эта плита позади?

— А она не позади, — предположил Альбрехт. — Демон Огня ее творит перед собой, иначе провалится. Потом вползает на нее и ползет дальше. Так, ваше величество?

— Не совсем, — ответил я, — но так, если для доступности.

Он кивнул, удовлетворенный.

— Думаю, плита не просто плита, как во дворе перед дворцом, а здесь толщиной в ярд или в два! Как думаете, ваше величество?

Келляве тоже смотрит с надеждой, что вот сейчас все объясню, я сглотнул горький ком в горле, Маркус ушел, совсем ушел, чувствуя всеми фибрами, но они ждут, я проговорил бесцветным голосом:

— Скорее в десяток ярдов. Если не больше. Скажем, для посадки космических челноков потребовалось бы толщина... гм...

Они смотрели с недоумением, я с досадой махнул рукой, дескать, не берите в голову, мало ли чего ваш император несет, он же умный, ему можно.

Сэр Норберт проговорил с задумчивым видом:

— Вообще-то двигается в ту сторону, где Волсинг-сбор... Не понимаю только, зачем так издалека?

— А если их цель, — сказал Альбрехт, — не разрушить стольный город империи, а принудить его величество к сдаче?.. Дают время подумать: вдруг его величество тугодум, каким смотрится издали и в профиль?..

— Или к выполнению их условий, — предположил Келляве. — Почему не предположить, что Волсинг-сбор им тоже нужен целым и невредимым?

Норберт, не скрываясь, огляделся по сторонам.

— Интересно, наблюдают ли за нами?.. Иначе как поймут, что мы убедились в их моши и теперь им пора начинать выдвигать нам условия?

Келляве зарычал и, с лязгом опустив на рукоять меча ладонь в булатной перчатке, с угрозой и надменностью во взоре посмотрел по сторонам.

— Мошь человека, — заявил он, — только в его доблести и верности заветам предков!

Глава 5

С нами остались трое из конной разведки, остальные исчезли в клубах дыма, им нужно обогнать Демона Огня и предупредить всех на его пути о надвигающейся беде.

Альбрехт приподнялся в стременах, придерживая ладонью шляпу, где хвастливые белоснежные перья успели покернеть от копоти.

— Ваше величество, — сказал он и с хищным видом огляделся по сторонам, — с вашего высокого разрешения, даже высочайшего, малость пройдусь по следу. Интересно взглянуть...

— Там все еще пожары, — напомнил я. — Ваша несомненная доблесть не выдержит вес упавшего на голову дерева.

— Редколесье, — ответил он с лихостью, — сгорело все, а пепел остывает быстро. Да и не полезу в самый огонь.

— Я с вами, — сказал Норберт. — Раз уж в огонь не полезете.

— Польщен, сэр Норберт!

— Вместо увидим больше, — сказал Норберт, — даже если будем смотреть на одно и то же.

— Ну еще бы, — ответил Альбрехт уже с неудовольствием. — Раз я в шляпе, то замечаю только придворных женщин!

— Вот-вот, — согласился Норберт. — Но раз женщин нет, то вам придется...

— Берегите себя, — велел я, — как сэр Альбрехт бережет свою шляпу.

Ответа я не услышал, умчались с грохотом копыт. Арбогастр пошел легкой рысью вдоль горящего ку-

старника, по ту сторону тянется темно-красная полоса раскаленной, но уже остывающей земли.

Несет сухим нестерпимым жаром, меня старается загородить от него граф Келляве, ровный, как скала, смотрится как продолжение своего массивного и флегматичного с виду коня.

Ладонь графа то и дело с лязгом падает на рукоять исполинского меча, что выдает его злость и раздражение, но, сколько бы ни всматривался по сторонам, нигде не видать тех, кто вызвал это огненное чудовище из недр или бездн.

— Противник будет, — заверил я. — Вообще-то их есть, как говорят в народе, очень даже есть, только успевай оттаскивать. Будут битвы, дорогой сэр Гастон!.. Без них разве жизнь?..

— Прозябание, — согласился он. — Даже если четыре любовницы. Хотя, конечно, императору можно бы и пять...

— И вы туда же, — сказал я с сердцем. — Это государственная необходимость, как отмечено в дворцовом протоколе. Ничего личного!.. На самом деле у всех нас ничего личного, если подумать. Вот вы женаты, но разве это не выполнение долга перед родителями, кланом, обществом?.. Вы обязаны, согласно завету Господа, плодиться и размножаться. Над нами довлеет долг с момента рождения!

Он посмотрел на меня косо.

— А я думал, первородный грех...

— А если это одно и то же?

Он вздохнул:

— Да, конечно. А разницу между плодиться и размножаться мне подробно растолковал сэр Растер. Как он сейчас?

— В самых горячих точках, — сообщил я. — Отряды из неукротимых очищают окраины от чудовищ.

— Чудовища здесь откуда только и берутся, — ответил он. — Смотрите, как эта огненная сволочь прет и не заморится!.. Как по шнурку каменщика идет... Не пора звать Маркуса?

Я посмотрел на него свысока, тем более что мой арбогастр повыше его крупного коня.

— Сэр Гастон, дело не в том, что это недостойно рыцарской чести. Маркус послан как испытание.

— Разве мы его не прошли?

— Испытание не в победе с мечом в руке, — сказал я тем тоном, каким со мной беседовал отец Дитрих. — В старину говорили, нужно пройти огонь, воду и медные трубы. Огонь и вода позади, но сейчас опасно громко и победно гремят в нашу честь медные трубы...

Он повернул голову, я встретил его слегка недоумевающий взгляд на спокойном лице уверенного в Господней благодати рыцаря.

— Ваше величество?

— Как справимся с обрушившейся на наши плечи славой? — пояснил я. — Это нелегкое испытание, сэр Гастон.

Он пробормотал:

— Вообще-то знаю. Но вам-то откуда, ваше величество? Вы так молоды...

— Старые книги читал, — ответил я.

Кусты с этой стороны, где прошел Демон Огня, сгорели начисто, на деревьях еще тлеют ветки в алых огоньках, стволы черные, но пожар заканчивается там, где и начался, с обеих сторон этого страшного следа, оставленного Демоном Огня, не распространяясь в зелень леса.

Сопровождающие нас разведчики то и дело уносятся вперед, Бобик разрывается между верностью мне и каждой увидеть и узнать больше, убегает еще дальше их, явно догоняет даже Милфорда, что уже скакет впереди этого огненного чудовища, а возвращается захекавшийся, но довольный приключением.

Келляве косился по сторонам, но никакой южный демон не выпрыгивает из-за деревьев, чтобы испытать воинскую доблесть северянина. Жаждущий схватки меч с тоской и горечью остается в изукрашенных северными умельцами ножнах.

Ехал так в мрачной задумчивости довольно долго, наконец пророкотал в нерешительности:

— А вообще-то вы правы, ваше величество, кто бы подумал!.. Если Демона Огня уничтожит Маркус, про нас начнут говорить, что без Багровой Звезды ничего не стоим.

Я сказал с облегчением:

— Благодарю, сэр Гастон, за понимание.

— Надо самим! — бухнул он. — А если не получится, тогда можно и Маркуса позвать...

— Абсолютно верно, — сказал я. — Именно так!.. А никак иначе. О нас всегда ищут что сказать плохое, а уж если есть повод...

— А нет повода, — сказал он, — то найдут. Но лучше не давать.

Ехали то рысью, то шагом довольно долго. За это время вернулись несколько человек из конной разведки. Направление, в котором двигается Демон Огня, уже определено, достаточно и одного человека, чтобы ехал далеко впереди и предупреждал там, чтобы убирались с дороги.

Милфорд доложил:

— Я оставил там троих. На всякий случай. Вдруг у кого конь захромает. Да и для проверки, а то вдруг этот демон свернет...

Келляве взглянул на темнеющее небо.

— Он и ночью, — поинтересовался он в пространство, — будет вот так?.. Или устроит привал?

— Мы устроим точно, — сказал я. — Глуповато в темноте переться через лес.

На западе неспешно багровеет небо, но Демон Огня ближе, зарево от него мощнее и чудовищнее, а когда на небе угасли последние краски, я скомандовал:

— Здесь переждем ночь! Посмотрим, что изменится.

Милфорд остановил коня и тут же принялся расседливать, а Келляве спросил с надеждой:

— А что-то изменится?

— Конечно, — заверил я.

— Ваше величество?

— Появится вектор, — ответил я туманно. — Если Демон Огня и утром будет двигаться с той же скоростью и в том же направлении, это одно, а если изменит одно или другое, то... будем думать дальше.

Он кивнул с полнейшим удовлетворением на лице.

— Абсолютно верно, ваше величество. Зачем думать заранее?.. Мы что, не люди. Свершится, тогда и подумаем.

Милфорд расстелил на пепелище конскую попону, подняв легкие серые хлопья в воздух.

— Ваше величество!.. У меня небольшой сухой запас, но троим на ужин как раз!

— Я император не гордый, — заверил я.

Оставил коней молча подъехавшим разведчикам, сели прямо на еще теплую после пожара землю. Кое-где еще догорают кусты, делая наступающую ночь чем-то вроде праздника разнужданных ведьм.

Остальные конники расседлали коней и, навесив им на морды торбы с овсом, устроились неподалеку, время от времени поглядывая в нашу сторону.

Милфорд хлопотал, вытаскивая из седельной сумки хлеб и сыр, лицо гордое и счастливое, будет ужинать с самим императором и высокородным графом Келляве, о котором в армии знают как о доблестном рыцаре, преисполненном всяческих достоинств.

Я дождался, когда Милфорд опустошил недельный запас конного воина, сказал с надлежащей полевому командиру скромностью:

— Кое-что добавлю, вон граф ждал вина, но так и не дождался...

Келляве запротестовал:

— Ваше величество, какое вино в походе?

— С императором можно, — заверил я. — Император вне закона.

— Над законом, — уточнил Милфорд.

— Верно, — согласился я, — быстро схватываете, юноша. Далеко пойдете, если власть не остановит ваши благородные порывы.

— Или женитьба, — уточнил Келляве. — Женитьба кого угодно остановит.

Над попоной задрожал воздух, сгустился, блеснули в багровом свете пожара медные бока пузатого кувшина, следом три чаши, а затем уже куда быстрее возникли тушки еще горячих и со следами вертела птиц, свежий хлеб и сахарное печенье.

Келляве одобрительно крякнул, Милфорд смо-

трел зачарованными глазами, а Келляве взял кувшин, улыбка стала шире, как только ощутил по тяжести в руке, что сосуд полон.

— За победу, — сказал я, когда он разлил вино по чашам.

Милфорд протянул руку, но задержал ее и взял свою только вслед за графом, блюдя субординацию.

— За победы, — ответил Келляве.

Я сделал первый глоток, подавая сигнал, что да, можно начинать, Келляве и Милфорд выглядят счастливыми, а у меня в черепе бьется все та же мысль: как справиться с Демоном Огня при отсутствии Маркуса?

Бобик примчался захекавшийся, с высунутым языком, но, когда Келляве предложил ему половинку тетерева, лениво зевнул, лизнул графу руку и рухнул у его ног, сытый и довольный.

— Нажрался, — определил я. — В пожаре много зверя сгорело. А то и наловил по дороге, без этого и жизни не мыслит. Допивайте вино, граф. Скоро рассвет, нужно успеть соснуть.

Альбрехт и Норберт появились поздним утром, когда наша группа седлала коней. Оба с красными лицами, пахнут горелым, морды у коней в мыле, животы блестят от пота, даже упряжь в ключьях пены, а у сэра Альбрехта на правом рукаве белоснежные манжеты запачкались и вроде обуглились, словно успел загасить огонек в самом начале.

Я посмотрел с подозрением, Альбрехт пояснил с веселым смешком:

— Мы решили, что раз уж все равно вас не догнать, ваше величество, а за вами граф Келляве с ре-

бятами сэра Норберта посмотрит, чтобы вы пальчик в носу не сломили...

— Ну-ну, — прервал я, — и чего от вас так странно пахнет?

Норберт хмыкнул, Альбрехт ответил с некоторым хвастовством:

— Мы решили посмотреть, что за каменная слизь тянется за нашей улиткой.

Норберт уточнил:

— И немного попробовали на ощупь нашими копытами.

— Копытами коней, — поправил Альбрехт на всякий случай.

— Сумасшедшие, — сказал я с сердцем. — А если там только с виду камень, а на самом деле не камень?.. Даже не знаю насколько глубоко?

Альбрехт сказал уже серьезнее:

— Честно говоря, ваше величество, мы до такого не додумались, а то, верно, были бы осторожнее. Вы у нас в самом деле мыслитель, кто бы подумал, глядя на вас... Мы проехали, как и собирались, в обратную сторону, там уже немножко остыло, а потом даже не знаю, кому из нас взбрело в голову, а то и обоим сразу, но попробовали... честно, если бы пришло такое в голову, что провалимся или прилипнем, а то и превратимся во что-то непотребное, ни за что бы... Но мы, оказывается, люди простые, как ваши солдатские сапоги, ваше величество...

Норберт прервал:

— Сплошная плита без единой щели. Гладкая, но копыта не скользят. Мчаться по ней настолько здорово, что даже сэр Альбрехт хоть и в шляпе, но и то...

Но мы, конечно, всего чуть-чуть, а вот кони заволновались, им жарче...

Я сурово взглянул на Альбрехта.

— Что не так с моими сапогами? Во-первых, я должен быть свой в доску для армии!.. Во-вторых, самец не должен быть привередливым. В-третьих, нигде не жмут и сидят, как моя кожа. И вообще, император сам творит моду!

Он покинул седло, отступил на шаг для поклона, которым сам и полюбовался, поправил сдвинувшийся на груди кружевной бант, еще вчера белоснежный, а сейчас как будто его трижды окунали в деготь, сушили, а затем окунали снова.

— Ваше величество...

— Что не так?

В его взгляде я заметил некоторое снисхождение.

— Только не на Юге, — проговорил он, — ваше грозное величество. То, что носим мы, они сбросили с себя четыре тысячи лет тому. Потому над нами сдержанно так это... улыбаются. Ваше величество, а что, если по-пробовать узнать, где начинается дорога этого огненно-го слизняка? Вдруг в этом какие-то возможности?

— В правильном направлении смотрите, прынц, — сказал я. — А я думал, вы только по бабам.

— Бабы по вашей части, — возразил он. — Меня больше привлекают утонченные и элегантные женщины.

— Вот-вот, — сказал я сурово, — а нужно, чтобы ничто не привлекало, кроме нашей великой Отчизны и служения ее идеалам!.. Если не мы, то кто?..

— С любых высот в любое место, — сказал он с поклоном, — помним-помним. Хоть и непонятно, зато

красиво. А еще насчет грядущего подъема сельского хозяйства уже все выучили.

Мне подвели арбогастра, я поднялся в седло и взял повод.

— Надеюсь, принц, вы и сэр Норберт перекусили в седлах?.. Попробуем догнать нашего Демона Огня. Что же это за тварь, что за тварь...

Глава 6

Пожары иногда полыхают на милю в обе стороны, но мы заметили, что огонь на деревьях гаснет, как только Демон Огня с его неистовым жаром удаляется хотя бы на три-четыре сотни ярдов.

Параллельно с этой непонятной тварью продолжали двигаться достаточно долго, прет с той же скоростью и в том же направлении, расплавленная земля кипит, Демон Огня буквально плывет в центре бассейна из бурлящей магмы.

Эта расплавленная проплешина в земле передвигается вместе с ним, оставляя позади постепенно остывающую ярко-красную поверхность, что становится багровой, а потом уже неотличимой от обычного гранита серо-коричневого цвета.

Я направил Зайчика поближе к Демону Огня. Арбогастр проскочил между горящими деревьями, дальше озеро кипящей оранжевой земли, а в центре неспешно и неумолимо прет исполинская блистающая пирамида с острыми краями, подминая под собой уже раскаленную докрасна землю. Остальные все же старались держаться чуть подальше.

Конные разведчики то возникают с нашей стороны

двигающегося пожара, то мелькают уже через огненные блики по ту сторону остывающего камня. Осмелили, приближались бы и ближе, но испуганные кони упираются и грозят сбросить неразумных седоков.

Норберт часто пускал коня вперед, выслушивал доклады, а когда солнце поднялось к зениту, подъехал ко мне с угрюмостью на лице, но по обыкновению собранный, с прямой спиной и суровым взглядом.

— Сэр Ричард, — сказал он сухо, — вам уже можно оставить здесь отряд и вернуться в столицу. Ребята будут следить за каждым шагом этой твари! Если что, сразу примчаться с сообщением.

Альбрехт промолчал, но по его лицу я заметил, что с мнением начальника имперской разведки согласен.

— Если ничего, — ответил я, — тоже пусть докладывают. Когда ничего, это тоже что-то.

Келляве, что с самым разочарованным видом едет сзади, пробасил в недоумении:

— И что?.. Возвращаться?.. А нечестивые колдуны?

— Из столицы найти легче, — заверил я. — Там и зацепки какие-то, и в архивах вдруг что-то отыщется... А здесь уже видно, что насеком не выйдет, хотя и хочется. Сэр Норберт?

Норберт сказал ровно:

— Мы от причальной пирамиды далековато, ваше величество. Думаю, если даже помчимся вскачь, на багер опоздаем.

Все трое смотрели на меня с ясным вопросом в глазах, но я сделал вид, что не уловил намек на Маркуса, ответил с беспечностью:

— Ничего, успеем на следующий. Зато в дороге умные мысли чаще приходят в голову.

— В седле трясет, — заявил Келляве авторитетно. — В черепе бултыкается, вот и перемешивается. Умные мысли тяжелые, обычно на самом дне, а так всплывают.

Норберт, получив исчерпывающий ответ, повернул коня и понесся в обратную сторону, поднимая копытами облако пепла.

Наша часть конного отряда некоторое время двигалась по обе стороны, потом Милфорд сообразил, что охранять нас в безлюдном лесу как-то глуповато, увел всю команду вперед.

— Ничего, — проговорил Альбрехт, — мне кажется, умные мысли действительно порхают здесь на просторах и потому чаще попадают в наши черепа, чем в тесных стенах дворцов...

— ...где столько женщин, — договорил за него Келляве тем же тоном. — Вы правы, сэр Альбрехт! Нужно даже вам иногда вырываться из их цепких лап. А то вон у вас уже какое дивное сооружение на голове...

Он сказал с такой убежденностью, что Альбрехт невольно вскинул руку и потрогал поля шляпы.

— Победители пользуются спросом, — сказал я объясняющим тоном. — Вот и сэр Альбрехт...

Келляве проговорил суровым голосом:

— Но разве победа есть победа, если в захваченных городах не изнасилованы женщины побежденных? Главная цель войны, как учит Священное Писание, посеять на новых землях семя из наших чресел!.. Поэтому я все еще не уверен, что здесь, на Юге, мы победители.

Он замолчал, Альбрехт поглядывал на меня с интересом, как выкручусь, я подумал и сказал рассудительно:

— Я уже объяснял, мы здесь не победители, а спасители. А спасенных насиовать как-то не совсем, хотя и можно. Но с их согласия.

— Да? Тогда спасенные сами должны...

Альбрехт ответил графу с ехидной ухмылкой:

— А разве здесь не так?

Келляве умолк на полуслове, сам как-то бурчал, что здешние женщины даже высшего сословия готовы отдаваться северянам при первой же возможности, а этих возможностей во дворце столько, что даже неловко за них да и за себя тоже.

Бобик унесся так далеко, что исчез из виду. Альбрехт пустил коня в галоп, догоняя Норберта, я придержал арбогастра — ну что у нас самцов за страсть к доминированию, даже своим близким нужно обязательно выказывать превосходство.

Когда дрогнули, долгое время молча скакали тесной кучкой, потом я заметил, как первым начал уставать тяжелый конь Келляве, Норбертов тоже в мыле, чуточку придержал своего.

Все трое ожидаемо обогнали, Келляве оглянулся.

— Ваше величество?

— До причальной еще далеко, — напомнил я. — Поедем шагом, пусть кони отдохнут. А потом еще рывок — и будем на месте.

Альбрехт приподнялся в стременах, покрутил головой.

— Как вы все хорошо ориентируетесь... А я даже не уверен, в ту ли сторону едем.

Келляве сказал с чувством полнейшего превосходства:

— Что значит, дитя дворцов!.. На простор, дорогой герцог, тоже нужно хоть иногда. Мы все-таки воины.

Или вы как? Оюжанились? Шляпа вон какая... А перья, перья!

Причальная пирамида медленно проплывала на дымном горизонте, неохотно росла и наливалась зрительностью. Мы пришпорили коней, однако вскоре вдали в клубах дыма показался скачущий навстречу всадник на легком неподкованном коне.

Милфорд, это был он, издали помахал рукой, а когда поравнялся с нами, сообщил с огорчением:

— Багер только что ушел!.. Следующий через двенадцать часов. Но ваш песик, ваше величество, настаскал по дороге столько дичи, месяц в поле прожить можно!..

Я бросил недовольно:

— Где этот предатель?

— Следит, как разделяем, — сообщил он. — Ребята разжигают костры, снимают шкуры. Езжайте, не торопясь, как раз зажарят к вашему приходу.

Некоторое время ехали молча, Альбрехт сказал со вздохом:

— Вы наслаждайтесь жарким, а я, пожалуй, заеду к местному королю. А то невежливо!..

— Ну да, — согласился Норберт, — и местным дамам засвидетельствуете со всем шиком северных варваров. А то вашу шляпу так и не увидят, а это просто недопустимо.

Альбрехт ответил с высокомерием аристократа:

— Мы не варвары, сэр Норберт!

Я кивнул молча, Альбрехт пригнулся к конской шее, гикнул и пустил скакуна в стремительный галоп.

Норберт проводил его задумчивым взглядом.

— Он прав, нам тоже стоит посетить королевский дворец. Что-то да узнаем.

Я подумал, пожал плечами.

— Следующий багер через двенадцать часов?.. Тогда в самом деле вы правы, можно. Граф, а вы как?

Келляве сказал с достоинством:

— А я, с вашего позволения, предпочтут с воинами у костра!.. Здесь жаренный на вертеле олень и воинские песни. А вы там пьянясьте, разлагайтесь.

Норберт сказал вполголоса:

— Как будто мои ребята могли не захватить вина... Да и местный король, уверен, уже велел доставить людям императора все необходимое, а вино, как известно, самое-самое в мужской жизни. Не зря же Ной виноградную лозу первой перенес в ковчег и берег как зеницу ока, а потом высадил тоже раньше любых других растений и даже злаков.

Я приподнялся в стременах, Норберт проследил взглядом, куда я указал рукой с указующим перстом.

— Вон там и есть столица?..

— Да вроде бы, — подтвердил он. — Раз причальная пирамида здесь, то и столица обязательно рядом. Всегда так, хоть и непонятно. Ваше величество?

— Не причальные так строили, — в который раз пояснил я, — а столицы возле тех мест, где останавливались багеры. Хотя не столицы еще, а просто деревушки первых уцелевших... А город отсюда такой нарядный и светлый! Не скажешь, что там страдают угнетенные.

— А они там страдают? — спросил он с сомнением.

— Везде страдают, — пояснил я. — Угнетенные те, кто считает себя угнетенными.

Он подъехал к ближайшему костру, я не слышал, что говорил, но трое вскочили и бросились к коням.

Норберт не успел вернуться ко мне, как они умчались в сторону городских ворот.

— Да мы и сами бы управились, — сказал я.

Он ответил равнодушно:

— Но лучше, когда там знают, что едут гости.

— Думаете, сэр Альбрехт не предупредил?

Город издали смотрится милым и в меру величественным, особенно на фоне дикого леса, а когда мы неспешно подъехали, там стражники поспешили распахнули перед нами обе створки, вытянулись, глядя испуганно вытаращенными глазами.

— Знают, — сказал Норберт, — сэр Альбрехт предупредил.

— Или ваши люди успели, — ответил я. — Вы правы, отпадает необходимость объяснять, кто мы и что мы. Лишь бы сэр Альбрехт не отчудил, типа по новым правилам нас нужно целовать в задницы...

— Сэр Альбрехт очень серьезный человек, — возразил Норберт. — Это здесь, на Юге, иногда воспринимает местных слишком несерьезно...

— Так мы сейчас на Юге, — напомнил я.

Ворота прошли на рысях, миновали несколько таких же провинциально милых улиц, наконец выбрались в центр, где раскинулась тщательно вымощенная светлым камнем обширная площадь, а на том конце высится полукругом три роскошнейших здания.

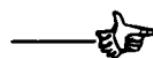
Норберт заметил ровным голосом:

— Неплохо для столицы королевства.

— Даже роскошно, — согласился я.

— Но не Волсингсбор, — уточнил я, — соблюдают субординацию.

— Это Великие Маги соблюдают, — сказал он и взглянул на меня коротко, понимая, как кольнет

меня напоминание о нерешенной проблеме. — Местным разрешено разве что выбирать цвет чулок. Да и то, судя по тому, что эта мода не меняется тысячу лет, чулки наверняка им тоже маги придумали...

Я промолчал, настроение в самом деле из-за Великих Магов стало хуже некуда, это как больной зуб, что и так ноет, а если случайно надкусить на него, то это вспышка пронзительной боли.

Из головного здания поспешно выбежали пышно разодетые в одинаковые одежды цвета червонного золота и одинаково подстриженные парни с трубами в руках, торопливо выстроились в две шеренги.

Едва копыта наших коней прошокали по каменным плитам двора, трубачи быстро расступились и, вскинув свои сверкающие инструменты широкими раструбами к небу, издали радостный вопль.

— Почти фанфары, — сказал я, Норберт повернул голову, ожидая продолжения, я кивнул в сторону крыльца. — Вон сэр Альбрехт вышел нас встречать, насчет медных труб он объяснил. Он чаще бывает там, где они трубят, трубят...

Норберт взглянул с недоверием.

— Сэр Альбрехт?

Я пояснил с небрежностью:

— Вообще-то это сложный богословский вопрос... что как раз по части сэра Альбрехта, он чаще всех напоминает насчет отца Дитриха и его необходимости здесь. Думаю, он с удовольствием поговорит на эту тему, стараясь разъяснить на простом и понятном для воинов языке.

— Да, — согласился Норберт, — мне как можно проще. Но со ссылками на откровения апостолов и Святое Писание.

Альбрехт ожидает нас у дверей, а из здания начали выплескиваться группами ярко одетые мужчины и женщины. Фасон тот же, отметил я, что и в Волингсборе, так что со связью с метрополией все в порядке.

За нами неотступно едут двое конников Норберта, остальные уже в городе шустрят насчет безопасности императора, но большая часть уже здесь, хотя, понятно, во дворце наше появление — полнейшая неожиданность, и к покушению на мою священную особь еще никто не готов.

Мы втроем покинули седла, местные лакеи выбежали навстречу и приняли коней.

— Ну, — сказал я, — посмотрим, чем здесь кормят.

— Вас никто не перекулинарит, — обронил Норберт то ли в похвалу, то ли в несвойственной ему иронии.

Высыпавшие навстречу придворные торопливо расступаются, но кланяются как-то неуверенно. Альбрехт хмыкнул, все понятно, трое перепачканных в золе и покрытых пеплом незнакомцев меньше всего похожи на знатных людей.

Я двигался на полшага впереди, Альбрехт все же спустился по ступенькам и пошел рядом, как и Норберт, с другой стороны, оба все еще настороженные, хотя ускакавшие вперед люди Милфорда всех наверняка уже предупредили, а сами заняли ключевые места.

Дверь во дворец открыта, но гвардейцы, подчеркивая наш статус, перед нами распахнули и тяжелые створки ворот.

Сохрания благожелательную и беспечную улыбку, я вошел в просторный холл. Далекие стены в статуях,

нишах и полуколоннах, выбегающие придворные тут же замирают, суетиться поздно, почтительно кланяются, а женщины приседают.

Издали донесся вопль:

— Король!

Придворные повернулись в ту сторону. В дверном проеме показалась грузная фигура человека в пышных одеждах с лентами через плечо и дорогими украшениями, сзади идет высокий лакей и зачем-то держит над королем, а это явно король, широкий зонтик золотистого цвета.

За королем на почтительном расстоянии следуют его люди. В зале мертвая тишина, стук каблуков великолепных туфлей короля раздается так же величественно и державно, как он выглядит сам, а выглядит он прекрасно и величественно, великолепнее смотрится, пожалуй, только разукрашенный конь сэра Альбрехта.

Правда, в последний момент король вспомнил, что, хотя он здесь глава всего, но трое закопченных и перепачканных в золе гостей — люди императора, замедлил шаг, всматриваясь прищуренными глазами.

— Мне доложили, — произнес он важно, но с нотками неуверенности в голосе, — что гости пожаловали самые высокие...

Я сказал весело:

— Да ладно с церемониями, ваше величество!..

Я Ричард, император, а это принц Гуммельсберг и герцог Дарабос. На багер опоздали, так что переночуем у вас, а утром уйдем. Но позавтракать не откажемся. Или вы не предлагаете?

Он смотрел выпученными глазами, его советник что-то быстро-быстро пошептал ему в ухо.

Король вздрогнул и быстро поклонился.

— Ваше величество, — сказал он упавшим голосом, — простите, что не успел с торжественным приемом...

Я отмахнулся.

— В другой раз. Сейчас нам нужно стряхнуть с себя пепел, помыться и сменить одежду!

Он сказал с облегчением:

— Да-да, все будет сделано... Корколан, распорядитесь!

Глава 7

Солнце опустилось за темный край земли, в широкие окна столовой ударили красноватые лучи, заливая багровым огнем стены, стол со стульями и подсвечивая лица сидящих за королевским столом.

Король и королева с одинаково напряженными лицами в своих креслах с высокими спинками, со мной только Альбрехт и Норберт, слуги подают блюда робко и с опущенными головами, так что слухи о страшном завоевателе с Багровой Звезды Зла дошли и в этот медвежий угол, хотя вообще-то королевство выглядит ухоженным, а столица смотрится как великолепный игрушечный городок, за которым ухаживают с любовью.

Альбрехт и Норберт насыщаются быстро и деловито, а я опустил на тарелку обглоданную ножку гуся и сказал с удовольствием:

— Вас тут хорошо кормят, ваше величество. Как урожай? Сельское хозяйство на высоте?

Он вздрогнул, ответил чуточку быстрее, чем требовалось:

— Ваше величество, все королевство живет согласно указаниям из Волсингсбора!

— Похвально, — заметил я, — весьма похвально. В единстве сила. И в единении. Надеюсь, вас не очень напугали эти слухи насчет Демона Огня?

Он сказал еще торопливее:

— Ваше величество, если бы не ваши люди, мы бы и не узнали!

— У вас обширное королевство, — согласился я. — Много в нем полей, лесов и рек... И города тоже есть, нам сверху видно все.

— Ох, ваше величество... Как мы поняли здесь из слов ваших людей, этот ужас где-то далеко за лесом, ну и пусть уходит подальше... Отсюда даже зарева не видно, хотя ваши люди сказали, пожары просто ужасные...

— Не очень, — заверил я. — И Демон, вы правы, удаляется. Он прошел по вашему королевству по краю. Вам особенно беспокоиться не о чем... А ее величество, как я вижу, больше думает о своем доме, что и правильно. Окраины и пределы — дела мужчин.

Королева, статная молодая женщина слегка за тридцать, слабо улыбнулась, вскинула длинные ресницы, открывая крупные глаза слегка навыкате, влажные и чуточку мерцающие.

— Вы абсолютно правы, — проговорила она мягким женственным голосом, — ваше величество.

Альбрехт едва слышно хмыкнул, конечно же, император всегда прав, а если неправ, то все равно прав, за его спиной грозно мерцает багровый от свет Звезды Зла, подтверждая правоту во всем.

Я поднялся первым, получилось несколько не-ловко, все поспешно поднялись тоже, в том числе и король с королевой, а это же они здесь хозяева, я не учел, что короли тоже как бы маленькие импе-раторы, трапезничают медленно и величаво, а я жру по-военному быстро, вон перед ними еще пироги не-тронутые...

— Продолжайте, — сказал я, — продолжаете, по-хвалите своих поваров, они постарались!

Милфорд открыл передо мною дверь, я вышел в коридор, а там ко мне с почтительнейшим покло-ном подошел один, как понимаю по одежде и регали-ям, из королевских советников.

— Ваше величество, — спросил он шепотом, — кому разрешите согреть свою постель, королеве или ее двум дочерям?

Я уточнил:

— Сразу двум?

— На выбор, — ответил он с мужской солидарно-стью. — У императора всегда должен быть выбор!

Я отмахнулся.

— Дочерей не видел, рисковать не стоит, а коро-лева вполне... Да и в дипломатическом протоколе ко-ролева выше принцесс. Ритуал нужно соблюдать по всей строгости.

Он отступил и поклонился.

— Будет сделано, ваше величество. Вы настоящий государственный деятель!.. Спать — так с королевой, а что принцессы?.. Не каждой из них суждено стать королевой, лучше уж готовую...

Он даже сделал некоторое движение руками, что можно было истолковать «...и с сиськами», если бы осмелился обрисовать почетче, все-таки и так чуточку

позволил себе перейти грань фамильярности, мы хоть и оба самцы, но в разных весовых категориях.

Я кивнул, понимая и прощая, все-таки только очень интеллигентный человек и с большим запасом слов может обрисовать женские прелести без жестокуляции.

Он догнал, забежал чуточку вперед и спросил уже без всякой самцовской солидарности:

— Ваше величество, изволите ночь провести в королевской спальне?

Я подумал, покачал головой.

— Не будем тревожить короля.

— Ваше величество?

— Пусть спит, — пояснил я, — где привык. В своей постели. Думаю, для меня свободную комнатенку со свободной койкой отыщут.

Он поклонился.

— Да, ваше величество. А ее величеству я лично покажу дорогу.

За окнами темно, лишь одна звездочка сиротливо мерцает между застывшими облаками. В комнате горят все свечи, но вошел молчаливый слуга и, обойдя все светильники, загасил экономными движениями, не делая ни единого лишнего жеста, оставил только одну возле огромного роскошного ложа.

Если это не королевская спальня, то явно одной из принцесс, слишком ярко, сильно пахнет духами и притираниями.

Я сбросил одежду и рухнул на постель, все еще в тяжелых думах, как же остановить эту огненную сволочь, к которой даже приблизиться невозможно.

Дверь из коридора тихохонько приоткрылась, в щель скользнула женщина в плаще с накинутым на голову капюшоном.

Я смотрел на нее молча, она приблизилась короткими шажками, ее голос прошелестел мягко и женственно тепло:

— Ваше величество, почему вы не в королевских покоях?

— Королевские там, — ответил я галантно, — где королева.

Она слабо улыбнулась.

— Вы удивительно любезны, ваше императорское величество. А про вас рассказывают такие ужасы!

— Я их сам придумываю, — сообщил я. — Такое удовольствие, знаете ли!

Она все еще стеснялась, я задул свечу, все равно глаза привыкли в полумраку, к тому же осталась еще крохотная свеча у входа, там огонек не высовывается из-за края чашки, освещая только круг на потолке.

Королева наконец-то решилась сбросить плащ, а я все еще лежал, закинув ладони за голову, в голове теснятся образы Демона Огня, угадываю нечто смутно знакомое, королева опустилась рядом и, не дождавшись от меня реакции, выждала некоторое время, потом осторожно принялась чесать, поглаживать и снова чесать те места, что мы все так любим.

Я лениво подумал, что не прогадал, выбрав королеву. С дочерьми пришлось бы возиться, а эта знает, что самцам нужно и как нужно, вон как старается во имя престижа своего королевства, повышая его рейтинг и работая на имидж, все хорошо, но как же все-таки остановить этого Демона Огня...

Да, всплыла мысль еще раз, с принцессами, особенно если еще девственницы, пришлось бы деликатничать и стараться не обидеть словом или жестом, а королева уже взрослая, за тридцать, понимает, в жизни не все идет так, как хочется даже королям.

Я тоже понимаю, все мы встроены в огромную всечеловеческую систему, и хотя все бунтари, особенно мужчины, однако, если бунтовать по любому поводу, никакого бунтарства не хватит, потому мы с королевой приступили, как в синхронном плавании, к обязательному ритуалу приветствия императора в его владениях.

Королева умница, понимает, бунтовать нужно только в случаях, когда бунт принесет какие-то дивиденды, а бунт ради бунта даст только неприятности и ухудшение отношений с метрополией.

Потому она исполнила все по протоколу в точности, малость даже сверху, а почему бы и нет, мужчины все одинаковы, а когда я слез с ее пышного тела и плюхнулся на роскошную перину рядом, деловитым шепотом поинтересовалась:

— Ваше величество... что-нибудь еще?

— Все прекрасно, — заверил я, — вы сняли груз с моей души и разгрузили чресла.

Она приподнялась на локте.

— Я пойду?

Я покачал головой.

— Королева, вы такая нежная и теплая, как молоко с медом!.. Спите здесь, мне так приятнее.

Она мягко улыбнулась.

— Спасибо, ваше величество. Не всякой королеве удается провести ночь с императором!

— У нас будет хорошая ночь, — заверил я. — Я не храплю, не лягаюсь и не стягиваю одеяло. По крайней мере никто такое не сказал.

Она улыбнулась понимающей улыбкой — какая дура осмелится такое сказать, может вылететь не только из постели, но из дворца и даже из столицы.

Я протянул руку на ее подушку, у женщин между затылком и плечами удобная такая впадина, как будто Господь сделал для того, чтобы женщина спала, положив голову на мужскую руку.

Хорошее такое ощущение для обоих, женщина чувствует защиту и опору даже во сне, никакой сиренький волчок не ухватит за бочок, а для мужчины важно то, что он доминантит и дает самочке защиту, как и заложено в наши гены.

Ночь в самом деле была чудесной, спали крепко, я подгреб ее, вжав в свое пузо, как мягкую игрушку, как-то невзначай вдул еще разок, тут же заснули крепко и мирно.

Разбудил нас Милфорд, на время моего визита его люди охраняют все подступы к спальне, а щедро разданные им амулеты не позволяют приблизиться никакому незримнику.

— Ваше величество...

Я встрепенулся, распахнул глаза. Он выпрямился, лицо непроницаемое, но в глазах веселые искорки, королева еще рядом с закрытыми глазами, прекрасная, как Диана в расцвете стандартов женской красоты эпохи: мягкая, нежная, с заметно излишним весом, что лишь придает женственности, когда мягкая плоть так и просится в наши хищные лапы.

— Ого, — сказал я, — давно так крепко не спал.

Пытаясь высвободить руку из-под женской головы с бесстыдно распущенными волосами, нечаянно разбудил, королева во всю ширь распахнула огромные глаза.

— Ох... уже утро? Давно так крепко не спала... Простите, ваше величество...

Я поднялся, торопливо оделся, королеве галантно бросил ее длинный плащ-халат.

— Ваше величество, скоро завтрак, там увидимся.

Милфорд вышел за мной следом, уже в коридоре сказал в спину:

— Багер в сторону столицы метрополии будет через два часа.

— Прекрасно, — сказал я. — За два часа нажремся так, что из-за стола не вылезем.

Он сказал бодро:

— Здесь даже простых вельмож носят в носилках!..
Распорядиться?

— Я тебе распоряжусь, — ответил я беззлобно. — Жаждете опустить императора, словно это вас самих поднимет. Это приблизит, но не поднимет, почувствуйте разницу!

Внизу суетятся местные слуги, но у входа в зал бдят мои орлы, там же беседуют Альбрехт и Норберт.

Оба повернулись в мою сторону, сдержанно поклонились.

— Ваше величество, — произнесли в один голос, а Норберт добавил: — Как спалось?

— Без намеков, — отрезал я. — Моему величеству везде хорошо, в том числе и спится весьма даже. Я здоров, бодр, хоть и не пьян. Пойдемте питаться, чего ждете?

— После вас, — ответил Альбрехт учтиво. — Мы на виду, ваше высочайшее величество!.. Блюдем и соплюдаем.

— Блюдите, — разрешил я. — Свита играет короля, а я уже император... А что, пахнет вкусно!

— Повара всю ночь трудились, — доложил Норберт. — Мои ребята даже беспокоиться начали, что это они так... То один бегал проверить, то другой.

— Бегал на кухню, — уточнил Альбрехт, — а возвращался степенно и распустив пояс. Кое-кто даже живот поддерживал ладонями.

— Это уже враки, — сказал Норберт. — Принцу не к лицу говорить такое.

— Его величество, — ответил Альбрехт и указал глазами в мою сторону, — еще не утвердил приказ. А герцогу все личит.

Впереди небольшой отряд музыкантов с трубами в руках, завидев нас, вскинули их раструбами кверху. Звонкий вопль фанфар пронесся по всей анфиладе залов, предупреждая, что грозные гости короля направляются в комнату для завтрака, поварам пора приготовиться к выходу.

В роскошно украшенной комнате в центре стол на семерых, я успел рассмотреть едва заметные вмятины от ножек стола подлиннее, все понятно, заменили уже утром, точно узнав, сколько человек будет на королевском завтраке.

За столом, подчеркивая более высокий статус гостей, уже ждут король с королевой и двумя молодыми девушками, судя по всему, принцессами.

Я с ходу окинул их взглядом и еще раз похвалил себя за мудрый выбор, пусть и неосознанный, в пользу королевы. Дочери очень миленькие и хорошенъ-

кие, созданы для трепетных отношений и пылких клятв в вечной любви, и хотя такое в жизни королевских дочерей встречается крайне редко, но пусть не я сообщу такую огорчительную новость.

Король с королевой и дочерьми синхронно встали, король поклонился, а королева и дочери разом присели.

— Доброе утро, — сказал я благожелательно, — можете сесть. Это мои соратники, принц Альбрехт и герцог Дарабос, вы могли с ними пообщаться вчера вечером... И что у нас на завтрак?

Король сказал торопливо:

— Ваше величество, наши повара всю ночь старались сделать хоть что-то по-столичному.

— А мы, — уточнил я, — разве не в столице?

— Ваше величество, — воскликнул он патетически, — что наша столица затерянного на просторах империи крохотного королевства в сравнении с блистающим Волсингсбором!..

Молчаливые слуги быстро подносили на носилках блюда, из которых мы указывали, что и сколько перелопатить нам на тарелки, все это поспешно перекладывалось в первую очередь гостям, потом королю и королеве, явно было указано заранее, как и что, вряд ли слуги знают правила протокола для таких редких случаев, как визит императора.

В нашу сторону слуги стараются не смотреть, пряча испуг, Альбрехт и Норберт ведут себя совершенно естественно, хотя, полагаю, спали тоже не в одиночестве, знатные дамы вчера вечером смотрели на обоих влажными глазами, а я подумал с некоторой грустью, что вот эти свободные для нас, северян, отношения становятся не то что такой уж обыденностью, но

уже не возмущаемся, даже не изумляемся так уж, как было вначале, почти что уже приняли, а некоторые еще как приняли!

Вино подавали, естественно, лучшее, я попробовал и согласился с Альбрехтом, что ничуть не уступает императорскому. Король засиял от счастья и довольства, королева улыбнулась и тоже посмотрела благодарными глазами, словно похвалил ее лично за ее старания.

Я все еще чувствовал некоторое неудобство: скаживается северное воспитание, у нас на чужую жену нельзя даже смотреть похотливым взором, но тут другая мораль, главное в которой — стабильность и незыблемость власти императора, с чем я тоже весьма и еще как согласен.

К тому же в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Если так принято, то я весьма послушен, понимаю, ритуал с женами королей служит укреплению централизованной власти. Когда власть крепка, то это благополучие и уверенность населения в завтрашнем дне.

В конце трапезы подали сладкие пироги и мелкое печенье с медом. Обе принцессы чуть осмелели и, пугливо поглядывая на меня круглыми коровьими глазами, потихоньку чирикали, робко улыбались Альбрехту и с опаской смотрели на сурового Норберта.

В зал заглянул Милфорд, я перехватил его взгляд, как и все замечающий Норберт.

Все трое разом поднялись из-за стола, картино красивые, статные и преисполненные величия.

— Спасибо за трапезу, — сказал я королю, — и за теплый прием. У нас останется самое лучшее впечат-

ление. С Демоном Огня разберемся, обещаю!.. Сейчас наши люди продолжают преследование...

Мы покинули трапезную, а в коридоре Милфорд сообщил деловито:

— Ваши кони оседланы, все готовы!

— А где Бобик? — спросил я.

Милфорд ответил с понимающей улыбкой:

— Вчера заснул на кухне.

— Скотина, — сказал я с сердцем. — Ладно, пусть спит, предатель!.. Сколько до багера?

— Успеем на рысях, а то и шагом.

— Тогда по седлам, — велел я.

Глава 8

Наверх по ступенькам причальной пирамиды кони поднимаются все же охотнее, это спуск страшит и доставляет неудобства, а сейчас без особых понуканий взбежали на самый верх, с облегчением перевели дух и замахали пышными хвостами.

На посадочной площадке абсолютно пусто, явно либо король распорядился очистить для высоких гостей, либо Норберт принял меры во имя величия имперской власти.

Багер все же пришлось подождать, мелькнула даже дикая мысль воспользоваться поясом, перемещаться могу и без Маркуса, но бросать отряд не к лицу, сам привел и сам уведу.

— Сэр Норберт, — распорядился я, — оставьте и здесь наблюдателей...

Он прервал:

— Ваше величество, дело слишком серьезное и опасное, чтобы перепоручить кому-то. Могут быть неожиданности, лучше прослежу за чудовищем сам.

— Только никаких геройств, — предупредил я.

Он ответил серьезно:

— Сэр Ричард, видно же, любой превратится в пепел раньше, чем подойдет ближе чем на пять шагов к огненному озеру...

Милфорд, всматривающийся в небо, прокричал радостно:

— Ваше величество, багер!

Высоко в небе показалась быстро снижающаяся платформа. Альбрехт сказал Норберту очень серьезно:

— В самом деле не рискуйте, дорогой друг. С таким неприятелем мы еще не сталкивались.

Норберт кивнул и, не дожидаясь, пока багер коснется боком платформы, повернул коня и пустил его в сторону спуска.

Багер раздражавшее долго стоял, хотя все мы давно погрузились, что значит, совсем не учитывает наши интересы, а действует по давно запущенной программе, когда перевозил не людей, а добытые в мантии, а то и в земном ядре материалы.

Еще дожидаясь багера, а потом и почти всю обратную дорогу разведчики жарко спорили о Демоне Огня, одни доказывают, что это происки Великих Магов, другие подозревают Странствующих.

Нашлись и умеренные, отстаивают самую рациональную точку зрения, что это просто древний демон пробудился от тысячелетнего сна, вылез и прет спросонья, еще не прорав глаза. А вот когда совсем

проснется или наткнется на того, кто посмеет бросить ему вызов...

Келляве беседовал с Альбрехтом, а когда я прошел мимо к поручням, спросил живо:

— Ваше величество, а как зовут короля?

— Короля? — переспросил я и с некоторым стыдом вспомнил, что даже не спросил имя женщины, с которой провел ночь, хотя не просто женщина, а королева. — Вы правы, сэр Гастон... Мы совсем охамели. Все пожрали на столе, а имя не спросили.

— Вы император, — напомнил он.

— Да, — согласился я, — император уже не совсем человек.

Он поклонился и отошел, а я остался у дальнего края, рассматривая через поручень, как внизу проносится зеленая поверхность, изрезанная холмами.

Пришла мысль, что Карл Великий, завоевывая все больше королевств, первым столкнулся с проблемой, как удержать огромную империю, если гонец из столицы несколько недель скачет, меняя коней, с письмом в дальний город. Тогда Карл попытался решить проблему раздачей дальних королевств под управление своим самым верным и преданным друзьям, образовав так называемые майораты, управляемые майордомами.

Так и существовала империя, вроде бы единая, но все же королевства не участвовали в ее жизни, если не считать собираемую раз в году подать, потому в условиях децентрализации отдельные части империи нередко становились намного богаче и могущественнее центра метрополии.

Майордом Карл Мартелл собрал у себя войско и в битве при Пуатье, откуда рукой подать до Пари-

жа, разбил армию халифата, навсегда остановив на-
тиск ислама на Европу, а про тогдашнего короля кто
вспомнит?

Князь Владимир, когда подвластный ему новго-
родский князь Ярослав, кстати, его родной сын, отка-
зался выплачивать собранную подать, велел мостить
дорогу для похода на Новгород, потому что провести
армию до Новгорода через дремучие леса и множе-
ство болот — задача очень непростая. Но пока засы-
пали болота и готовили хоть какую-то дорогу, Влади-
мир умер, а расчетливый Ярослав сел на его престол
и стал верховным князем.

Здесь, в империи, проблемы дорог нет: багеры со-
единяют метрополию с самыми дальними уголками
империи, а гвардия императора на местах бдит, что-
бы местные сепаратисты не разрушили причальные
пирамиды. Такие инциденты хоть и редко, но случа-
ются, гвардейцев тоже удается иногда переманить на
свою сторону обещаниями благ, титулов, имений.

Потому огромная империя живет полнокровной
и строго централизованной жизнью. Указы из метро-
полии достигают самых отдаленных уголков империи
за сутки-двое, шпионы императора бдят, а если что
не так, через два-три дня с багера высадится импе-
раторская армия и во имя мира и спокойствия задушит
даже намеки на сепаратизм.

Потому такое строгое соблюдение протокола под-
чинения местных властей императору, в том числе
и это, когда прибывшему сюзерену покорно предо-
ставляется в распоряжение все, даже свои жизни
и жизни своих жен и детей...

Империя Скагеррака, теперь уже Ричарда Бли-
стательного, или как его там, велика, я успел даже

вздремнуть, углубившись в нелегкие думы о тяжести имперской короны, хотя и чувствовал, что разговоры вблизи приутихли, чтобы не будить своего полевого командира.

В какой-то момент через полусон услышал, как на другой стороне багера Милфорд звонко прокричал:

— Готовимся, готовимся!.. Сейчас покажется Волингсбор!

Когда край багера мягко коснулся причальной платформы, служители ловко распахнули дверцы и поспешно отступили, но лавина всадников придержала коней, давая дорогу блистательному и чудесному коню императора.

Первым вниз по ступенькам, нарушая все правила, понесся Бобик. Оскорбленный арбогастр ринулся следом так, что я вынужденно откинулся всем корпусом на круп.

Из города в экипажах и повозках, запряженных празднично разукрашенными конями, спешат знатные и очень знатные, а у подножия пирамиды я с удивлением увидел сэра Джуллиана Варессера и троих его ближайших помощников.

— Давно ждете? — крикнул Альбрехт. — Или к каждому багеру выходите?

Сэр Джуллиан ответил лучезарнейшей улыбкой, весь сияет, как утреннее солнышко, омытое теплым летним дождиком. Даже глубокие морщины расправились, когда рот от непонятного нам пока счастья растянулся до ушей.

Я придержал коня, взирая с удовольствием на лорд-канцлера сверху вниз, хоть здесь все благополучно, судя по его державному лицу, в тишине и покое выработаю стратегию по борьбе с Демоном Огня...

— Ваше величество! — провозгласил он с чувством. — Нам с блеском удалось завершить ту превосходную операцию, о которой я вам докладывал... и которую вы молчаливо одобрили!

Арбогастр фыркнул, а я спросил с подозрительной настороженностью:

— Э-э, какую именно операцию?

Сэр Джулиан всплеснул руками, роскошные кружева взметнулись сверкающей пеной, на лице отразилось изумление пополам с патетическим негодованием.

— Ваше величество!.. — вскрикнул он негодующим в рамках дозволенного голосом. — Речь о заполнении вакантной должности в дворцовом табеле о рангах!.. Четвертая любовница императора — это важнейший фактор международных отношений и внутриимперской стабильности!..

— А-а, — сказал я с облегчением, — вот вы о чем...

Он сказал с живостью:

— Да-да, ваше величество, все в порядке!.. Мы провели долгую кропотливую работу, и она увенчалась!

Я спросил с подозрением:

— Чем увенчалась?

— Заслуженным успехом! — доложил он гордо.

Арбогастр подо мной в нетерпении дернулся, предлагая идти дальше в направлении конюшен, где интереснее.

Я натянул повод и спросил с подозрительностью снова:

— Успехом... А каким успехом?

— Как, — воскликнул он, — это уже блестящий успех! Королева Эрмессинда прибыла полчаса назад!

Теперь все вакансии заполнены, члены Имперского Совета вздохнут свободно.

— Э-э... сэр Джуллиан...

Он сказал с пафосом:

— Опасность для империи и всевозможные интриги с этой стороны пресечены на корню, ваше величество!.. Империя стабильна как никогда!

Мне показалось, что за спиной кто-то хмыкнул, это наверняка сэр Келляве, зато Альбрехт похлопал в ладости, сорвал с головы роскошнейшую шляпу и, не покидая седла, поклонился самым изысканным образом, хоть и без подтанцовки.

— Прекрасно, сэр Джуллиан, — провозгласил он. — Вот что значит великолепный лорд-канцлер!.. Вот как нужно укреплять мощь и безопасность империи!.. Его величество император Ричард Звездный изволит быть доволен и благосклонен.

Я бросил на него злой взгляд, слишком уж в его голосе неприкрыта ирония, однако сэру Джуллиану как с гуся вода, на то он и канцлер, раскланялся в ответ, даже учтиво помахал рукой на уровне колен, с достоинством принимая комплименты и благодарности.

— Сэр Джуллиан, — начал я угрожающим тоном и запнулся.

Группа членов Имперского Совета раздвинулась, все сорвали с голов шляпы и склонились в почтительном приветствии. Вперед вышла, раздвигая их, как коза кустарник, молодая сочная женщина с мощной грудью, что рвется наружу из низкого выреза платья. Вся предельно пышная, с настолько огромной вздернутой задницей, что у меня тут же мелькнула картиночка, как ставлю ей по фужеру с вином на мощно при-

поднятую грудь, а еще два кубка с вином, а то и два кувшина, на ягодицы.

И вообще, показалась больше похожа на выросшую на природе мощную доярку, круглолицую, краснощекую, с толстыми выпяченными губами, милыми ямочками на щеках и круглым девичьим подбородком.

Сэр Джуллиан проговорил торжественным голосом:

— Ваше величество!.. Мы готовили торжественный прием, но королева Эрмессинда настояла, чтобы встретить вас без всяких церемоний прямо как прибудете...

Голос его стал слегка растерянным и чуточку приутих, зато пышногрудая легко присела в реверансе, тут же поднялась, не дожидаясь моего разрешения, и прочирикала таким свежим и сладким голосом, словно и родилась на деревенской пасеке:

— Ваше величество!.. Я счастлива представлять мое королевство при императорском дворце!.. Это честь, и все в моем Эммагальде рукоплещут и поздравляют...

Я застыл, не успевая сориентироваться, зато Альбрехт ответил жирным, как трехдневные сливки голосом:

— Ваше величество, император Ричард сердечно приветствует вас! И выражает уверенность, что ваше взаимное сотрудничество... во всех сферах и на всех уровнях... будет теплым и плодотворным во имя укрепления мира и дружбы между народами!

Она заулыбалась во весь рот, умильные ямочки на пухлых розовых, как у молодого поросенка, щечках стали еще глубже.

— Я постараюсь, — сказала она щебечуще, — сэр...

Я бросил повод в лицо одного из придворных, осчастливленного таким жестом, вытащил ступни из стремян и соскочил на землю.

— Альбрехт, — подсказал я, скрывая раздражение, — герцог Гуммельсберг!.. Уже почти что принц.

Она сказала в его сторону милостиво, как и должна разговаривать королева с угодившим чем-то ей герцогом:

— Постараюсь, сэр Альбрехт. Я потрясена и глубоко тронута, что мне выпала честь представлять мое королевство на таком уровне в империи!.. Я приложу все усилия, чтобы достойно и ревностно...

Что несет, мелькнула сумрачная мысль. Должна же понимать свою роль? Как это достойно и ревностно в постели, словно вокруг ложа соберется строгая экспертная комиссия и будут всматриваться в ее па, как в фигурном катании или в греко-римской борьбе, скрупулезно оценивая нюансы, чтобы не ошибиться с баллами.

Хотя следом пришла более трезвая мысль, она имеет в виду присутствие на церемониях и прогулки по саду. Как раз тех мыслей, которые я приписываю, у нее наверняка нет. Там все просто и буднично, раздвинь ноги и жди, когда властелин наконец-то всхрапнет и рухнет на постель рядом.

Ничего интересного, все мужчины одинаковы, а вот блистать при императорском дворе, видеть торжественное прибытие иностранных послов, участвовать в грандиозных карнавалах... да, это круто для провинциального королевства.

Я кивнул ей и направился к главному зданию. За моей спиной кто-то из моих орлов сказал тихо:

— Я же говорил, выберут ту, у которой сиськи больше!

Арбогастра, судя по звонкому цокоту копыт, повели к конюшням, зато, распугивая придворных, к нам протолкался громадный и черный пес с горящими багровым огнем глазами.

Королева ахнула:

— Ой, какая у вас большая зверюшка!.. Обожаю крупных собак!.. Иди сюда, моя лапочка...

Бобик подошел настороженно, женщинам доверять нельзя, знает, а она уверенно, словно делает это каждый день со своими телятами на ферме, мощно почесала ему за ушами, поскребла лоб. Он вильнул хвостом и сразу посмотрел на нее невинными, как у ангела, голубыми глазами.

Сэр Келляве с одобрением хмыкнул, Альбрехт хотнул, а Бобик пошел рядом с королевой, то и дело подставляя огромную башку под ее скребущие пальцы.

— Предатель, — буркнул я горько, — все вы такие...

— Женщины зло, — согласился Келляве, — всегда вот так... Даже между друзьями вбивают.

— Вколачивают, — сказал Альбрехт.

В холле я остановился, Эрмессинда тоже остановилась, послушная, как солдат моей армии, румяное лицо остается таким же лучезарным, а от всей фигуры веет счастьем и радостью, словно ее тоже чешут и гладят.

— Ваше величество, — сказал я, — раз вы прибыли только что, вам нужно отдохнуть, а уж мне тем более. Встретимся за ужином!

Она с готовностью присела в поклоне, но это здесь дамы приседают с прямыми спинами, а в их королев-

стве, видимо, легкий присед соединен с глубоким поклоном, я заметил, что взгляды Альбрехта, Келляве, Милфорда и даже сэра Джуллиана тут же прикипели к мощным полуширьям, что и при вертикальном положении стремятся выдвинуться вверх из-под сжимающего их корсета.

Нет, не вывалились, хотя уже почти вот-вот, Келляве даже вздохнул разочарованно. Все мы почти нехотя двинулись по лестнице на мой этаж. На лице Альбрехта все еще тлеет ухмылка, я прочел в его взгляде, что важнейшая тема спасения империи от Демона Огня отодвинулась под таким напором.

Вот так и рушатся империи, ответил я мысленно. Все дряхлеет, а здесь за пять тысяч лет вообще рассыпалось бы в песок, не будь чудовищной монстрики Великих Магов...

Незримая ледяная лапа проникла в грудь и сжала в огромной ладони сердце. Тоска и холод заполнили внутренности, я в страхе напомнил себе, что маги вот-вот поднимутся на поверхность, а в такой ситуации, оставшись без Башен, могут и объединить усилия в борьбе против общего врага, посмевшего бросить им вызов.

Глава 9

Мои лорды неотступно идут за спиной и по лестнице на мой этаж, прикрывая своего императора, особенно бдит железоблещущий Келляве, я кивком велел Альбрехту держаться рядом, он поклонился с самым смиренным видом, мы же на публике.

— Ваше величество?

— Сэр Альбрехт, — велел я на ходу, — проследите, чтобы дворцовые летописцы порылись в старых книгах! Историков собрать и по всему городу! Неужели за все пять тысяч лет не случалось ничего подобного или похожего?..

Он на ходу сорвал с головы шляпу, роскошнее которой я еще не видел, ухитрился поклониться, не сбиваясь с шага.

— Ваше величество...

Я спросил строго:

— Что вам опять не так?

— Да все так, — заверил он. — Просто подумал, что вы что-то слишком часто стали поручать такие дела, насчет которых можете распорядиться и сами...

— И что вас тревожит? — поинтересовался я холодно.

— Почему так, — ответил он.

— Ничего секретного, — пояснил я. — Император должен быть избавлен от житейских забот и мелких проблем. Это мы знаем, что так не бывает, но мало что как нам кажется!.. Народ должен зреть, что император только пьет, ест да чужих жен пользует! Чужие всегда выше ценятся в этих делах, чем ничейные.

Наверху на лестничной площадке, широкой, как зал, местные лакеи, одетые, как тропические попугаи, и мои гвардейцы, все стараются выглядеть барельефами на стене.

Я милостиво кивнул своим, как-никак по моему указу все участвовавшие в битве с филионами пожалованы дворянством, на их лицах проступили сдерживаемые улыбки.

Альбрехт на ходу покосился на молчаливого Келляве, тот шагает тяжело и уверенно, как каменная статуя Командора, что явилась за Дон Жуаном.

— Граф вон тоже так думает. Растете, сэр Ричард. Честно говоря, когда Митчелл уговорил меня помочь вам в схватке с тем заносчивым бароном, вы тогда были, уж не обижайтесь, честнейшим дураком дураком, если сравнивать с нынешним проходимцем на троне...

— А что обижаться, — ответил я. — Это же признание, что сейчас я умнее. Или хотя бы опытнее, а опыт — это почти мудрость или достойная замена. Как я понял, вы хотите увильнуть?

— Нет-нет, — сказал он поспешно. — Просто вопросы подобного порядка если и возникали раньше, их решали Великие Маги... Возможно, стоит дождаться, когда выйдут из убежищ?

В его нарочито елейном голосе прозвучали едва скрытая угроза и напоминание, что надо быть готовыми. Понятно же, Великие Маги сразу же предпочтут расправиться со мной, дерзновенно уничтожившим их Башни, лишь потом будут решать проблему Демона Огня.

— А сколько в пещерах пробудут? — спросил я. — Точно знаете?.. Нет?.. А вдруг Демон Огня успеет за это время уничтожить всю империю и Волсингсбор?.. Нужны постоянные замеры, а то вдруг он был с горошину, когда вылез, а теперь с каждой пройденной милей набирает вес и мощь?

Далеко в коридоре гвардейцы распахнули двери в мой кабинет, мы прошли несколько шагов, Альбрехт помалкивал, вместо него пробасил Келляве:

— Я тоже уверен...

— Что Демон Огня растет?

— Что Великие Маги выйдут раньше.

— Но Демон Огня, — сказал я строго и с патетикой с голосе, — каждый день уничтожает леса, озера и болота, а это нетленные сокровища и богатства нашей родины и державы!.. Он обесценивает наши активы, что умножают наши богатства и входят в Фонд Будущих Поколений!.. Потому мы должны и обязаны!

Мы остановились перед распахнутой дверью, Келляве сказал с должным смирением графа перед императором:

— Ваше величество, все сделаем.

Альбрехт уточнил:

— Немедленно всех усадим за поиски в летописях.

— Привлеките персонал, — велел я. — Проверьте от и до! Точнее, пусть проверят, а вы проверите их, а то знаем мы этих танцевальщиков. Действуйте, прынц, с той же энергией и предприимчивостью, будто имеете дело с женщинами!.. И вы, граф!

Альбрехт сказал вежливо:

— Ваше величество... ваши консервативные взгляды здесь, на Юге, выглядят весьма... ну вы поняли. Или у вас в самом деле начались трудности со здешними женщинами?

— Ерунда, — сказал Келляве, — если его величеству осточертели эти покорные, то можем организовать таких, что сопротивляются. Принц Гуммельсберг уже всех знает!

Альбрехт нервно дернулся.

— Простите, граф, но вы мне черт знает что приписываете!

— Разве не льстит? — спросил Келляве с удивлением. — Я же вижу, какая у вас шляпа и с какими перьями! Все женщины точно ваши.

В течение дня ко мне то и дело посыпали гонцов с найденными записями, но все не то, просто красиво, напыщенно и велеречиво о чудесах, волшебстве и явлениях.

Келляве даже не взялся читать богомерзкие описания, Альбрехт начал было, но вскоре отодвинул со вздохом:

— Ваше величество...

— Да, — согласился я, — похоже, с таким феноменом здесь впервые. Ладно, что-то придумаем.

Оба смотрят, даже Альбрехт, с надеждой, я при всех глупостях и промахах все же первым находил какие-то пути решения в прошлом, так что обязан быть на высоте и теперь, иначе как-то не по-императорски.

Келляве сказал мрачно:

— Наверное, после ужина придумаем быстрее... А то у меня на голодный желудок мысли в голове слишком легкие, как жареные перепелки в подливе с орешками и земляникой...

— Да, — согласился Альбрехт, — пора топать на ужин. Ваше величество, придется ритуалить, раз вы во дворце. Здесь только торжественно и по протоколу. В коридоре, кстати, уже дожидается сэр Джуллиан. По-моему, нехорошо старого человека держать там, где нет даже стульчика...

Я торопливо поднялся.

— Что же вы не сказали?.. В самом деле!.. Пойдемте. Ужин пока еще не эшафот, и сэра Джуллиана пригласим.

Альбрехт сказал в спину:

— Увы, только на обед вы вольны приглашать к себе за стол посторонних.

В коридоре сэр Джуллиан, увидев распахивающуюся дверь, поспешил выпрямиться и сказал с сочувствием:

— Ваше величество, я понимаю насчет критической обстановки, но блюда остынут...

— Уже идем, — заверил я. — Сэр Джуллиан, мне напомнили, что ужинаю я в одиночестве?

— В полном, — заверил он, — полнейшем. Если не считать жену, которой у вас пока нет, и любовниц... Зато их все четыре, полный комплект!.. Все в порядке, все поместятся.

— Места предусмотрены? — спросил Альбрехт.

— Обижаете, — ответил лорд-канцлер, — четыре тысячи лет тому!

За спиной Альбрехт хмыкнул, и что-то звякнуло, словно он ткнул графа Келляве в железный бок.

— Сэр Джуллиан, — сказал я уже на лестнице, — не хочу ломать установленные правила, хотя и надо бы, однако вы как-то сдержаннее с этими ритуалами и дипломатическим протоколом! На ужине что, все четыре официальные любовницы сядут в ряд?

— Можно иначе, — сказал он деловито. — По одной по бокам, две напротив...

— Нет, — отрезал я твердо. — Ни одной!

— Ваше величество...

— У нас военное положение, — напомнил я. — Враг у ворог!.. Наглый и безжалостный. Потому сейчас, в данном исключительном случае, ужин не просто ужин, а военный совет с соратниками!.. Так что женщины в другой раз. Для более раскованного случая. Это вы здесь все играете, а мое величество работает и трудится во благо! И во имя!

Он отступил и учтиво поклонился.

— Как скажете, ваше величество. Уверен, наши юристы сумеют отыскать в правилах этикета пункт о чрезвычайном положении. Но это только в исключительных случаях! Сами понимаете, часто такое применять нельзя...

— Прекрасно, — ответил я милостиво. — А если не отыщут, пусть сообщат, я сам найду. Я еще тот библиофил... Идите и скажите... в общем, сами позаботьтесь, чтобы моему величеству ничто не докучало в моей одухотворенной деятельности.

Он отступил еще на два шага, поклонился, а у самой двери поклонился еще раз. Я стиснул челюсти, пережиная весь ритуал, но в мозгу уже сверкнула великолепная мысль насчет этих древних сводов законов.

Их создавали на протяжении первых двух-трех тысяч лет, и там их наверняка столько, что не трудно будет стряхнуть пыль с некоторых и вписать пару пунктов, расширяющих мои полномочия.

Конечно, наглеть не стоит, чтобы не заметили с ходу, но можно так завернуть, что невиннейшие и серые вроде бы фразы могут предоставить мне-solidные полномочия.

А что, никакого криминала, все правители подчищают историю себе в угоду, не я первый.

Когда спустились в нижний зал, гвардейцы в нарядных костюмах уже стоят у распахнутых дверей столовой комнаты, я услышал за спиной, помимо стука каблуков Альбрехта и Келляве, еще и мягкие шаги сэра Джулиана и его хриплое дыхание.

В раздражении я повернулся, он на ходу вытирая лоб большим платком, сразу заговорил быстрым умоляющим голосом:

— Ваше величество! Но если королева Эрмессинда останется неконсуммированная вами, это вызовет определенные слухи! Хуже того, они дойдут до королевства Эммагальд, где вызовут естественные недоумение и обиду.

— Что, — спросил я сварливо, — даже обиду?

Он воскликнул с жаром:

— А как же!.. Вы тем самым как бы отвергаете представителя удаленного королевства Эммагальд! Нанося ему обиду, а то и оскорбление!.. Пойдут вопросы за что?.. Что королевство сделало не так, что вызвало вашу немилость? Это не скажу, что непростительная ошибка, но все же таких стараются не допускать, ваше величество...

Альбрехт сказал с неудовольствием:

— Дорогой сэр Джуллиан! Вы же понимаете, наше величество еще молодо, потому эмоции плещут, но оно старые книги читало, потому говорит одно, а действует достаточно мудро и как бы взвешенно.

— Ох, — сказал лорд-канцлер, — вы пролили сладчайший бальзам на мою скучоженную душу, дорогой принц-герцог. Надеюсь, что его величество...

— Уверяю вас!

Сэр Джуллиан сказал мне с надеждой:

— Ваше величество, есть простой и легкий выход!

— Да? — сказал я заинтересованно. — Давайте простой и легкий. И чем проще, чем лучше.

— Да проще некуда, — заверил он. — Вы же человек военный, завоеватель, что вам стоит ее консуммировать как полагается, по узаконенным и освященным правилам мироустройства империи, оформленным в виде непреложного этикета?.. То есть в присутствии членов Высшего Совета. Одного раза достаточно,

чтобы затем только милостиво отвечать на ее поклоны при мимолетных встречах в залах или на аллеях. Жизнь императора так насыщена, что даже с женой может не видеться годами, что уж о любовницах!

Я поморщился.

— Дорогой, сэр Джуллиан, вы же ее видели? На такую и залезать трудно. Заметили, какая у нее задница? Заметили, по глазам вижу, такое мы сразу замечаем.

Альбрехт сказал лорд-канцлеру:

— Его величество никогда не отступал перед трудностями. Думаю, залезет. А слезать и не обязательно, можно просто сползти, а то и упасть, императорские перины мягче некуда.

Я сказал со вздохом:

— Выберите день, точнее, ночь... а я велю погасить в спальне свечи.

Альбрехт деликатно смолчал, но сэр Джуллиан обронил осторожно:

— Поговаривают, вы и в темноте видите.

— Как можно наговаривать на императора, — сказал я с неудовольствием; какая же свинья проговорилась, теряю часть своих преимуществ. — Хорошо, тогда еще и глаза закрою.

Он ответил с почтением:

— Да-да, ваше величество. Все равно не промахнешься, королева Эрмессинда достаточно заметна... и на ощупь в любой вашей постели.

— И вы туда же, — сказал я горько.

— Все в интересах империи, — сообщил он с лицемерным сочувствием. — Зато укрепите связь с королевством, которое давно соблазняет Ярборейская империя.

Я насторожился.

— В каком смысле?

— Обещает золотые горы, — пояснил он. — Дело в том, что с нашей стороны только королевство Эммагальд выходит на берег обширного Иссинейского озера, а с той стороны и с боков три или четыре королевства входят в империю Месория.

Он остановился и посмотрел на меня со значением, дескать, догадается ли северный варвар, о чем речь.

— Позвольте, — сказал я, — попробую догадаться. Значит, озеро приходится делить на зоны влияния? Я говорю о суверенном рыболовстве, добыче шельфовых ископаемых... гм, я имею в виду поиск затонувших сокровищ...

Он посмотрел на меня с великим уважением.

— Ваше величество, вы меня поражаете... Вроде бы только что с новой любовницей слезли, а уже рассуждаете... трезво! Все верно: если бы императору Ланготору удалось уговорить королевство Эммагальд войти в состав его империи, все Иссинейское озеро стало бы внутренним озером империи Месория, и никаких больше споров и трений между королевствами! А оно империи Месория чем-то очень ценно.

Я пожал плечами.

— Тогда, может быть, просто отдать?

Он взглянул с укором.

— Ваше величество...

— А что, — сказал я, — если тамошний император знает, что с ним делать... Но с другой стороны, только я смогу дать народам счастье тяжелого труда ради куска хлеба, а также упоение в изнурительной борьбе

за выживание! Так что шиш, ни пяди нашей земли! Еще и чужую объявили нашей.

Он вздохнул, но тут же нахмурился.

— Ваше величество...

— Что?

— Великие Маги не позволят, — напомнил он. — Никаких завоеваний!.. Они без труда останавливают любую армию. А если те упорствуют, то просто...

— Попробую договориться, — пообещал я. — Вообще люблю договариваться. Я же простой император, почти народный.

— Договориться с Магами?

— С кем я только не договаривался, — сообщил я. — Даже с троллями сумел! Правда, тоже на уровне ниже пояса... Зато привлек к почетной службе в рядах нашей победоносной с правами полноправных граждан империи!

Он покачал головой, глядя на меня почти с опаской.

— Чудны дела ваши, ваше величество... А как там северная империя без вас?

Я признался с неохотой:

— Пора навестить, да все некогда. Но после нашей победы над филионами и захвата Багровой Звезды Зла, уверен, на Севере ни один король не посмеет оспорить мои права. Вы же не думаете, что я взял с собой в экспедицию на Юг всю армию?

Он помотал головой.

— Нет-нет, ваше величество!.. У нас издавна ходят слухи о многочисленных свирепых народах на далеком северном континенте за океаном, которых больше, чем звезд на небе и песчинок на морском бе-

регу... И говорят, настанет конец света, если сумеют найти к нам дорогу.

— Конец света мы отменили, — напомнил я. — Именно своим появлением. Хорошо, сэр Джуллиан, насчет консуммации мы договорились. Что-то еще?

— Только ужин, — сообщил он, — но с ним, почему-то уверен, справитесь.

Стол накрыт красной скатертью с неизбежными золотыми нитями по кайме, для меня красная скатерть — это для того, чтобы пятна от красного вина не бросались в глаза, но, думаю, для императоров не так важно сохранить вид скатерти, как что-то показать цветом и даже рисунком на самом обширном полотнище.

За столом со мной только Альбрехт и Норберт, а правительство во главе с лорд-канцлером, как и положено по протоколу, стоит в двух шагах. Лица неподвижные, никто не шевельнет и пальцем, нельзя привлекать внимание, точнее, нельзя отвлекать от важного процесса принятия пищи императора и наиболее доверенных и облаченных лиц.

Другое дело, если император изволит сам обратиться с вопросом или пожеланием...

— Сэр Джуллиан, — спросил я, — у меня вопрос к вам насчет той блестательной операции, которую вы с таким успехом провели на дипломатическом фронте и одержали внушительную победу...

Он не сделал даже полшага вперед, как я ожидал, поклонился с места и ответил с угодливым достоинством:

— Имеете в виду королеву Эрмессинду, ваше величество?

Я вытер рот и пальцы салфеткой, у нас на Севере в таких случаях принято вытираять об одежду слуг или их волосы, подтвердил суровым голосом, чтобы согнать улыбочки на лицах Альбрехта и даже Норберта:

— Да, королеву. Ту, которая с такими.

Показывать не стал, мужчинам и так понятно, он насторожился, при всей победности операции у меня все же вопросы, спросил искательно:

— Ваше величество?

— Нельзя ли, — поинтересовался я, — ей оставаться моей любовницей чисто номинально? Предположим, хоть вы и не поверите, что я одухотворенная натура и мне плотские запросы моего естества уже поперек горла!..

Он поклонился и сказал с сильнейшим сомнением фальшивейшим голосом:

— Ну как же, как же, ваше величество, мы вам абсолютно верим! Вы как бы поэт, хоть и с длинным мечом в руке...

— Зато с лирой в другой, — напомнил я. — Лира — это такой музыкальный струмент, на ней играют, хоть и неудобно, нужны хорошие когти, на барабане сподручнее. Мы же вроде бы государственные интересы соблюли? А все остальное тлен и суeta!

Он вздохнул, развел руками и даже смиленно опустил очи долу.

— Ваше величество, можно все, но нужно ли?..
Пойдут слухи...

— Слухи идут всегда! — напомнил я. — Что я за император, если не будет слухов?

— Но другие, — уточнил он, — умаляющие ваши мужские достоинства... а надо ли вам такие обидные? Пойдет шепоток сперва по дворцу, что вы игнорируе-

те королеву Эрмессинду, а это значит, тут же узнают представители королевств... Выразят недоумение, потом последует запрос, наконец, дойдет и до официального протеста... А нужно ли некоторое... нет, еще не обострение, а некоторое охлаждение между центром и провинциями?

Альбрехт сделал значительное лицо, толкнул локтем Норберта. Тот и так сидит очень серьезный, но он всегда серьезен, только кончики усов подозрительно бодро приподнялись.

Я скривился, махнул рукой.

— Ладно, как-нибудь потом. Назначьте определенную дату, чтобы все успокоились, но подальше, подальше... Можно на следующий год.

Сэр Джуллиан поклонился.

— Ваше величество, мы просмотрим ваш донельзя загруженный график и отыщем время для этой... гм... церемонии.

Альбрехт, на которого правительство все чаще бросает умоляющие взгляды, наконец раскрыл рот и изрек так же важно:

— Процедуры. Она не слишком трудная, ваше величество, это вдруг вы не знаете, но в любом случае, ваше величество, ее не перепоручить вашим помощникам и лордам. Есть такие дела, которые, согласно ритуалу, нужно выполнять только самому. Сожалею, но жизнь некоторые вещи заставляет делать добровольно.

— А еще и улыбаться, — сказал я в раздражении. — Знаю, но это правильно, когда касается других.

Сэр Джуллиан и его команда с облегчением перевели дух, Альбрехт пихнул Норберта, но тот промолчал снова, делая вид, что не может оторваться от кубка с вином.

— Альбрехт посмотрел на меня с укором.

— Только без зрителей, — предупредил я. — Это же не ритуал консуммации? Надеюсь, уже консуммирована своим мужем?

Сэр Джуллиан сказал с готовностью:

— Уверяю вас, ваше величество, вся процедура была проведена в присутствии государственной комиссии королевства Эммагальд, удостоверена подписями членов Высшего Совета и скреплена Большой Королевской Печатью! Вся комиссия состоит из членов высших родов королевства! Вы вправе, конечно, обойтись без свидетелей, но зачем возможные неприятности, если избежать так нетрудно?

Альбрехт словно бы сжался над своим императором, все же сюзерен, которого должны защищать, сказал уже более хозяйственным голосом:

— Можно в присутствии комиссии вашему величеству и королеве Эрмессинде лечь в постель. Этого достаточно для соблюдения протокола. Дальше шторы можно задернуть.

— И могу отвернуться, — спросил я с надеждой, — и спать спокойно?..

— Именно! — воскликнул он с восторгом и перевел взгляд на членов правительства.

Лорд-канцлер и вся его команда дружно заулыбались.

— Тогда на этом и поладим, — решил я. — Мир держится на компромиссах. Все остальное — война и обострения.

На лице сэра Джуллиана проступило удовлетворение государственного деятеля, который и с этой важнейшей проблемой международного масштаба справился с блеском.

Глава 10

Перед сном вышел на балкон, снизу с ярко освещенного двора доносятся беззаботный женский смех, веселые голоса. Разгуливают группами и парами, есть и одиночки, нацеленные на скоротечный флирт со стремительным финалом, чувствуется полная удовлетворенность жизнью и своим существованием.

Вдоль главной аллеи справа и слева бьют фонтаны. Хрустально-прозрачные струи взмывают высоко в ночное небо, каждая третья струя окрашена красным, это винные, роскошь, но не такая уж и немыслимая, хотя, на мой протестантский взгляд, и весьма излишняя.

Со всех сторон игривые возгласы, что и понятно, все жрут в основном жирные мясные блюда, щедро сдобренные специями, и в эту жаркую ночь страсти играют, гормоны бьют в голову, альтанки переполнены, даже из кустов то и дело торчат дергающиеся ноги в туфлях.

Прогуливающиеся по аллеям, где ярко освещенным, а где нарочито затемненным, церемонно раскланиваются со встречными, поклоны бывают средние, полусредние и низкие, и все подчеркнуто замедленные, словно кланяющийся преодолевает сопротивление воды.

Я вяло подумал, есть ли в этом смысл, если даже у нас на Севере, что менее продвинут в культуре и этикете, достаточно легкого наклона головы, а здесь так подчеркнуто, потом решил, что такая показуха рассчитана на других. На Юге куда многолюднее, чем у нас, потому кланяющийся и тот, кому кланяются, оба видят, что они как на сцене, потому один дер-

жится подчеркнуто горделиво и выпрямляет спину, заодно подтягивая пузо, а второй кланяется глубоко и медленно, чтобы и тот, кому кланяется, видел, что все видят, какие знаки почтения ему оказывают.

А когда встречаются наедине, то не будут же разрабатывать два отдельных ритуала! К тому же всегда есть вероятность, что кто-то может узреть в окно или в щель плохо притворенной двери недостаточно низкий поклон, а это как бы не очень, двойные стандарты хоть и присутствуют везде, но везде и осуждаются.

Я вздохнул, мой мощный мозг постоянно работает, ищет варианты, перебирает найденные, но почему-то всегда не над той проблемой, которая нависает над головой, как меч Дамокла.

В дверь заглянул Хрурт, посмотрел по сторонам, затем только обратил взор своих честнейших глаз на меня.

— Сэр Ричард, — сказал он тихо и с непривычной для него нерешительностью, — я что-то не понял... но к вам... королева... да, та самая, у которой... которая сегодня прибыла...

Я не успел придумать, как вежливо отказать ей, пусть сперва с Имперским Советом уточнит, но, отпихнув могучего Хрурта, как щенка, вошла, шурша ворохом платьев, королева Эрмессинда, мощная, напористая и улыбающаяся во весь рот с настолько великолепными зубами, что мне почудилось, будто их два или три ряда, как у акулы.

— Ваше величество, — сказала она весело, — я подумала, а что вам эти правила и предписания Имперского Совета?.. Что эти дряхлые старцы понимают в играх молодых и сильных?

Я пробормотал чуточку ошалело:

— Вы предлагаете... сразу в койку?

Она весело рассмеялась.

— Можно!.. Но лучше сперва по чаше вина, если можно. А то я совсем застенчивая, а вы же император, не герцог какой-нибудь захудалый...

Хрурт уловил мой взгляд, исчез. Я указал королеве на массивное кресло по ту сторону стола, она подошла к нему, мощно ухватила одной рукой за спинку и легко перенесла ближе ко мне.

— Простите, ваше величество, — сказала она легко, — у нас этикет очень прост. Это здесь, как мне сказали, все очень сложно и запутанно, потому не сердитесь, если я что не так. Не со зла, а по незнанию.

Распахнулась дверь, мелькнуло лицо Хрурта, в кабинет вошли двое лакеев с подносами в руках. У одного серебряный кувшин, у второго два золотых кубка, усеянные рубинами и топазами.

Я молча наблюдал, как наливают нам, королева тоже смотрит с интересом, а когда откланялись и ушли, я сказал вежливо:

— Королева... ваше здоровье.

Она взяла второй кубок, мило улыбнулась, ямочки на щеках стали еще глубже, а щеки порозовели.

— И за ваше, император!

Я отхлебнул, королева сделала глоток и сказала с чувством:

— Какое удивительное!.. А у нас с виноградниками плохо, почва не та. И слизни сжирают еще зеленым... Слизни — это вроде червяков, только толстые и скользкие...

Вино вообще-то не ахти, но свое делать не стану, это знак особого расположения, а все напористые

женщины как-то не в моем вкусе, да и не представляю мужчин, кому такие нравятся, нам не нужны еще какие-то доминанты, кроме нас самих.

Она допила свое вино быстрее, чем я, а когда поставила кубок на столешницу, прямо взглянула в глаза.

— Мне сказали, что у вас это дело... я говорю о сортии подобного рода... когда император принимает... в общем, проходит под наблюдением кучи мужчин и женщин?

— Из Высшего Совета, — ответил я кисло, — а там уже нет ни мужчин, ни женщин.

— А кто?

Я пожал плечами.

— Даже и не знаю, как их назвать. Облеченные лица.

— Чем облеченные?

— То ли доверием, — ответил я, — то ли полномочиями. Хотя вообще-то надо потихоньку пересмотреть эти законы. Кого-то удастся отпиломочить, а то и отдоверить... как надеюсь. Императора всегда стараются сделать декоративной фигурой.

— Знаю, — ответила она уверенно, — королей тоже стараются. Ваше величество, по вашим словам я вижу в вас больше мужчину, чем императора! А не удастся ли нам избежать их наблюдения? У нас в королевстве сочли бы такое бесстыдством!.. Вам тоже, как я ощущала, не очень нравится такой досмотр вашей постели. Вы же не из урожденных императоров?

— Да вот прям не ликую, — согласился я. — Вы пришли сами, опередив их комиссию? Прекрасно. Мои телохранители их остановят. Я рад, что у вас прекрасное здоровое королевство со старыми искон-

ными традициями... Вам помочь с этими завязками, шнурками, застежками?

Она мило заулыбалась, поиграла бровями.

— Ваше величество, у нас женщина в состоянии все снять и все надеть без помощи дюжины фрейлин!

— Ваше королевство мне нравится все больше, — сказал я. — Как, говорите, называется?

— Эммагальд, ваше величество. Королевство Эммагальд.

Я кивнул в сторону двери в спальные апартаменты.

— Пойдемте, дорогая королева. Будете знакомить меня с достопримечательностями Эммагальда.

Вообще-то я не планировал с нею оставаться дольше чем на короткое время случки, но королева оказалась словоохотливой и после короткого и насыщенного коитуса продолжила рассказывать о своем королевстве живо и весело, с юмором.

Я слушал и чувствовал, как уходит раздражение и даже этот Демон Огня отошел на второй план, все-таки пока прет по безлюдной местности, время еще есть, обязательно подберем какие-то ключи.

Заметив, как я начинаю уходить в свои думы, она рассказала несколько анекдотов, на удивление остроумных. Я невольно повеселел, а затем, окинув взглядом ее крупную колыхающуюся грудь, молочно-белую и с красными вздутыми ниппелями на вершине холмов, рассказал, как некоему принцу были представлены на выбор три невесты: первая — красивая, вторая — умная, а третья сказочно богатая. Он хорошо подумал и выбрал ту, у которой сиськи больше...

Эрмессинда расхохоталась так, что под сводом звенели хрустальные висюльки на люстрах, а я, подбодренный ее неподдельным весельем, рассказал, как

родители знакомили взрослого сына с девушкой, а на обратном пути мать выспрашивала, что же с ним не так, девушка и умная, и красивая, и богатая, изличной семьи, сама ведет себя прилично... ну что не так?.. А отец, к которому обратилась за поддержкой, пробормотал: «Да я тоже у нее сисек не увидел...»

От ее смеха у меня зазвенело в ушах, а ее горячие груди заколыхались так мощно, что я невольно придержал их ладонями. Пальцы обожгло сладким пламенем, жар тут же потек от кистей до локтей и дальше, воспламенил.

Я снова опрокинул ее на спину, а она сказала со смехом:

— Ваше величество, вы ненасытны, как лесной кабанище!

Да и потом снилось нечто радостное и светлое, я побеждал и парил, а когда кое-как разлепил один глаз, не сразу понял, что сплю, уткнувшись лицом в ее все еще горячую грудь, а руками крепко держусь за толстые и такие сладкие валики на ее пышных боках.

За пологом послышалось деликатное покашливание. Штора уехала в сторону, Хрурт с интересом посмотрел на обнаженную королеву, такую роскошно богатую на перинах, и сказал шепотом:

— Сэр Ричард, там уже толпа! Волнуются, чего это вы еще не проснулись... Вдруг я вас удавил, выполняя заказ императора Скагеррака?

Я встрепенулся.

— Чё, проспал?.. Блин, давно такого не было...

Королева проснулась, зевнула, сладко потягиваясь, улыбнулась мне, на Хрурта совершенно не обратила внимания, стражи и слуги во дворце вроде мебели,

их и положено не замечать, сказала все еще сонным голосом:

— Ваше величество... пора вставать?

— Вставать, — сказал я с тоской, — одеваться и начинать служить Отечеству, которого нет, но обязательно будет.

Хруйт повернулся к парадной двери и хлопнул в ладоши. Гвардейцы с двух стороны широко распахнули обе половинки.

В спальню степенно начали входить отпрыски знатнейших фамилий империи, а во главе ожидаемые принц Кегельшир и принцесса Джеззифина.

Принц Кегельшир молча сорвал с головы шляпу и грациозно поклонился, горделиво подчеркивая несвойственную его возрасту гибкость суставов, а принцесса Джеззифина проговорила громко:

— Ваше величество... консуммация?

— Вполне, — подтвердил я. — Весьма. Даже весьма зело.

Королева как бы застенчиво приопустила ресницы.

— Да, — ответила она тихим воркующим голосом самки лебедя, что теперь готова без устали откладывать оплодотворенные яйца. — Очень даже успешно. И даже с повторным контролем качества и успешности.

Принцесса перевела взгляд на принца Кегельшира, тот выпрямился и провозгласил жирным голосом:

— В присутствии членов комиссии по консуммации я подтверждаю, что процедура проведена по всем правилам и под тщательным контролем Высшей Императорской Комиссии.

Вся толпа придворных энергично зааплодировала. Я чувствовал себя по-дурацки, ощущение такое, что

должен с довольным видом раскланяться, еще бы, все исполнил как надо, даже с контролем качества, однако вид у принца и принцессы, членов Высшего Комитета по Консуммациям несколько натянутый, даже улыбаются чуточку принужденно.

Я все-таки их надул, мелькнула мысль. Правда, заслуга по большей части королевы Эрмессинды, это она явилась не под контролем комиссии, а пришла тайком на полчаса раньше, а когда члены Высшего Консуммационного Совета изготовились к наблюдению за процедурой, их у двери остановили телохранители, сообщив, что королева уже в постели императора.

Так что мы с членами Высшего Совета пошли друг другу навстречу. Они сделали вид, что не заметили крохотного нарушения процедурного процесса, а я сделал вид, что поступаю с соответствием с древними правилами.

Можно сказать даже, я победил, однако... что со мной не так, если начинаю гордиться даже такими победами?

Глава 11

Завтрак по моему настоянию и ввиду военного положения прошел без церемоний, это обед будет под взглядами полусотни приближенных из местных. Налицо трудно достигаемый временный компромисс с лорд-канцлером, вчера пришлось пообещать, что это временные нарушения, мы ж еще северные варвары, а потом пообещемся, а то если сразу, то подавимся.

Тогда сэр Джуллиан ушел удовлетворенный, а я с тоской и тревогой подумал, что эта брехня грозит обернуться явью и на самом деле: если не подавимся и не начнем бунт, то начнем все больше перенимать местное, а это хоть и шагок к прогрессу, но потеря идентичности и высоких, несмотря на хи-хи, идеалов.

Закончив завтрак, я поднялся из-за стола, но не успел отодвинуть кресло, как его убрали, а едва сделал шаг в сторону, задвинули взад. Похоже, мой кабинет, в котором в виде исключения решил позавтракать, в таких случаях уже не совсем кабинет, в кабинетах не снуют парадные лакеи с завитыми кудрями и черными лентами на перехваченных сзади длинных волосах.

В коридоре с дежурящими гвардейцами беседует сэр Альбрехт, весь в бордово-красном, от роскошнейшей шляпы и до сапог из красной кожи, только манжеты белоснежные да ажурный платок вокруг шеи, завязанный таким хитрым узлом, чтобы длинный конец закрывал, как взбитой морской пеной, почти всю грудь.

Он тут же развернулся ко мне и молодецки щелкнул каблуками.

— Ваше величество?

— Вольно, прынц, — буркнул я. — Вы же его высочество, а не какой-то там герцог...

— Указа не было, — напомнил он.

— Скажу сэру Джуллиану, — ответил я, — пусть составит и подаст на подпись. А заодно и церемонию забабахает, здесь это любят, в честь нового и такого нарядного прынца. Вы у местного населения любимец, знаете?.. Ну еще бы не знали.

На середине длинного коридора встретили графа Келляве, этот в отличие от наряднейшего Гуммельсберга просто прекрасен в победно блистающих доспехах, шлем оставил, но и шляпой пользоваться не желает, короткая полуседая щетина на голове смотрится сурово и мужественно.

— Ваше величество?

— Следуйте за нами, — велел я. — У нас сейчас заседание полевого штаба по чрезвычайным обстоятельствам.

— Полевого?

— Для нас весь мир поле, — ответил я.

У выхода на лестницу в позе почтительного ожидания доблестный Гевекс, а с ним еще один верный вассал Альбрехта, Бриан Кенговейн, настолько преисполненный рыцарских идеалов, что для него сэр Альбрехт по-прежнему выше, чем я.

Широкополая шляпа Гевекса молодецки задрана полями кверху, что придает хозяину бравый вид, хотя, на мой взгляд, и напоминает гнездо аиста. Края даже оторочены нежным пухом, что должен согревать птенцов, но такие шляпы в самом деле смотрятся лихо, тем более на Гевексе и Кенговейне, что и на Севере одевались с воинским шиком и даже побитые доспехи ухитрялись носить так, словно королевские регалии.

— Ваше величество...

Оба поклонились по-северному, то есть отместились легкими наклонами голов, не сгибая спин. Рыцари не гнутся даже перед императорами, а это не остается незамеченным местными лордами, но, понятно, сами на такую вольность не решатся, хотя

лично я не заметил бы, однако наши ревниво следят, чтобы местные не наглели.

Спускаясь по лестнице, снова обратил внимание, как не обратить, что во дворце все двигаются замедленно и величаво, даже слуги, а мои орлы тоже начали перенимать эту моду, чтобы не выглядеть несобранными и суетливыми, что меня не столько раздражает, как вгоняет в тоску.

Альбрехт, который, как и Норберт, все замечает и истолковывает в интересах безопасности, пошел рядом и шепнул:

— Это очень удобно! Пусть убийца вот так красиво и величаво вытаскивает из ножен кинжал, неспешно двигается в вашу сторону...

— А если побежит? — сказал я нехотя.

— Сразу привлечет общее внимание! Это неприлично, а на неприличие все смотрят и указывают!

— Что слышно насчет Демона? — перебил я.

— За ночь вряд ли что-то, — ответил он с укором.

— Сэр Норберт, — сказал я, — все еще чувствует себя вашим вассалом и потому докладывает обо всем вам?

Он ответил чуточку обиженно:

— Ваше величество! Все стараются разгрузить вас. Вы же сами дали нам широчайшие полномочия. Понимаю, вы это сделали от природной лени, а сами побабам, но люди горды и стараются!

— Пусть стараются, — ответил я. — Государство держится на старательности малых и средних.

— Да, сэр Ричард. Вижу, вы науку управления уже усвоили.

— А мы, — продолжил я, подбодренный всегда скромным на похвалы суровым рыцарем, — высшие,

должны уметь подбрасывать поленья в огонь их старательности.

— Сухие поленья, — уточнил он. — Только здесь вся империя сырья.

Спустившись на второй этаж, ощутили, что там, куда все еще не входили местные слуги и придворные, кроме особо разрешенных, царят наши северные порядки и правила, для здешних это выглядит полным беспорядком и диким нарушением всех устоев.

Внизу к нашей группе присобачились еще несколько придворных из наиболее родовитых и знатнейших семей империи, но у малого императорского зала, который я все чаще использую для собраний, я остановился, подумывая, как их отсечь, Альбрехт подошел ближе и шепнул:

— Я пригласил еще и графа Томандера...

— Протеже герцогини Самантеллы? — спросил я.

— Да, — подтвердил он. — Он чувствует, что вызвал чем-то вашу немилость, и старается не попадаться на глаза...

— Он в курсе?

— Я объяснил.

Гвардейцы у входа сомкнулись за моей спиной, пропустив в зал по указке Альбрехта только Кенговейна Келляве, остальные остались в коридоре общаться, выказывая всем видом, что принадлежат к высшим среди высших.

Я подумал с хмурой иронией насчет смычки северных лордов с южными, взаимодействия культур на основе общих интересов оказаться как можно ближе к императорскому столу.

Альбрехт пропустил вперед Келляве и Кенговейна, более разных по одежде и манерам рыцарей в моем

войске и представить трудно, вошел следом и сам прикрыл дверь, проверив, чтобы не осталось щели.

— Утро вечера мудренее, — сказал я, — я уверен, все ночами только и думали, как остановить Демона Огня. Но пока помалкивайте, пусть ваши идеи отстоятся, как сливки на молоке. Послушаем сперва...

Хруйт впустил еще одного, граф Никлас Томандер вошел быстро, но не торопливо, хотя и чуточку запыхался, явно бежал через двор, однако каждое движение исполнено достоинства и почтительности к императору, что и подчеркнул красивым взмахом шляпы и низким поклоном.

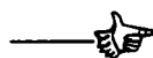
— Ваше величество, — произнес он учтивым голосом красивого тембра, — вы изволили...

— Изволил, — прервал я. — Взгляните на карту. Там вроде бы, судя по словам герцогини Самантеллы, ваши владения. Меня интересуют вот эти земли...

Он сделал шаг к расстеленной на широком столе карте империи, мои орлы весело переглянулись. Граф наверстыивает долгие годы ссылки, потому кружевные манжеты настолько объемные и манерные, что высываются из-под укороченных рукавов на пол-ярда и свисают пышной белоснежной пеной еще чуть ли не на ярд.

Когда он с готовностью наклонился над картой, роскошный платок на шее распушился, а длинный широкий галстук из белоснежной парчи, закрывающий грудь до середины живота, лег на карту, закрыв ее наполовину.

Сэр Альбрехт тут же зашел сбоку и начал заинтересованно наблюдать. Граф поспешил сдвинул платок, провел пальцем по карте плавный овал, но не успел выпрямиться, как я спросил:

— А что это там рядом за такие странные значки?

Он снова наклонился, всмотрелся, галстук старался закрыть всю карту, сэр Никлас старательно сдвигал его в сторону, наконец удержал рукой в таком положении, а улыбка Альбрехта стала еще злораднее.

Наконец граф догадался поскрести пальцем, сказал с облегчением:

— Мухи насрали, ваше величество.

— И никаких значков? — спросил я.

Он покачал головой.

— Там просто мелкие горы и лес. Даже ближайший рудник с залежами медной руды в сотне миль к северу. Да и тот заброшен.

— Нашествие нечисти?

— Нет, руду выбрали. Дочиста.

Я поинтересовался:

— Как же без меди, что за жизнь?

Он посмотрел несколько покровительственно.

— Ваше величество, Великие Маги восполняют недостаток раньше, чем почувствуем.

В его словах прозвучал отчетливый намек, что Великие Маги заботились о людях, а что может предложить захватчик с Севера, разрушивший Башни?

— Если Демон Огня пойдет в прежнем направлении, — спросил я невозмутимо, — какие города и села разрушит?

Он снова обратил взгляд на карту, платок по-прежнему прижимал к груди ладонью.

— Вот эта короткая черточка... его путь?..

— Да.

— Дальше дремучий лес, — сказал он уверенно, — болота и мелкие горы. Насколько знаю, там нет даже деревень. Разве что из беглых. Есть такие странные,

уходят в дремучие леса и живут там по своим законам.

— Без законов, — уточнил Альбрехт. — У нас уже есть сведения.

— Без имперских законов, — поправил я его в свою очередь, даже императоры образованность хотят показать, — люди не могут без законов, иначе уже не люди.

Граф ответил кисло:

— Эти не в счет, ваше величество, уж простите, что возражаю. Раз их нет в переписи... значит, их нет.

Я пробормотал:

— В ваших словах звучит государственная мудрость, сэр Никлас, несмотря на такие роскошные манжеты... Раз не платят налогов, то чего нам о них заботиться?.. Гуманизм произрос из корыстных расчетов.

Он низко поклонился и помахал шляпой у сапог, подметая перьями блестящий пол.

— Ваше величество...

Я кивнул, отпуская из нашего рыцарского собрания, а внимательно наблюдающему за его шляпой Альбрехту сказал внушительно:

— Видите, прынц, здесь и мухи срут красиво и грациозно, согласно дипломатическому протоколу. Ишь какой узор!.. Чувствуете высокие манеры и артистизм исполнения?

Келляве и Кенговейн ехидно заулыбались, Альбрехт заявил с неудовольствием:

— Мухи ничего не понимают. Хотя у здешних щеголей мозги такого же размера, но... думаю, у мух случайно. Или Великие Маги, забавляясь, велели им

гадить вот так фигурно. Да-да, я все чаще вспоминаю о них...

— О мухах?

— Да, ваше величество. О крупных и смертельно опасных. Что пока еще в пещерах.

Я поинтересовался мирно, стараясь не показывать холода, что сразу начал заползать в душу:

— Наводили справки, сколько обычно сидят в пещерах?

Он пожал плечами.

— В летописях этого нет, а навскидку сказать трудно. Полагаю, все сидят до конца, насколько хватает захваченных с собой запасов. Конечно, сжирают там не все, нужно же чем-то питаться, когда выберутся на разрушенную землю, а еще чтоб в запасе зерно для посевов...

— Тогда вряд ли больше месяца, — сказал я, — а со дня нашего прибытия сколько прошло?

Он взглянул мне прямо в глаза настолько серьезно, что у меня по спине побежали мурашки.

— Все зарывшиеся выберутся вот-вот, ваше величество. Самое неприятное, первыми наверняка выйдут Великие Маги. Перебить их будет, ваше величество... непросто.

— Все время об этом помню, — огрызнулся я. — Умеете вы обрадовать мое величество! Но хорошие слова подбираете, прынц. Непросто!.. И даже не знаем как. Однако, сэр Альбрехт и вы, другие, держитесь!.. Всех магов перебьем, а мы останемся.

Келляве сказал мужественным голосом:

— Пусть только вылезут! Сразу вобьем в землю по ноздри. А под нос кучу навоза накладем. Вон сэр

Бриан уже землю копытом роет, весь паркет исковырял...

Кенговейн невольно посмотрел себе под ноги, но пол цел, разве что шпорами царапнул роскошный ковер этих надменных южан, так им и надо.

— Сами накладайте, — ответил он мрачно. — Вы уж точно большую кучу накладете... Ваше величество, позвольте нам с сэром Гевексом отправиться к Демону Огня? Кони у нас быстрые, из конюшни самого герцога Ришара, в случае чего ускакем.

— Я тоже бы вернулся, — проворчал Келляве. — Все доблестнейшие рыцари ведут бой, даже Боудеррия с ними, какой стыд нам, мужчинам...

— Сэр Бриан, — сказал я Кенговейну, — о ваших конях наслышан. Даю соизволение, во дворце зачахнете, а то еще хуже: кружева носить станете... Вас тоже надо спасать, сэр Гастон. Насчет манжет в две ладони устоите, но женщины на вас виснут...

Келляве коротко поклонился.

— Благодарю за доверие, ваше величество.

Я сделал отстраняющий жест.

— Не на карнавал отпускаю, не благодарите. Если никто по карте ничего не добавит, все свободны. Берегите империю так же ревностно, как сэр Альбрехт бережет свою шляпу с перьями!

Глава 12

Все молча отступили к дверям, а там, соблюдая субординацию насчет титулов, звания и возраста, пропускали один другого в коридор.

Как только дверь захлопнулась, я сказал негромко:

— Можете появиться, Карл.

У стены обозначилась, словно барельеф, высокая фигура в уже привычном длинном халате до пола, в широкополой шляпе с высоким коническим верхом и тростью в руке.

Чародей отделился от стены и шагнул в мою сторону, а я уставился на него с подозрением и сразу потянул воздух обеими ноздрями.

— Карл, — сказал я, — признавайтесь, были у Демона Огня?.. Садитесь, вон кресло. От вас несет гарью. Я по ней вас давно учуял.

— Близко к нему не подходил, — ответил он. — Так, издали...

Он не садился, смотрит прищуренными умными глазами, я понял, вернулся к столу и плюхнулся в кресло.

Он опустился на указанное сиденье, я выждал, пока расправит полы халата, вежливый и собранный, как интеллигент на приеме у не очень умного, но властного сатрапа, готовый к любым неожиданностям.

— Халат, — заметил я, — на вас другой. Как и шляпа. Признавайтесь, сгорело все?.. И говорите, близко не подходили?

— Погох тот же, — возразил он с достоинством.

— Понятно, — сказал я. — Не горит, в воде не тонет, в набалдашнике яйцо, а в нем игла... И что узнали?.. Главное, как его уничтожить?

Он ответил с сомнением:

— Уничтожить можно все... все дело в усилиях. Сейчас их у нас явно недостаточно.

— Даже у вас?

— Даже у меня, — ответил он просто. — К тому же эта вещь не имеет никакого отношения к магии. Да это вы и сами поняли.

— Я-то понял, — пробормотал я. — Это больше как явление природы, но только создано не ею.

Он смотрел на меня серьезными испытующими глазами.

— Это, как догадываетесь, и вам затрудняет?

— Мне просто затрудняет, — возразил я, — а вам, как вижу, хочется сперва исследовать? А что рушит экономику державы, вам до стеариновой свечи?

Он чуть откинулся на спинку кресла, взгляд остался таким же внимательным, но теперь в нем пропустила и легкая насмешка.

— Ваше величество, — произнес он, — а что он разрушил?.. Так, деревушку одну по дороге... С вашими-то масштабами обращать внимание на такие мелочи?.. Вы королевства рушили... А что лес горит, так каждое лето где-нибудь горит. Новый вырастает. Пепел — лучший корм для семян. Я прибыл туда раньше вас, если уж совсем начистоту. Заметил пожарище Зейс, побывал там, рассказал мне, я сообщил конной разведке, те передали Тамплиеру...

— Значит, вы с Зейсом наблюдали и наше прибытие?

Он кивнул.

— Да, но... во избежание, сами понимаете. Должен заметить, вы действовали рискованно, но все же без глупостей. Ваша собачка, кстати, дважды перебегала по раскаленной лаве, что остается за Демоном Огня, но лапы не обожгла. Зейс последовал было за ней, но его едва успели выдернуть обратно. Не только одежда — кожа сгорела до костей!.. Едва восстановили...

Сейчас на себя не похож, к тому же в спешке сделали рыжим, а он их терпеть не может, у него жена была с рыжими волосами... по всему телу.

— Рискуете, — сказал я без одобрения, но и не осуждающе, все взрослые, сами определяют степень риска. — Есть какие-то подозрения насчет типа, который выпустил этого зверя?

Он покачал головой, не сводя с меня испытующего взгляда.

— Полностью отбрасываете версию, что зверь сам выбрался из какой-то норы, где спал тысячи лет?

— Не полностью, — признался я, — но верю в нашу победную дурь, я имею в виду человечество, что обязательно во что-то вляпывается, а потом геройски преодолевает, о чем само же слагает победные песни.

— Я тоже в нас верю, — ответил он. — И как?

— Потому больше склоняюсь к мнению, что некий дурак случайно выпустил джинна из бутылки. Из свойственного всем нам любопытства.

— Джинна?

— Потом объясню!.. Выпустил, но обратно загнать не может, а на все попытки связаться с ним не отвечает, что и понятно.

— Почему понятно?

— Никто не хочет признавать свою беспомощность, — объяснил я. — А так нагадил и в кусты. А этот джинн... Демон Огня, повинуется ранее услышанной команде.

— Какой?

Я взглянул с интересом. Карл-Антон смотрит с таким ожиданием, словно вот щас выложу, что это за Демон Огня, зачем создан и какую цель преследует.

Он понял, усмехнулся с неловкостью.

— Простите, ваше величество, я уже привык, что обязательно чем-то удивите. Мы продолжим наблюдение... с вашего разрешения, конечно.

— Разрешаю, — ответил я милостиво. — Только гибнуть не позволяю. Я хозяйственный. И вообще, берегите себя. Вы же знаете, магия с переходом в алхимию — наше все. Рыцари уйдут в старинные летописи, а мы, маги и ученые, останемся.

Он поднялся с усмешкой на лице, явно прибыл еще в самом начале нашего сбора и слышал мои заверения насчет того, как лихо перебьем всех магов на свете.

Неловко получилось, но, надеюсь, понимает, что не все, что говорится громко и на публику, осуществляется в реальности.

Когда поклонился и отступил на шаг, я поинтересовался мирным голосом:

— Карл... вы же можете... прямо отсюда?

Он усмехнулся, указал глазами на Хурта по эту сторону двери. Я молча кивнул ему, Хурт, не говоря ни слова, вышел и плотно прикрыл дверь.

Карл-Антон отступил на середину комнаты, красивым и стремительным движением закутался в плащ по самые брови, только глаза сверкнули ярко и пронизывающе между шляпой и краем плаща.

Воздух моментально уплотнился вокруг его фигуры, завертелся смерч. Лишь мгновение я видел через серую пелену блестящие глаза чародея, затем все исчезло, а я вскочил, поспешно хватая на лету разлетевшиеся по кабинету бумаги.

Ладно, в другой раз пусть все-таки стартует из какого-нибудь потаенного угла. Даже в моих покоях пустых комнат много.

Ближе к вечеру Хруерт заглянул в кабинет, рожа хитрая, сказал вполголоса:

— Ваше величество... к вам старшая...

— Кто? — уточнил я.

— Которая старше младшей, — пояснил он, — но насчет официальной еще не понял...

Я сказал рассерженно:

— Еще и ты будешь меня донимать?.. Так и скажи: герцогиня Самантелла!..

— Ну да, — сказал он, — все точно! Она же старшая, да?.. А которая из них главная?

Я бросил коротко:

— Впусти.

В кабинете словно стало светлее, герцогиня вошла в том же светлом платье цвета расплавленного золота, крупные золотые серьги оттягивают розовые мочки ушей, ожерелье не столько ожерелье, как монисто, вместо жемчужин крупные плоские кружки из золота с затейливым рисунком.

Даже волосы будто из золотых нитей, как только женщины и творят такое, а лицо посыпано золотой пудрой с блистающими искорками.

— Ваше величество...

Он присела в церемонном поклоне, показывая совершеннейшую прическу с золотым гребнем и заколками с головками из золота.

Я выждал, так надо, ответил легко:

— Рад вас видеть, герцогиня. Подойдите.

Она приблизилась, всем видом выказывая смиренение и готовность служить императору.

Я небрежным жестом указал на свободное кресло:

— Присядьте, герцогиня. Какие-нибудь новости?

Она растопырила платье и грациозно опустилась на сиденье, улыбка не сходила с ее сияющего лица.

— Поздравляю, ваше величество, — сказала она с жаром.

— Э-э, — ответил я с некоторым недоумением, — с чем? Пока никаких побед...

Она всплеснула руками.

— А королева Эрмессинда?..

Я сказал кисло:

— Тоже мне победа.

Она с жаром всплеснула руками, подалась в мою сторону всем телом.

— Ваше величество! Вы очень удачно заполнили последнюю вакансию.

— Чё, правда?

— Несколько партий, — пояснила она, — что пропалкивали своих избранниц, сейчас рвут на себе волосы, потерпев сокрушительное поражение.

— Гм, — сказал я, — это вообще-то операция нашего лорд-канцлера. Он ухитрился провернуть все за моей спиной, если честно. Но я человек не конфликтный, в интересах империи ситуацию принял. Я же простой император, простодушный.

Она загадочно улыбнулась.

— Но ее кандидатуру подсказал и очень настойчиво отстаивал Грейгор Армстронг, я его вам представляла...

— А-а, — сказал я с упреком, — так за всем за этим стоите вы, герцогиня?.. А я уж думал, вы друг!

Она восхлинула с жаром, даже подалась вперед, словно предлагая свой бюст в мои ладони:

— Ваше величество!.. Империя превыше всего. А сэр Джуллиан умен, он быстро все понял, а так как

работает на вас честно и бескорыстно, то почти сразу и принял этот вариант!.. Вы доверили ему такой пост, он жилы будет рвать, но все сделает для вас.

— Ну да, — сказал я кисло.

Она заверила жарко:

— За королеву Эрмессинду можете быть спокойны!.. Ваш лорд-канцлер всегда тщательно все проверяет, прежде чем сделать движение. Королева Эрмессинда может склонять вас в пользу своего королевства, но никогда не будет интриговать против вас, у них такие старомодные нравы.

— Не то, — подтвердил я, — что здесь, верно?

Ее щеки чуть заалели, словно у юной девушки, но взгляд не опустила, ответила мягким голосом:

— Ваше величество, вы вполне можете быть уверены как во мне, так и в тех, кого я порекомендовала вернуть из ссылки. Мы не просто благодарны вам! Мы понимаем, что, если с вами что-то случится, полетят и наши головы. В лучшем случае нас вернут снова в ссылку, но императорского дворца больше не увидим.

Я кивнул, признавая ее правоту. Она вздохнула с сочувствием, взгляд говорит, что да, мир держится на корысти, а корысть заставляет их служить мне верно и преданно.

— А как с остальными? — спросил я.

Она уловила подтекст для меня, северянина. С нашими моральными устоями тема любовниц является щекотливой, потому и она ни разу королеву Эрмессинду не назвала ни любовницей, ни фавориткой. Просто королева дальней страны на службе императорского дворца, только и всего, у всех свои обязанности, а у Эрмессинды обязанности высокие

и почетные насчет блюсти интересы своего королевства.

— Хороший вопрос, — ответила она нейтральным голосом. — Ваше величество, я ни на кого не указываю пальцем, а то мне могут приписать и корыстные мотивы, но две женщины из вашего окружения не столько обязаны вам... как, к примеру, я.

— Мишель, — сказал я, — и маркиза Жанна-Антуанетта?

Она ответила так же ровно:

— Вы не можете не знать, что Жанна-Антуанетта была любовницей Скагеррака.

— Помню, — сказал я. — Но у нее личная заинтересованность. Скагеррак в изгнании и ссылке, а я на троне. Женщины практичнее нас, тут выбор очевиден.

Она сказала мягко:

— Жанна-Антуанетта добивалась, чтобы Скагеррак взял ее в жены. Он с женой давно не живет, даже отослал в дальний дворец, а Жанна-Антуанетта все больше прибирала его к рукам. Вы не собираетесь сделать ее женой?

Я отшатнулся.

— Что? Боже упаси!

— Вот-вот, — сказала она тихо, — а Скагеррак был почти готов. Ваше величество, я ни к чему вас не подталкиваю, просто будьте настороже. У нее могут быть мотивы работать против вас.

— В надежде стать женой Скагеррака, если он сумеет вернуть трон?

— Вот-вот. Насчет леди Мишельлы не знаю, вы же избрали ее первой, когда она еще не знала, что вы император...

— Именно, — сказал я.

— Но к ней могли подобрать ключи позже, — договорила она. — Леди Мишелла слишком чистая душа и доверчивая. Обмануть ее нетрудно.

Я пробормотал:

— Не смотрите на меня так, Самантелла. Я не обманывал. Напротив, она меня полюбила за мои длинные стройные ноги, а вовсе не за императорство!

— Она так и сказала?

— Ну, примерно... Я так понял.

Она посмотрела с ласковой иронией, как старшая сестра на очень наивного братика.

— Да, ваше величество, вас можно полюбить и за длинные ноги. Правда, леди Мишелла не глупа, но пусть все будет так романтично... Однако вам стоит помнить, что неискренняя женщина до неразличимости похожа на искреннюю.

Я покосился на заглядывающий в темное окно сверкающий серебром узкий серпик.

— Ночь, герцогиня. Договорим в постели.

Она ответила покорно, но я уловил в ее голосе упрятанный оттенок торжества:

— Как вам будет угодно, ваше величество.

Придворные дамы, не говоря уже о королевах, раздеваются с помощью служанок, но для экстренных случаев проработаны исключения, и сейчас герцогиня дернула за две-три завязочки, тяжелое многоярусное платье с заметным облегчением соскользнуло на пол и легло широким кольцом вокруг ее ног.

Она легко переступила, ничуть не смущаясь своей наготы, не юная девочка, шагнула к постели и остановилась, не сводя с меня взгляда.

Я приподнял край одеяла.

— Залезайте, герцогиня. Здесь уютно, а перины просто перинные. Даже я, черствая душа, оценил.

Она сбросила туфли и скользнула под одеяло, женщины умеют это делать грациозно, с детства учат не просто ложиться, это и простолюдинки умеют, а вот так невинно-чувственно, а в постели замереть, потому что там должен чувствовать себя полным и безраздельным хозяином мужчина.

Я покосился на сверкающее платье, императорские ювелиры, гордые умением собирать драгоценные камни в причудливые ожерелья и колье, пользуются при дворе не меньшей популярностью, чем устроители карнавалов и торжеств.

— Очень практическое платье, герцогиня.

— Это не платье, — ответила она милым голосом и без всякой насмешки над мужской тупостью, — а халат... сшитый так, чтобы выглядеть как платье. Вас, мужчин, обмануть легко, пройдешь мимо, и не поймете, а мы такое видим издали!.. Наивных мужчин больше, чем наивных женщин. Вас что-то тревожит с появлением Эрмессинды?

— Только одно, — ответил я, — почему король не в пещерах?

— Ваше величество, в Эммагальде грунт нехорош. Когда-то на тех местах было огромное болото, захватывало как земли будущего королевства Эммагальда, так и двух соседних... Потом, понятно, высохло, но даже сейчас земля в мелких болотцах и озерах. Там даже погреб отрыть невозможно, грунтовые воды сразу затопят.

— Понятно, — ответил я, — потому король объявил, что любит свой народ и останется с ним.

— А как иначе? Конечно, так и было в манифесте!.. Хотя народ не проведешь.

— А это честно? — спросил я.

Она сказала с убеждением взрослого человека, объясняющего житейскую премудрость своим детям:

— Абсолютно. Побеждает сильнейший, а не честнейший.

Я помолчал — в самом деле местами выгляжу наивным, хоть уже и политик, но наследие Севера еще живет, пищит. Герцогиня старательно смягчает, дабы в ее словах не звучали нотки полнейшего превосходства, но я, чуткая скотинка под толстой шкурой, все равно их чувствую.

— Ладно, — сказал я после раздумья, — да воздастся и вам той же монетой.

Она послушно раздвинула ноги.

Глава 13

Я со злостью отодвинул на дальний край стола бумаги, едва удерживаясь от желания швырнуть через всю комнату. Лорд-канцлер, что переступал порог кабинета, дернулся в испуге.

— Ваше величество!

— Сэр Джуллиан, — сказал я жестко, — почему у меня на столе до сих пор нет расписания, когда и куда отбывают багеры?..

Он охнулся.

— Ваше величество...

— Что? — спросил я жестко. — Багеры пойдут по моей воле когда и куда надо?.. То-то. Полное расписание сегодня же красивым разборчивым почерком!

Повесить на стене вот тут слева от стола. Крупно и разборчиво!

Он спросил с некоторой опаской:

— Надолго отбываете?

— Нет, — ответил я, — на день-два, а то и вовсе... видно будет. Если в наших архивах нет ничего насчет Демона Огня, а это заметная штука, то надо спросить у него самого, что он такое и зачем здесь! Уже пора.

— Ваше величество!

Я отмахнулся.

— Не пугайтесь, это я так шучу. Император не станет опускаться до общения с каким-то демоном. Но понаблюдать за ним лично придется. Смотрим же на диковинных зверей в императорском зверинце?.. На месте все-таки виднее, хотя народу нужно внушать, что виднее всего из окна императорского дворца. Пусть с балкона, тоже хорошо. По-императорски.

Он поклонился.

— Да, ваше величество, вам виднее, откуда бы ни смотрели. Да и герцог Дарабос наверняка уже собрал о нем достаточно.

— И Дарабоса вернем, — пообещал я. — А то тут наверняка мятежи зреют?.. Нет?.. А почему?

Он дернулся в испуге.

— Ваше величество!.. Мы помним, хотя многие все еще не верят в такое чудо, что вы спасли империю от страшной гибели!.. Какие-那样的 мятежи?..

— Справедливые, — огрызнулся я, — против несправедливого режима.

— Ваше величество...

— А что, — сказал я сердито, — все забывается быстро, только личные амбиции остаются. Остаются и растут, как подземные корни. Люди везде свиньи,

говоря между нами, политиками. За исключением рышарей, конечно.

— Да, — поддакнул он, — рыцари еще те кабаны!.. Дикие и бесстрашные, прямые и нетерпящие. Значит, раз уж нельзя хоть как-то отменить ваше, не побоюсь этого слова, безрассудное решение, то велю в ваше отсутствие бдить и работать.

— Вот-вот!

— Мы не подведем, ваше величество.

После его ухода я снова подумал, что вообще-то багеры через столицу ходят часто, именно потому на этом месте и появилось сперва первое поселение уцелевших людей, а потом разрослось до нынешних размеров. Однако каждый багер тупо следует в своем направлении, слепо повинуясь давно заложенной программе, и, чтобы попасть в какое-то нужное королевство, иногда приходится ждать нужный маршрут несколько дней, неделю, а то и больше.

Сэр Джуллиан, как и обещал, самолично принес большой лист плотной бумаги, я повесил его на стену слева от стола, не доверив слугам, на листе не только расписание, но и прямые линии, расходящиеся от Волсингсбора, словно лучи солнца на детском рисунке.

— Ваше величество?

— Сойдет, — буркнул я. — Потом мое величество изволит внести некоторые существенные поправки. У меня они все существенные, или я не император?

Он отшатнулся в испуге, все еще не улавливает суровый северный юмор.

— Ваше величество!.. Вы весь существенный. И поправки у вас императорские, даже имперские... Ваше величество, кого из дам велите определить королеве Эрмессинде во фрейлины?

Я посмотрел на него волком.

— У вас и такой хренью занимается император?

Он поспешно отступил, поклонился.

— Простите, ваше величество... Позвольте откланяться...

— Позволяю, — буркнул я.

Дверь за ним захлопнулась, я тупо посмотрел ему вслед, Эрмессинда и без фрейлин могла бы, но они положены по протоколу. В их обязанности, как понимаю, входит не только помогать королевам переодеваться перед сном и сопровождать на прогулках, ибо знатным дамам в одиночествеходить дурной тон, но и следить, чтобы не начали работать на вражеские державы, что спят и видят.

Так что пусть, сэр Норберт везде внедряет своих людей и женщин, хотя королева Эрмессинда, судя по ней самой, достаточно самостоятельная и даже самодостаточная.

Опять же, судя по ней, их страна патриархальная, энергичная, и, как полагаю, если бы не сдерживающее влияние Великих Магов, сумела бы развиться в мощную и продвинутую державу.

Сейчас же, когда могущество Магов подорвано, нужно будет на ее королевство обратить особое внимание...

Я оборвал мысль на половине и ругнулся, не сдержавшись. Ну почему, когда нужно решать какую-то неотложную проблему, мозг увиливает и подсовывает другие проблемки, легко решаемые?

На этот раз, когда я, уже одетый в дорогу, вышел из здания, отряд легкой конницы красиво гарцевал вблизи мраморных ступеней, вызывая довольные воз-

глазы наблюдающих со стороны придворных, для них любое событие — зрелище.

Во главе Чекард, один из самых лучших командиров под командой Норберта, крикнул мне бодрым голосом:

— Все готовы, ваше величество!.. Багер через четверть часа!

— Успеваем, — заверил я. — Я всегда точен, когда не ошибаюсь. И не забываю, чего хотел.

Бобик, словно подслушивает с кухни, примчался сразу, как только я вставил носок сапога в стремя, подпрыгнул, показывая, что бодр и готов к подвигам.

— Пойдем, толстяк, — сказал я. — Жирдяй даже!.. Вон пузо, а морда, морда...

Он посмотрел с обидой, откуда пузо, живот к спине прилип от постоянных лишений, только в походах и можно покушать вслать, там хоть дичи полно...

За мной промчались трое гвардейцев на быстрых конях, Юстер хотел отправить больше, но я не позволил.

Багер пришел абсолютно точно, хоть часы сверяй, да многие и сверяют, поднялись на причальную пирамиду и загрузились по-военному организованно, а на багере все делали вид, что здесь уже все знакомо. Некоторые даже оперлись спинами о поручни и беседовали о сравнительных ценностях длинных узких мечей южан и наших, тяжелых и широких, о более удобных здесь стременах и разнообразии седел, когда южан в конных прогулках могут сопровождать даже знатнейшие дамы, у них не столько седла, сколько скамеечки, когда сидишь на коне, свесив ноги на одну сторону.

Я слушал краем уха, настроение паршивое. Что-то победный и, честно признаюсь теперь, необдуманный рейд на Юг кажется все опаснее и непредсказуемее. Пока еще не решил, как сражаться с Великими Магами, а сражаться придется не на жизнь, а на смерть, а тут еще и этот Демон Огня, только его для полного счастья не хватало...

На меня поглядывают с осторожностью, что-то император хмур, а я отошел в дальний конец платформы, сел и укрылся плащом, погружаясь в сон, чтобы скоротать дорогу и не отвечать на дурацкие вопросы, а когда раздражен, они все кажутся дурацкими.

От дум пробудил Бобик, когда ухватил плащ зубами и бесцеремонно стащил.

Багер уже идет по дуге вниз, впереди поднимается и вырастает в размерах широкая площадка причальной пирамиды.

— Спасибо, — буркнул я. — Грубый ты, Бобик, никак сэр Альбрехт тебя кланяться не научит и шляпой размахивать.

Он подпрыгнул в восторге, да это он с удовольствием, только дайте шляпу, поразмахивает так поразмахивает!

Когда спускались по гулкому дощатому настилу на землю этого королевства, я рассмотрел скачущую на встречу группу всадников.

Когда мы оказались уже внизу, узнал во главе отряда Норберта.

Он крикнул, не покидая седла, уверенным голосом военачальника:

— Сэр Ричард!.. Вы пунктуальны!

Я спросил с недоверием:

— Что, знали о моем прибытии?

— Конечно.

— Откуда?

Он ответил спокойно и сурово, не меняя выражения лица:

— Я достаточно вас знаю, сэр Ричард. И могу предсказывать некоторые ваши шаги. Мне это необходимо, чтобы лучше организовывать охрану.

Я сказал с горечью:

— А я надеялся быть таинственным и непредсказуемым!..

— Вы непредсказуемы, — заверил он, — в больших решениях. А в быту... Все мужчины в быту одинаковы, просто нам он неинтересен в отличие от женщин.

Мы отъехали в сторону, давая возможность остальным спуститься с причальной пирамиды без помех, Норберт сказал вполголоса:

— С Демоном Огня пока ничего. Прет, не считаясь ни с чем. Дремучий лес, каменистая россыпь, болото, холм... все утюжит и прожигает так, что за ним только спекшаяся корка земли!.. Мои пробовали долбить... там, где уже остыла, прочнейший гранит! Три топора затупили и выщербили, пока откалывали крохотный кусочек с краю.

— Направление? — потребовал я.

— Прежнее, — доложил он. — Как по линейке. Думали, хотя бы холм обойдет и двинется малость в другую сторону, а еще там попалась целая гора, но срыл ее и оставил за собой такую же каменную площадку, как и везде.

— Скорость?

Он покосился на прибывших, все собрались и выстроились в походную колонну, поглядывают в нашу сторону с ожиданием, но тревожить не решаются.

— Придется догонять, — сообщил он. — Ушел достаточно далеко. Дает три мили в час, это семьдесят две в день. Точнее, в сутки, он ж не останавливается на ночь поспать, скотина. Да и на обед не прерывается с работой... Так что всего-навсего два раза по семьдесят две мили!.. Сегодня не догоним, только завтра.

Я уточнил:

— И дорога все такая же... прямая?

Он вежливо наклонил голову.

— Да, ваше величество. Я послал троих в обратную сторону, пусть посмотрят, откуда вылез. Один вернулся с донесением, что все такая же прямая, как стрела...

— Только один?

— Ваше величество, — напомнил он вежливо, — не так много времени прошло. А если там без зигзагов, то и сообщать нечего... Изволите остановиться во дворце короля?

Я отмахнулся без раздумий.

— Не стоит. Королеву уже познал, а с принцессами как-то не хочется.

— Что так?

Я посмотрел с подозрением, в самом деле сочувствует или же иронизирует, ответил с неохотой:

— Я не настолько утончен и нежен, чтобы соответствовать девичьим мечтаниям о принце на белом коне...

Он посмотрел с сурою насмешкой.

— А можете?

— Я все могу, — буркнул я с неудовольствием, — да неохота. Вообще-то просто так срывать хрупкий

цветок как-то нехорошо. Я вообще против того, чтобы цветы рвать, а в лесу мусорить...

Он приподнялся в стременах и за неимением шляпы помахал рукой. Его командиры сигнал поняли, развернули как своих, так и тех, кто прибыл со мной, и все помчались в ту сторону, где рассчитывают догнать Демона Огня по оставленному им выжженному следу.

Сэр Норберт пояснил:

— Сегодня можем опробовать это плато конскими копытами. Здесь уже остыло. А вот завтра начнется жар.

Некоторое время арбогастр мчался с конем Норберта ноздря в ноздрю, потом я в нетерпении понял, что зря теряю время, вон и прыгающий впереди Бобик смотрит с недоумением.

— Сэр Норберт, — крикнул я, — встретимся на месте!

— Ваше величество?

— Догоню по-быстрому, — сообщил я, — ваши люди там расскажут последние новости.

— Ваше величество, — напомнил он сурово. — Там лишь Милфорд с малым отрядом легкой разведки!

— Знаю, — ответил я, — но мы драться не будем. Бобик, вперед!

Ветер засвистел в ушах, но, прежде чем он превратился в рев, я пригнулся, черная грива укрыла мою голову и плечи, как защитный колпак прячет от встречного урагана летчика-истребителя.

Арбогастр наращивал скорость, я хоть и прижался щекой к горячей конской шее, но поглядывал то в одну сторону, то в другую.

Деревья резко отступили в стороны справа и слева, все с черными стволами, почти лишенные веток, я запоздало ощутил, что Зайчик уже мчится по плите, оставленной за собой этим чудовищным Демоном Огня.

Ветер ревет и свистит над головой, на этой скорости это не что-то крайне разреженное, а плотная субстанция, арбогастр разогрелся, я подумал об оставленном далеко позади Норберте, крайне жалеет, что у него нет такого коня, у начальника разведки вообще-то все должно быть самое быстрое и смертоносное.

Сам он и живет своей увлекательнейшей работой, это же как здорово все знать и всех опережать, а вот мне отвел роль бабника, хоть и в шутку, дескать, принцессы ждут, рви цветы удовольствия...

Я не Дон Жуан, дорогой герцог Дарабос, и не Казанова, хотя те из-за своих комплексов не столько преуспевали, сколько распространяли о себе слухи. Знаменитый Казанова хвастался в мемуарах, что за свою долгую жизнь успел совокупиться со ста двадцатью двумя женщинами, хотя это полная брехня, биографы тут же уличили, что он в их число занес даже своих дочерей, забыв по старости, что одной тогда было два годика, а вторая еще не родилась, но пусть даже сто двадцать две, в моем поколении через эту цифру переваливали еще в старших классах школы, а так среднестатистический самец, совсем не бабник, успевал к среднему возрасту перейти рубеж в полтысячи.

И конечно, никто не считал такие пустяки, как китус, чем-то важным, чтобы записывать имена и даты в блокнотик, как было во времена Дон Жуана и Казановы...

Рев ветра над головой стал стихать, я ощутил, что арбогастр замедляет бег, сам со стыдом и раскаянием подумал, что у меня очень трусливый и недисциплинированный мозг. Когда нужно решать сложную проблему, он находит лазейку, как вроде бы тоже размышлять о чем-то полегче, а что может быть легче и приятнее, чем женщины...

Впереди не просто зарево и горящий лес, а озеро расплавленной земли, оранжевой в центре и багровой по краям, где уже покрывается коричневой коркой, только в разломах проглядывают страшные оранжевые внутренности.

Из огня и дыма вынырнул всадник на храпящем коне.

— Сюда нельзя!.. Ох, простите, ваше величество!.. Но вам тоже нельзя!

— Мне можно везде, — ответил я, — но ты прав, не нужно. Докладывай, что и как здесь? Все целы?

Он подъехал ближе, запыхавшийся и с черным от копоти лицом, по которому пролегли светлые дорожки от струек пота. Одежда тоже в копоти, на плече вообще прогорела, там рыжие пятна, конь в мыле, и смотрит дикими глазами.

— Целы все, — отрапортовал он. — Демон Огня движется с прежней скоростью и в том же направлении, так что ничего неожиданного, ваше величество!..

— Что-то еще разрушил?

Он крикнул бодро:

— Ничего абсолютно!.. Ни одного села поблизости!.. Дикий край!

Я кивнул, это только горожанам, что знают лишь свою улицу и пару соседних, кажется, что мир заселен. На самом деле везде дик и пустынен. Можно вот

так по прямой пересечь всю планету хоть по параллелям, хоть по меридианам и не наткнуться на следы человека.

— Продолжаем наблюдение, — велел я. — Знать врага — уже половина победы!

— Все сделаем, ваше величество, — заверил он лихо.

Норберт и остальные прибыли только к вечеру, кони от усталости хрипели, пошатывались. Их поскорее расседлали, обтерли тряпками и пустили пастись в ту часть леса, которой не коснулся пожар.

— Ничего не изменилось, — успокоил я. — Демон, к счастью, предсказуем. Скорость все та же, направление прежнее.

Он сказал с облегчением:

— Хорошо, что вы туда не полезли. Взрослеете, сэр Ричард! Наверное, потому, что уже ваше величество?

— Я еще на Севере им был, — буркнул я. — С вами не только повзрослеешь, но и постареть недолго. Здесь уже сперва думаю, что делаю, а потом только ногу спускаю с кровати.

— Взрослеете, — сказал он. — Потому и сэра Альбрехта с собой не взяли?.. И вообще без свиты?

Голос его звучит ровно и строго, но на этот раз я уловил и нотку то ли тревоги, то ли желания понять, что же со мной происходит такого, чего он не замечал на Севере.

— Сэр Альбрехт объезжает неспокойные участки королевства, — ответил я, — остальные лорды посещают с проверками соседние, потому что багеры багерами, но связи с метрополией оборвать преступно легко, а мне, как всякому самодержцу и деспоту, это

как серпом... Да я ненадолго, все лишь с инспекцией. И чтобы подтвердить или опровергнуть...

— Что, ваше величество?

— Некоторые идеи, — ответил я туманно.

На погоню на этот раз пришлось убить весь остаток дня, лишь поздно вечером увидели вдали зарево, однако небо потемнело, кони начали замедлять бег, натыкаясь на деревья, пришлось остановиться на ночлег.

На рассвете сделали рывок, и через три часа скачки небо в той стороне стало алым, красным, а затем пугающе-багровым. Еще через четверть часа пришлось ломиться сквозь дым и накаленный воздух, проскакивать мимо горящих кустов и деревьев, что роняют горящие ветки, а иногда и рушатся сами.

Страшное зарево поднимается из недр земли, так выглядит издали, разрослось, стало видно огненное озеро, а в нем раскаленную глыбу, что ползет медленно, если учитывать ее размеры, но неумолимо и неостановимо.

Демон Огня как раз выдвинулся из леса и пошел через каменистое взгорье, гореть вроде бы нечему, но полыхает и плавится сама земля. Тяжелые красные волны прокатываются по озеру расплавленного камня, и кажется, что поглощают берег впереди, одновременно оставляя ровное раскаленное плато позади.

— Ваше величество?

Я очнулся от гипнотизирующего зрелища, за моей спиной уже собирались разведчики, ждут, шушукаются едва слышно, это чтобы не повредить крыльшки моим деликатным мыслям.

— Дальнейший путь этого чудовища, — наконец произнес я, — проследить достаточно легко. И даже просто.

Норберт чуть поклонился.

— Да, теперь в этом почти уверены. Я послал людей на смену тем, кто скачет впереди, пусть предупреждают, как и начали...

— А пока, — сказал я, — положите на карту линейку, чтобы совпадала с уже пройденной дорогой Демона Огня, и проведите вперед прямую черту!.. То есть предполагаемый путь.

— Будет сделано, ваше величество.

Я добавил:

— И проставьте интервалы через каждые семьдесят две мили. Так просчитаете, когда он выйдет за пределы королевства. Навскидку скажу, что до границ следующего еще месяца два. И все лесом, болотами и через горы...

Милфорд заметил осторожно:

— Через горы идет, ваше величество, все-таки намного медленнее. Но идет, сволочь.

— Идет, — подтвердил еще один, тоже в обгорелой и в пятнах копоти одежде. — Едва ползет, но земля горит на сотню ярдов в обе стороны! Горит и плавится. А он плывет, как лебедь по огненной реке. Страшное зрелище, ваше величество!

Я уточнил:

— Делает туннели?

Милфорд покачал головой.

— Если впереди высокая гора, все равно проплавляет сверху донизу!.. Боюсь даже и представить, как он это делал... Наверное, вокруг целое озеро расплавленного камня, а он плывет, как огненный дракон, прожигает впереди даже крепчайший гранит, как сухое сено...

— Нет таких, кто бы видел?

Он покачал головой.

— Не успели, но, если изволите, можно увидеть через две недели. Впереди небольшая горная цепь, всего пять-шесть гор. Заденет крайнюю, а то даже соседнюю...

Кто-то пробормотал:

— А не проще обойти?

— А если он дурак, — предположил Милфорд, — как наш сэр... ладно, без имен в приличном обществе. Ставлю сто монет, что упрется в гору и начнет сносить, будто... да-да, без имен, словно баран какой!

— Позади гор нет?

Норберт внимательно слушал своих командиров, наконец обронил:

— Если мысленно продлить его путь и в обратную сторону, то да, есть. Небольшие, но все-таки горы, не холмы. Милфорд с отрядом не нашли следов, чтобы он оттуда вылез. Дорога все такая же, шириной в милю, а тянется уже сотни миль неизвестно откуда.

Милфорд сказал осторожно:

— Возможно, он уже прошел больше, чем пройдет.

— Возможно, — согласился я. — Мне придется вернуться во дворец, там намечаю реорганизацию, а вы, сэр Норберт, разделите отряд на две части. Одну пошлите вперед по предполагаемому пути Демона Огня, чтобы мы заранее знали, с чем он столкнется, а вторая пусть выяснит, откуда же это чудовище выползло.

Норберт ответил коротко:

— Сделаем.

— Возможно, — пояснил я, — ключ к разгадке лежит в его норе. Увидим его логово... поймем, как с ним сладить. Возможно, поймем.

— Сделаем, — повторил Норберт.

— Важно знать и то, — сказал я, — где он будет продвигаться. Зная направление, можно подстроить то ли ловушку, если придумаем какую, то ли еще что. Или поймем его окончательную цель, когда линию проведем до самого океана. Кстати, где Тамплиер?..

Норберт ответил суховато:

— Ваше величество, мне он не подчинен. Смею предположить, что и вам не очень-то...

— Он слуга Господа, — ответил я, — что ему какой-то император. Ладно, пусть барахтается, как подсказывает ему вера в Создателя. А мы заночуем, потому что багер будет только утром, и сразу же вернемся в Волсингсбор.

Норберт сказал сухим ровным голосом:

— Какие-то распоряжения еще?

— Продолжать, — сказал я, — собирать все об этом феномене. Если удастся, наблюдение вести даже с багеров, кроме того, усилить легкие отряды, что скачут впереди этого Демона Огня...

Сэр Норберт кивнул.

— Уже сделано.

— ...повторяю, — закончил я, — пусть пройдут по всей длине его пути, который он прожег так заметно. Постарайтесь дойти до места, откуда вылез, повторяю, это очень-очень важно!.. Это как найти скорлупу, из которого вылез птенец. По скорлупе сразу ясно, кто вылез и какие у него повадки.

Норберт повернулся к внимательно слушающему Милфорду.

— Возьми две сотни всадников, вооружи. Мало ли кого встретите на пути. Пройди по всей дороге в обратную сторону до самого конца!

Милфорд ответил лихо:

— Спасибо за доверие!.. Уверен, это будет легко, дорога просто чудо для наших коней.

— Коней взять только неподкованных, — напомнил я. — Это не по рыхлой земле. О камень сразу копыта разобьете. Вас не жалко, это я о конях забочусь, они же вам доверяют, дурням безжалостным.

— Я жалостлив, — возразил Милфорд. — Вон у сэра Уильяма какой конь, какой конь!.. Я всегда надеялся, что сэра Уильяма убьют, а я его коня возьму и каждый день буду ему морковку приносить...

Один из всадников нахмурился и демонстративно отбросил край плаща, открывая рукоять меча в дорогих ножнах с золотыми накладками. Его сосед пихнул его в бок, что-то шепнул, и всадник с дорогим мечом остановил ладонь на полдороге к рукояти.

Часть вторая

Глава 1

Воткрытую дверь кабинета заглянул Хурт, молча посмотрел по сторонам, вдруг кто прошел мимо него незамеченным:

— Ваше величество, — сказал он очень тихо, — к вам один из людей Норберта...

— Впустить, — велел я.

Он отступил в сторону, в кабинет быстрыми шагами вошел невысокий жилистый и в то же время сухощавый парень. Типичный полевой разведчик, что может сутками мчаться на легком степном коне, сам не выказывая усталости и коня не изнуряя лишним весом.

Я ждал, он сорвал с головы шляпу и, отвесив короткий поклон, замер в ожидании.

— Докладывай.

Он приблизился к столу вплотную, строгий и серьезный от важности момента, когда сообщаешь что-то неизвестное самому императору.

— Ваше величество, — голос его прозвучал еще тише, чем у Хурта, хотя нас разделяет только стол, — ничего серьезного, но вы вели сообщать обо всем, что касается герцогства Клауренского.

Я ощутил, как мышцы сами по себе напряглись, будто для прыжка, даже вытянутые ноги непроизвольно подобрал.

— Что там?

— Все по-прежнему, — ответил он, — но герцогиня Улиссиндрия только что прибыла на багере в Волсингсбор. По приказу сэра Норберта я смешился с толпой пассажиров и проследил за нею. По прибытии сразу направилась в харчевню «Королева Гуселапы»...

— Так-так, — сказал я, — дальше!

Он еще чуть понизил голос:

— И сняла комнату на верхнем этаже.

Я ощутил предостерегающий холодок. Разведчик стоит прямой и бесстрастный, явно подражает их кумиру Норберту, не сводит с меня взгляда, свое отношение не выражает ни мимикой, ни жестом.

— Под своим именем? — уточнил я.

Он кивнул.

— Да, ваше величество.

— Ладно, — сказал я, — дальше я сам. Благодарю за службу!

Он откланялся и удалился, а я поднялся и прошелся несколько раз по кабинету, пока в задумчивости не наткнулся на стену.

Конечно, она под своим именем, ее никто не знает и не обратит внимания, герцогиня в столице великое множество, к тому же в гостинице вовсе не требуется называть титул и по какому делу, достаточно имени и платы вперед.

Но все-таки чувствую себя как охотничий пес, что уловил в воздухе аромат пробежавшего невдалеке оленя.

Хруерт сказал от двери:

— Ваше императорское величество, к вам герцог Гуммельсберг...

Альбрехт вошел быстрыми и четкими шагами, надменный и выпрямленный, даже чуть откинувшись назад, это чтобы смотреть свысока и на тех, кто выше ростом.

— Сэр Альбрехт! — сказал я с энтузиазмом. — Вы, как всегда, кстати...

Он посмотрел с подозрением.

— Что-то голос у васально злорадный, ваше величество.

Я с энтузиазмом потер ладони одна о другую.

— Потому что все хорошо. Вы не знали, что самый жизнерадостный смех — смех злорадный?.. Такова натура человеческая, тут уж ничего не сделаешь, как Церковь ни старается. Вон у вас какая шляпа, этим все сказано!

Он с некоторой угрюмостью поклонился.

— Слушаю вас, ваше величество.

— Ничего особенного, — сказал я, — просто проследите, чтобы за мною не увязался хвост в тысячу персон. Я всего лишь туда и обратно.

— До харчевни «Королева Гуселапы»?

Я вскинулся.

— А вы откуда знаете?

Он сообщил невозмутимо:

— Сэр Норберт установил слежку за двором герцога по моему приказу, сэр Ричард. И особо присматривает за герцогиней. Сами понимаете почему. После того как вы ее одобрили в постели, она стала играть значительную роль...

Я поморщился.

— Да бросьте! Вы же знаете...

— Знаю, — ответил он коротко, — но другие думают, что на вас все же можно влиять через женщин. Или хотя бы вызнавать ваши планы еще в момент их зарождения. А такое в самом деле возможно, хотя это будет скорее всего, если позволено так сказать о победоносном императоре, полная брехня с вашей стороны. Вы даже нас дезинформируете, обычно сами того не желая, даже когда не особенно и врете, слишком ваши планы причудливы, в них поверить трудно...

Я сказал кисло:

— Надо эту перестраховку прекратить. Хотя ладно, пусть. За королями и то за каждым шагом следят, а что они перед императорами? Как плотники перед столяром. В общем, мы так и не разобрались, что в том герцогстве такого, из-за чего заговорщики решили именно его избрать своей базой.

Он проговорил чересчур спокойным голосом:

— Полагаете, вы не всех...

— Именно там всех, — ответил я. — Те болота отныне свободны, гуляй — не хочу! Никакого Зачарованного Места. Было и не стало. Однако те, кто в герцогстве поклялся работать на меня, могут попытаться продолжить свою работу уже сами.

— Могут, — согласился он. — А вы сейчас...

— Попробую узнать, — ответил я коротко, — на какой там стадии.

— Хорошо, — ответил он. — Я скажу Юстеру.

Конюхов тревожить не стали, арбогастра привел под уздцы разведчик, Зайчик принял такое обращение невозмутимо и философски. Если человеку нравится вести его вот таким образом, ладно, пусть, хотя он по моему свисту мог бы примчаться куда быстрее.

— Знаю, — сказал я и чмокнул его в лоб, — но ты можешь, чтобы сократить дорогу, промчаться и через стену! А потом что?.. Сделать из той дыры еще одни ворота, куда приставить охрану, а это нецелевое расходование казенных средств!

Бобик ликующе запрыгал вокруг, едва не доставая люстру, чует прогулку за пределы дворца, подбежал и требовательно ткнулся массивной головой мне в грудь. Пришлось погладить, после чего грохнулся на спину и в восторге помахал в воздухе лапами, способными перебить хребет быку.

На дворе, как говорится, глухая ночь, только совы проносятся над головой да летучие мыши, хотя все это не в пределах дворца, там всегда освещено так, что любая сова ослепнет, но дальше настоящая темень, и я в темном плаще и на черном, как самая черная ночь арбогастре, пронесся по улицам города, словно огромный нетопырь, пугая редких гуляк.

Над дверью харчевни, она же гостиница, горит небольшой фонарь со слабой свечой за стенками из промасленной бумаги, я дернул — закрыто, требовательно постучал ногой.

На грохот послышались шаги на той стороне, дверь распахнулась, на меня недобро уставился могучий детина с недельной щетиной на морде.

— Чего надо?

— Шоколада, — ответил я и, отпихнув его, вошел в просторную прихожую. — Не видишь, благородный человек высокого происхождения войти изволит?.. А там видно будет, чего изволю, пока сам не знаю. Держи, вот тебе монета от щедрот, и скажи, в какой

комнате поселилась приехавшая сегодня женщина... высокая такая, богатая, знатная?

Он сперва внимательно осмотрел серебряную monetу, проворчал уже потеплевшим голосом:

— В четвертой от лестницы... Проводить?

— Сам отыщу, — ответил я. — Иди спи.

Он послушно повернулся и ушел; у благородных своих игры, может быть, та женщина и приехала только для того, чтобы тайком от мужа встретиться со мной, не его дело.

Я быстро поднялся по скрипящей лестнице на второй этаж, там всего четыре двери, а герцогиня, как сказал ночной портье, в четвертой, последней, что и понятно, там тише и спокойнее.

Прислушиваясь, я тихоонько шел по коридору; за первыми тремя дверями то ли спят, то ли там пусто, а у четвертой ноздри уловили просачивающиеся под дверью ароматы дорогих духов, мазей и женских притианий.

Я тихоонько стукнул, сказал негромко:

— Улисса... принимайте гостя.

После настороженной паузы в комнате послышались торопливые шаги, звякнул отодвигаемый засов.

Дверь приоткрылась, я увидел испуганное лицо герцогини, но как-то слишком выразительно испуганное.

— Ох, — воскликнула она, — ваше величество?

Торопливо распахнув двери, она поспешило отступила и присела в поклоне, опустив голову.

Мне почудилось, что не желает, чтобы я увидел выражение на ее лице, а я нарочито помедлил, делая вид, что рассматриваю ее грудь, которую совсем недавно с превеликим удовольствием мял в ладонях,

наслаждаясь нехорошим чувством, что это чужая жена — так все слаще стократ, ибо нехорошо и запретно.

— Встаньте, герцогиня, — произнес я неспешно. — Что привело вас в Волсингсбор?

Она поднялась, прямая и уже собранная, прямо взглянула мне в глаза.

— Ваше величество, — произнесла она тихо, но я ощущил заранее заготовленные слова, — герцогство так долго было оторвано от остального мира империи!.. Спешим наверстать.

— Сядьте, — разрешил я и, придвинув небрежно ногой стул с высокой спинкой, сел. — Решили погулять по столице?

Одета в самом деле так, что в этом платье можно как в постель, так и на прогулку по ночному городу: женщины умеют совмещать и такие немыслимые для нас вещи, для них все мыслимо. Даже прическа, высокая и замысловатая, держится на двух-трех длинных шпильках, стоит их выдернуть, длинные волосы освобожденно и бесстыдно рухнут на плечи и грудь.

— Ваше величество, — прошелестела она мягким женственным голосом, — разве это не естественное желание для провинциалки?

— Да, — согласился я, — здесь постоянный праздник! Балы, карнавалы, танцы, на всех перекрестках бродячие актеры с их нехитрыми представлениями... Да садитесь же, я разрешил!

Она послушно опустилась в кресло, но тут же вскочила:

— Простите, ваше величество, но в вашем присутствии...

Я отмахнулся.

— Да перестаньте, герцогиня. Мы же почти свои. По крайней мере наедине. Вообще подумываю издать имперский декрет революционного свойства, что вставать при появлении императора нужно только мужчинам... Хотя, конечно, можно усмотреть и в этом ущемление женских прав...

Герцогиня наконец опустилась в кресло, вся готовая и внимательная, с прямой спиной и всем видом выказывающая предельное почтение к императору-революционеру.

— Ваше величество, — произнесла она несколько колеблющимся голосом, — вообще-то хочу присмотреть домик.

— Для аренды? — спросил я с интересом.

— Для покупки, — уточнила она. — Для приобретения. В собственность.

— Ого, — ответил я, — это дорогое удовольствие. Недвижимость в столице ценится высоко. На мой взгляд, простого императора, сильно переоценена. Все-таки столько же камня и такой же труд, как и в провинции, но цена любого здания здесь почему-то в несколько раз выше...

Она сообщила со скромностью хоть и провинциальных вельмож, но достаточно зажиточных:

— Мы можем себе позволить, ваше величество. Не дворец, конечно, но приличный дом.

— Рад за вас...

— Ваше величество, — сказала она живо, — герцогство в самом деле может приобрести в собственность хороший дом в столице. Это же первая покупка за не знаю даже сколько сотен лет изоляции!

Я смотрел на нее внимательно — не покидает ощущение, что чего-то недоговаривает. Если и завербо-

вана, то недавно, еще не успела войти в роль, хотя женщины к этому приспособлены самой эволюцией, иначе бы не выжили. И вообще, из них выживали только те, кто еще в тьме пещер умел приспособливаться, уживаться и прикидываться милым безобидным зайчиком.

— Где хотите купить?

— Лучше поближе к центру, — ответила она пристодушино и, перехватив мой взгляд, снова пояснила с наивностью провинциалки: — Мы так давно были оторваны от империи!.. А блеск этого города ослепляет... Не могу даже представить, как там во дворце...

— У всех есть шанс, — ответил я туманно, — но, может быть, проще снять хороший уютный дом?

Она кивнула.

— Да, это было бы проще, ваше величество. Однако для престижа герцогства в самом деле лучше дом в собственности.

— Да, — согласился я. — Дом — это дом, как Восток есть Восток. В аренде могут и отказать, если вожжа под хвост попадет, а дом уже не отнимут. Даже император... если на то не будет причин.

Похоже, намек все-таки уловила, хотя в лице ничего не дрогнуло, а взгляд не изменился, все тот же беспомощно робкий, как и должен быть у провинциалки, впервые попавшей в столицу.

— Ваше величество, — произнесла она почтительнейшим голосом молоденькой девочки, что робеет перед грозным учителем, — мы в герцогстве на представительство не претендуем, в столице даже королевства не все представлены!

— А претендуете на что?

Она сказала мечтательно:

— Хотелось бы... просто иметь хотя бы хижину, где люди из герцогства могли бы остановиться для ночевки... если та понадобится.

Для ночевок в Волсингсборо построено множество гостиниц, это дешевле, чем покупать отдельно стоящее здание, но промолчал, а она тоже молча наблюдала за мной покорными коровьими глазами, готовая выполнить любое мое повеление, что так льстит мужчинам.

С ее плеч скользнул платок, открывая их округлости, а когда порывисто вздохнула, грудь приподнялась, выдвинувшись из-за корсажа на полдюйма и приоткрыв розовые, как у юной девушки, края.

Мой взгляд тут же заинтересованно скользнул туда, и хотя уму понятно, что те штуки выше не выпрыгнут, но инстинкт дурак, ждет, к тому же я человек вежливый, задержал взгляд для того, чтобы молча комплиментнуть.

Герцогиня таинственно улыбнулась, голос ее прозвучал тихо и покорно:

— Ваше величество, мне нравилось, когда вы обращались со мной по-мужски грубо...

Я помедлил на мгновение, наши взгляды встретились, я ответил с легким вздохом:

— Вообще-то, герцогиня, мне эта гребаная светскость тоже осточертела... Будем ближе к народу?

Что хорошо в демократии, она честна и потому далека от культуры. Петух топчет куриц в тоталитарном режиме, жеребец самодержавно опекает целый табун кобылиц, даже воркующий голубь мира старается умиротворить как можно больше голубих, не считаясь с демократическими запросами других голубей, и только лебедь близок к демократии с ее моногамно-

стью, но я не лебедь, мне извращения чужды, я часть народа с ее чаяниями, стремлениями и запросами, потому откопулировался всласть и слез с герцогини довольный, с сильно стучащим сердцем, осознавая, что императором быть очень даже неплохо.

Герцогиня раскинулась в постели, жаркая, измятая и с горячим дыханием. Распущенные волосы красиво разметались по подушке, глаза таинственно блестят в тусклом свете свечи.

— Ой, ваше величество...

— Весьма, — ответил я со вкусом, — весьма!

На этот раз она старалась даже больше, чем в тот раз, когда я останавливался в ее доме. Хотя в тот раз просто отбывала повинность, а сейчас ее словно подменили.

В другое время не заметил бы и я, все мужчины в таких делах подслеповаты, оцениваем только свое великолепие, но я с появлением Демона Огня вздрючен, начинаю везде подозревать наличие некоего обширного заговора.

И это ее признание насчет предпочтения, чтобы с ней обращались грубо... Такие есть, знаю, как среди мужчин, так и женщин, но их процент исчезающе мал, к тому же герцогиня производит впечатление здоровой как в телесном плане, так и в психике, словно всю жизнь прожила на природе, а всякие патологии зарождаются как раз в столицах, в глубинах дворцов, вдали от солнца, зелени и здорового корма.

— Это было прекрасно, — сказал я искренним голосом, — вы просто восхитительны, герцогиня.

Она слабо улыбнулась, вид у нее такой, словно в самом деле безумно счастлива.

— Ах, ваше величество!.. Вы подарили мне лучшие минуты жизни!

Я поднялся с постели, стараясь выглядеть довольноым собой — все любят, когда хвалят и восторгаются, — пусть даже и понимаю, что ее похвалы несколько преувеличены, все-таки в конитусе ничего особенного, это сразу понимаешь, как только он заканчивается.

— Отдыхайте, герцогиня, — сказал я. — Вы про-делали длинный путь на багере. А дом подберете по своему вкусу, я уверен.

— Надеюсь, — ответила она. — Хотя трушу... Я никогда не покидала не то что герцогства, но даже от дворца не отъезжала.

Не поднимаясь, наблюдала, как я быстро натянул брюки и обулся, а когда потянулся за рубашкой на спинке кресла, поинтересовалась:

— Вы даже одеваетесь сами, ваше величество?

— Я воин, — напомнил я, — у нас нет слуг.

— Но вы император!

Я кивнул, посмотрел на нее, стараясь выглядеть напыщенным и самодовольным.

— Воин-император. Сейчас, правда, император-воин, так точнее. И, надеюсь, никогда не буду в зависимости ни от слуг, ни даже от подданных!

В ее лице нечто неуловимо изменилось: все-таки умная женщина, умеет говорить, но умеет и слушать. А я, как бы ни прикидывался, все же в чем-то да проговариваюсь. Много болтаю, а умный враг даже в словесном мусоре отыскивает полезную информацию.

— Ваше величество, — произнесла она нерешительным тоном, — вы еще когда-нибудь появитесь...

Я ответил, как она и задумывала, и сказал именно те слова, к которым подталкивала:

— Герцогиня!.. Двери во дворец для вас открыты!.. Займитесь пока приобретением дома на свой вкус, а затем роскошный мир дворцовой жизни поглотит вас с головой.

Она оставалась в постели, мягкая и раскрасневшаяся, понимая, что в таком виде смотрится выигрышнее, чем когда поднимется и начнет одеваться.

Женщины одеваются менее эротично, чем раздеваются, а я перекинул через плечо перевязь с мечом, поклонился и вышел в коридор, плотно прикрыв дверь.

На лестнице встретил бегущих навстречу парней Норберта. Один вскрикнул сердитым шепотом:

— Ваше величество!

— Все в порядке, — заверил я. — Благодарю за службу. Возвращаемся.

— Герцог Дарабос нас разорвет!

— У вас не такие быстрые кони, — напомнил я. — Так и скажете.

Быстро спустились вниз, из кухни выскочил очень довольный Бобик, на бегу облизнулся.

— Казну разориши, — упрекнул я. — Нельзя столько жрать, хоть и можно!

Он весело подпрыгнул, показывая, что ничуть не отяжелел, а если и отяжелел, то на нем не сказывается, тупую коняку обгонит на раз.

Глава 2

Норберт по моему приказу установил за клауренской герцогиней скрытое наблюдение, лишь однажды сообщил коротко, что она подыскивает дом, но, судя

по запросам, желает приобрести целый дворец, хотя упорно именует его домом или просто зданием.

— Не хочет привлекать внимания, — ответил я. — Не спускайте с нее глаз, дорогой друг.

— И участок, — добавил он. — Еще вокруг дома должен быть большой участок! А в столице с этим не-густо.

— Тоже объяснимо, — сказал я.

Он кивнул.

— Да. Ожидаемо. Я наметил два наиболее подходя-щих, хотя и очень дорогих.

— Раскошелится, — сказал я уверенно. — Похоже, ставки высоки. Места для своих приготовили?

— Снял комнаты, — сообщил он, — с видом на эти здания. Оба через улицу справа и слева. Когда герцо-гиня заселится, начнет интересоваться и теми, кто за-хочет поселиться вблизи, но мои люди там уже будут жить, так что вне подозрений.

Альбрехт в течение трех дней докладывал о без-успешных раскопках в императорской библиотеке, как в публичной части, доступной для членов Импе-раторского Совета, так и в личной, куда доступ был только у императора и его родни.

— Похоже, — сказал он, — этот Демон Огня — что-то в самом деле необычное.

— Здесь все необычное, — напомнил я. — Как и ваша шляпа.

— Единичное, — уточнил он. — История империи насчитывает пять тысяч лет, сложностей было мно-го, но больше за счет мятежей, переворотов и смены власти...

— Для летописцев это заметнее, — согласился я, — живут при дворце. Хотя, думаю, такое явление, как

появление Демона Огня, каким бы прозвищем его ни наделили, было бы все равно отмечено.

— И главное, — сказал он, — было бы сказано, как его победили.

— Или само убилось.

Он вскинул брови, впервые выразив какую-то эмоцию.

— Что, возможно и такое?

— Конечно, — заверил я.

— Что, муки совести?

— Выполнение задания, — уточнил я. — Или чтобы не попасть в руки врага.

Он сказал с неудовольствием:

— Вы еще про неразделенную любовь скажите!..
Нет уж, придется все самим, подсказок не вижу.
Ваше величество?

Он смотрел с ожиданием, учтиво склонив голову чуть набок, огромная шляпа со множеством цветных перьев в правой руке прижата к сердцу, настоящий придворный, приближенный к императору.

Я ощутил как неудовольствие в его адрес, предатель наших обычаяев, так и слабую благодарность за то, что служит переходным мостиком между двумя культурами, каждая ценна по-своему.

— Ждем, — ответил я коротко, — Чекард только что прислал сообщение, что Демон Огня сейчас прет по каменистой местности. Скорость слегка повысилась, это не болота замащивать камнем, но прибавил не так уж и много.

— Направление все то же?

— Не меняет, — ответил я. — Даже особенности рельефа не сбивают с точного курса. Ориентируется

то ли по звездам, он может их видеть и днем, как некоторые муравьи, или по магнитному полю...

Он посмотрел внимательно.

— Магнитному...

Я отмахнулся.

— Да это такое... в общем, птицы по нему улетают за тысячу миль на зимовку, а через полгода возвращаются точно в свои гнезда.

Он кивнул, вполне удовлетворенный.

— Понятно. Вы тоже по этому... магнитному?

— Идите в задницу, — сказал я с сердцем, — любите из меня монстра делать! Я верный слуга Господа!

— Правда? — спросил он с сомнением. — А раньше говорили насчет слуги Церкви...

— Брехать нехорошо, — укорил я. — А еще прынц!.. Прынцам не к лицу брехать, как поповым собакам. Никогда я такого не говорил. Церквей много, еретиков еще больше, а Всевышний один!..

Он сказал фальшивым голосом:

— Ваше величество! Конечно-конечно! Всевышний один, а вы тоже один у нас император.

— На материке еще семеро, — напомнил я.

Он ответил с пренебрежением:

— Вы с ними рядом как волк и семеро козлят.

— Герцог, — прервал я, — продолжайте копать!.. Объявите награду тому, кто найдет хоть что-то насчет Демона Огня или о чем-то похожем. Помните, это мы его так назвали, а в старых летописях он может быть...

Он откланялся с преувеличенной учтивостью, даже танцевал, зная, что это меня раздражает, и ушел, звонко цокая подкованными туфлями, словно сапогами со шпорами.

Вечером нужно выйти на прогулку по саду: так принято, высший свет должен видеть, что император здоров и дееспособен. Здесь не дай бог подхватить даже насморк, сразу же начнется схватка претендентов на трон, пусть уж лучше грызутся за место поближе к трону и моему величеству...

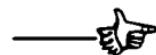
Альбрехт, Норберт и даже граф Келляве еще не вернулись из поездки по окрестностям, заданий всем дал выше крыши, потому на прогулку отправился один. Сопровождающие меня гвардейцы пошли следом, отсекая толпу придворных, которые после прогулки будут полночи обсуждать, кто как и где шел, в какой шляпе и как старался попасть на глаза императору.

Впереди по аллее взметнулись струи фонтанов, слуги из-за кустов наблюдают за моим приближением, подают сигналы, а рабочие открывают что-то типа шлюзов, потому что на фонтаны и так уходит почти половина полноводной реки, потому все фонтаны включают только при моем появлении или в случае особых праздников.

Ветерок донес бодрящий холодок водяной пыли, впереди ряд фонтанов высоко взметнул мощные струи. Далеко за спиной послышалось испуганно-игривое женское взвизгивание.

Сквозь умело рассчитанные разрывы между деревьями и декоративными кустами я заметил на параллельной аллее трех прогуливающихся женщин, в одной узнал Мишеллу Моррисон и, немало не задумываясь, свернул и проломился между кустами на ту сторону.

Женщины охнули, но, узнав императора, испуганно присели, а затем, все поняв — женщины вообще то понятливые существа, хотя это скорее инстинкт,

чем понимание, — подруги Мишеллы поспешили удалились.

Я властно взял ее в объятия, она сложила руки на груди, словно старалась уменьшить размах плеч — у женщин должны быть узенькие, чтобы подчеркнуть силу и мощь мужского сложения.

— Ох, ваше величество...

Я поцеловал ее в шею, она томно закинула голову, словно стесняясь и одновременно давая больше простора моим горячим губам, засмеялась тихо и застенчиво.

Ее мелодичный голос прозвучал для моих ушей как нежная музыка:

— Щекотно... Ваши губы просто обжигают...

— Да я и весь, — сказал я, — как бы весьма... в смысле, горюю в вашем присутствии, Мишелла.

Она покосилась по сторонам.

— Ваше величество, нас могут увидеть...

— Я уже не император?

— Но протокол, — шепнула она мне на ухо, обжигая горячим дыханием всю раковину, — даже императоры ему подчинены, потому что сами его составляли...

— Вот пусть они и подчиняются, — ответил я. — А я как бы особый император! Выдающийся. Никаких протоколов не составлял и даже не подписывал.

Она шепнула:

— Да, вы особый император...

— Не знаю, правда, — согласился я, — в какую сторону, но вам, женщинам, виднее, правда?

Я прижал ее к груди, чувствуя это нежное горячее тело, зовущий аромат ее кожи, но она уперлась в мою грудь руками.

— Ваше величество... Такое проявление чувств на публике вам повредит, поверьте. Никто не должен видеть, что вы вот так... выказываете предпочтение...

Я спросил сердито:

— А что, среди моих официальных любовниц должно быть демократическое равноправие?

— Но не такое явное предпочтение, — пояснила она.

Я посмотрел по сторонам — свита не решилась ломиться за мною, топча цветы и газон, а пока обойдут, хоть и бегом, мы все еще наедине или почти наедине.

— Мишелла, — сказал я с неловкостью, — мы на Севере привыкли к другим отношениям. У нас там, уж простите, даже короли женятся только на одной! И никаких, представьте себе, официальных любовниц!..

— Ой, — сказала она с лукавой усмешкой, — что-то не верится...

— Точно, — заверил я. — Конечно, где-то что-то бывает на стороне, но редко и не у всех. И всегда осуждаемо обществом. А здесь это возведено в закон, с ума сойти!.. Четыре любовницы, бр-р-р-р...

Она сказала мягко:

— Но все же где-то в глубине души рады, ваше величество?..

— Ничуть, — ответил я честно. — Мишелла, если мужчина захочет сблудить, он возможность найдет. Но все это тайно, а когда тайно, то как бы и не было.

Она сказала понимающе:

— К тому же тайное интереснее?

— Стократно, — подтвердил я. — А здесь и эту романтику превратили в обязанность. Как тут живут в зарегламентированном мире?

Она взглянула с сочувствием в ее удивительных глазах жемчужного цвета.

— С регламентом лучше не спорить.

— Мишелла, — ответил я с нежностью, — а можно, буду спать с разными женщинами, раз так предписано протоколом, а любить только вас одну?

Она мягко улыбнулась — мне почудилось, что от ее чистого лица пошел незримый свет, проникший в мое сердце и наполнивший его светлой радостью.

— А у вас получится?

— Уверен, — сказал я пылко. — Вот уверен, и все!

Звездочки в ее глазах разгорались все ярче.

— Ваше величество, тогда вам нужно будет... вычеркнуть меня из официальных любовниц.

— Что-о?

— И перевести, — договорила она, — в тайные. О которой никто не знает. Никакого протокола, никаких обязательств...

Я умолк, рассматривая ее во все глаза. Если Семантелла да и мои лорды намекают, а то и говорят прямо, что доверять Мишелле нельзя, то сейчас она, похоже, опровергает все их доводы и подозрения.

Быть одной из четырех официальных любовниц — высокая привилегия, за нее готовы сражаться и умереть многие женщины из высшего света, но Мишелла готова без колебаний, это сейчас вижу и верю ей, отказаться от этой значимой роли только ради призрачной надежды, что не потеряю к ней интерес... слишком скоро.

— Ни за что, — ответил я твердо. — Хотя и заманчиво. Это ж надо, всемогущий император, который даже чужих жен имеет законное право, вписанное

в Конституцию, тащить в постель, будет встречаться тайком!..

Она сказала с пониманием:

— Вот-вот, вы прежде всего император! Что правильно, ваше величество. Женщины — удел тех, кто не способен ни на что великое.

— Мишелла...

Она сказала торопливо:

— Сюда идет целая толпа!.. Ваше величество...

— Отпускаю, — ответил я с печалью.

Она высвободилась из моих рук, я видел, что и ей это дается нелегко, в кольце моих рук и на моей груди чувствовала себя уютно и защищенно, но правила и протоколы обязывают, и, отступив, присела в поклоне, а я кивнул и быстрыми шагами пошел по направлению к дворцу.

Внизу у ступеней уже ждет Альбрехт, который на правах военной администрации отдает распоряжения членам правительства, он развернулся в мою сторону, как только ему указали, откуда я приближаюсь, сорвал с головы шляпу и напоказ всем роскошнейшим образом поклонился, ухитряясь быть учтивым, галантным и изысканным в каждом жесте.

— Ваше величество...

Я ощущил по сдержанному гомону, что за мной прет уже тысячная толпа, ответил так же показушно имперски:

— Принц, рад вас видеть!.. Пойдемте, расскажете в кабинете, что удалось за это время узнать. Кстати, процесс пошел, пошел, пошел... Я имею в виду, не Демона Огня, а вас, ваше высочество. В смысле, процесс вашего принцевания.

Он пошел рядом, спросил настороженно:

— Ваше величество?

— Хотел указом, — пояснил я, — так проще, но мне объяснили, что это имперски значимое дело. Поэтому необходимо выполнить со всеми формальностями и надлежащими церемониями.

Он спросил с подозрением:

— Это какими?

Гвардейцы распахнули перед нами обе створки, Альбрехт пропустил меня вперед, хотя можно пройти всемером в ряд, но протокол есть протокол, а когда догнал, я пояснил:

— Сейчас ищут в архивах. Здесь принцы все наследственные, из древнейших родов, что знатнее скарракового. Потому нет прецедента, чтобы вот так указом... Пришлось рыться в древних рукописях, там можно отыскать все, а чего нет... ну жизнь подсказывает, что можно вписать. Так вообще-то всегда и делалось в интересах правящей династии.

По лестнице поднимались некоторое время молча, затем он спросил с прежней настороженностью:

— Ох, что-то мне как-то...

— Прынц, — сказал я с укором, — вы не доверяете мне?

— Конечно, — ответил он. — А как вам доверять?.. Надеюсь, вписывать будете не вы?

— Дорогой друг, — сказал я с пафосом и нас kvозь фальшивым голосом, — вы меня в чем-то подозреваете?..

Он отшатнулся.

— Ваше звездное величество, как можно?.. Мне голова еще нужна на плечах, а не на вашей плахе!

— Верно, прынц, — согласился я. — На ней, я имею в виду голову, а не плаху, так хорошо смо-

трится ваша шляпа, что всем шляпам шляпа!.. Сами видите, слияние или хотя бы взаимодействие культур требует жертв.

Он поинтересовался:

— А вы, ваше величество, какие жертвы принесли?

— А четыре любовницы? — спросил я. — Знаете ли, сэр Альбрехт, я человек ответственный. У меня северные принципы, и если подписался, что их четыре, то не могу делать вид, что их три или две!

Он сказал примирительным тоном:

— Хорошо, что еще жены нет. Если не считать Аскланделлу. Еще помните такую?

— Она не жена, — возразил я. — Просто как-то так получилось, что взялась помогать, выполняя обязанности жены императора... Причем очень умело! Думаю, и сейчас там рулит успешно. Раз в неделю думаю, что нужно как-то побывать там и утрясти... Но вы меня не аскландельте, дорогой прынц!.. Церемония будет, но я постараюсь для вас, чтобы ритуал был несложным, хоть и болезненным, но вы же воин?..

Он спросил с подозрением:

— А здесь несложные бывают?

— Это я успокаиваю вас, — пояснил я, — вам повезло с добрым императором, а то у вас лицо что-то вытянулось, вы уже на своего коня похожи, у него бывает такое выражение, когда вместо морковки суете ему в пасть мундштук.

Через двое суток Грейгер Армстронг, которому Альбрехт поручил раскопки в архивах, опустил передо мной на столешницу увесистую папку с кипой разрозненных листков бумаги.

— Ваше величество, — доложил он, — здесь все, что удалось, как вы говорите, накопать или нарыть. Насчет Демона Огня.

— Успешно?

Он покачал головой, длинные уши парика важно заколыхались по бокам.

— Увы, ваше величество. Скажу честно, порыться пришлось, мы там все пересмотрели, отобрали немногое, но и в этих бумагах только слухи о чем-то смутно близком. Отношение в записях, я бы сказал, к нашему чудовищу, слишком приблизительное.

Хрурт то и дело открывал двери перед моими военачальниками, прибыли граф Келляве, Рокгаллер, Кенговейн. Последним явился сэр Альбрехт, и все взоры моментально обратились к нему.

Сегодня он в длинном, почти до колен, распашном кафтане, здесь именуемом жостокором, от плотно посаженных в два ряда золотых пуговиц идет сияние, плечи и грудь украшены цветными вставками, рукава заканчиваются длинными манжетами, краснорозовыми, из-под них, в свою очередь, высываются на ладонь еще и белоснежные кружева рубашки, нежные, как морская пена.

Верх груди от горла и до живота прикрывает пышное жабо рубашки, сам Альбрехт выглядит вполне южанином, только плотный загар и суровость во взгляде выдают полевого командира, да еще два кармана на жостокоре — это уже точно требование к портному самого Альбрехта. У местных карманов нет, это слишком утилитарно, местный вельможа предпочитет, чтобы за ним таскалась толпа бестолковых слуг, чем положит нужную вещицу в карман и понесет ее сам.

Шляпу он снял сразу и, красиво помахав перед собой, картинно прижал к груди, и она закрыла его, как большой рыцарский щит.

Армстронг поклонился и со всей деликатностью вышел в коридор — к моим близким не принадлежит, — а я окинул Альбрехта оценивающим взглядом.

— Неплохо смотритесь, дорогой друг. Весьма как бы это вот. Сочетание в нашем смысле слова их одежки с нашими потребностями.

Рокгаллер, привычно утирая красное распаренное лицо платком, пророкотал со свойственным ему добродушием:

— Потребностями тоже в нашем смысле слова, ваше величество. А то у них все потребности в охоте на баб, как будто охота на оленя не слаще!..

Келляве пробасил:

— Золотые слова, дорогой друг!.. А что говорить про войну, там вообще только сплошное удовольствие, ликование и чистая незамутненная радость без всяких баб...

— Это местным недоступно, — поддержал их Кенговейн и зябко передернул плечами. — Даже не представляю, как это прожить всю жизнь и ни с кем не подраться?.. Это уже и не человек вовсе... Не мужчина уж точно.

Рокгаллер окинул Альбрехта оценивающим взглядом.

— Но сэр Альбрехт вроде бы еще мужчина, — сказал он с сомнением. — Не может он вот так быстро... Хотя вниз камень кувыркается быстрее, чем на гору...

Альбрехт горделиво откинул голову назад и ухитрился посмотреть на Рокгаллера свысока, хотя тот на полголовы выше.

— А это вот, — сказал и провел рукой по перевязи, — через плечо расшитой перевязи, настолько украшенной, что уже не перевязь, а отделка жостокопра, — как думаете, для чего? И вот эти кольца?.. Подсказываю, здесь крепятся ножны меча. А ваши где?

Рокгаллер широко и добродушно заулыбался.

— В таком костюме и с мечом?.. Не веселите народ, сэр Альбрехт. Похоже, здесь мы влипли. Ладно, у вас новости по Демону Огня?

Я сказал сварливо:

— Да садитесь все, что вы как застоявшиеся кони?..

— Да, — сказал Альбрехт, — а то упадете от таких новостей. Вот вам самый расширенный доклад от разведчиков. Демон Огня курс держит прежний. Все так же ломится через лес, вызывая лесные пожары, но, когда впереди болото, скорость резко падает...

Келляве уточнил:

— А если болото глубокое? Бывают, говорят, вообще бездонные, как тогда?

— Если такие и есть, — ответил Альбрехт, — то не попались. Ползет и ползет, сволочь!

— Через болото? — спросил сэр Келляве. — А мог бы обойти...

— Или не хочет, — ответил Альбрехт, — или не может. Прет все так же в огне, будто по сухому лесу! Хотя что может гореть в болоте, где одна сырая гниль?

— И не тонет?

— В том-то и дело, сзади из огня и дыма выходит, и остается такая же полоса из раскаленного камня!.. Откуда только его берет?

Я промолчал, мне-то понятно, а им не объяснишь ни в терминах Средневековья, ни в терминах Возрождения.

Они молча ждали, пока я вчитывался в расплывчатые определения и описания, — ожидают ясных и четких указаний, после которых все будет.

— Наибольшая скорость, — уточнил я, — когда идет по ровной поверхности, пусть там даже камни?

Альбрехт ответил осторожно:

— Вроде бы не замеряли, там и так все очевидно. Все больше удивляются, как прет через болота. Там бывают, как говорит сэр Гастон, совсем бездонные...

— Он что, строит мосты?..

— Может быть, это мосты... толщиной в ярды, нам это не проверить, либо вообще кладет свою плиту до самого дна. Тоже не проверяли. Но скорее всего замащивает все и целиком.

— Почему?

— Если бы делал только мосты, — объяснил он, — двигался бы с одной скоростью через все болото, а так либо ползет едва-едва, либо ускоряется. Значит, где-то ямы очень глубокие.

Кенговейн вздохнул.

— Но ползет, сволочь. Ползет...

Келляве сказал глубокомысленно:

— Я уж думал яму глубокую выкопать перед ним. Чтоб упал и не выбрался...

Альбрехт покачал головой.

— Выберется, — сказал он со вздохом. — А яму замостит. Похоже, ему всякие ямы попадались.

Все замолчали, смотрели на меня в ожидании решений, и я в который раз ощущал то самое неудобство, словно самозванец на троне, от которого требуют мудрых решений.

— Продолжаем наблюдение, — выдавил я с трудом, чувствуя, что кто-то да заметит мое бессилие. —

У нас еще есть время... Мы все решим и все уладим. Все свободны!

Когда они ушли, я тоскливо смотрел вслед и надеялся, что не заметят бесполезность нашего короткого брифинга. Но нужно хотя бы делать вид, что собираемся и что-то решаем.

Поздно вечером слуга вошел в покой неслышными шагами и, двигаясь вдоль стены, как призрак, погасил все свечи, оставив только одну дальнюю на ночной столике у ложа.

Я поднялся из-за стола, чувствуя, как застыли мышцы от долгого пребывания в одной позе, почти с отвращением сбросил перевязь с мечом в кресло, мог бы и раньше, двинулся через спальню в направлении к ложу, оставляя за собой дорожку, как Ганс и Гретель, только не из хлебных крошек, а из сброшенных сапог, рубашки и брюк.

Но едва рухнул в постель, заглянул Хрурт, окинул взглядом спальню и, повернувшись к кому-то в коридоре, кивнул.

Дверь распахнулась шире, через порог торопливо переступила женская фигура в длинном до пола плаще. Капюшон надвинут до самого подбородка, но хоть видно, куда ступают ноги.

Хрурт неслышно прикрыл дверь, я ощутил, как он отошел на цыпочках к противоположной стене коридора.

Женщина остановилась, я приглашающе откинул для нее край одеяла. Она пошла короткими, но быстрыми шагами, обеими руками медленно взялась за края капюшона, подняла и опустила на спину.

Красивая женщина, но не Мишелла, я сказал ровным голосом:

— Эльзивелла, не так ли?.. У вас очень верная подруга.

Она робко улыбнулась.

— Мишелла просто замечательная! Я ее люблю и просто обожаю.

Я чуть подвинулся на ложе и приглашающе похлопал ладонью по перине. Эльзивелла дернула шнурки у подбородка, плащ соскользнул и беззвучно сложился на полу вокруг ее обнаженных ног ровными складками, напоминающими валики на боках дородной женщины.

Эльзивелла скользнула под одеяло и застыла там, задерживая дыхание, словно только сейчас устрашилась собственной дерзости.

Глава 3

Хрурт раздвинул полог, я прикрыл ладонью глаза от яркого света. Рядом тихонько посапывает обнаженная женщина, а в черепе медленно затихает грохот Демона Огня, пожравшего села и города, сейчас вон рушит Волсингсбор, а я лежу связанный у него на пути...

— Чё, — спросил я хриплым голосом, — уже утро?

Хрурт сказал негромко:

— Да, ваше величество. Сэр Альбрехт посоветовал разбудить вас несколько раньше.

— Что-то случилось?

Он указал взглядом на Эльзивеллу. Она, не раскрывая глаз, сладко зевнула, показав красный ротик, изящно потянулась, вроде бы нечаянно выставив из-под одеяла изящные груди.

— Да-да, — согласился я, — сэр Альбрехт точен даже в мелочах. Леди Эльзивелла, ваш плащ так никто и не спер, он все еще на полу...

Она улыбнулась и грациозно поднялась с постели, не обращая внимания на хмурого Хурта.

— Ваше величество, — прощебетала она чарующим голосом, — это самая счастливая ночь в моей жизни!

Хурт проводил ее до выхода, в коридоре мелькнули какие-то лица: Альбрехт все предусматривает, явно пара знакомых Эльзивеллы, убеждаясь, что в самом деле провела ночь с императором. Может быть, у них какое-то пари.

Я вздохнул и откинулся на подушки. Вроде бы выспался, много ли мне надо, но и в короткое время сна отступал под натиском Демона Огня, не в силах отстоять от него прекрасный город, а вдали медленно вырастают чудовищные фигуры Великих Магов, что поднимаются из пещер и задеваю головами облака.

И осталось ощущение тяжелой и безнадежной борьбы, которую проиграл.

Хурт распахнул дверь, неслышно вошел Альбрехт, пышно одетый и в шляпе, но не снял в приветствии, мы одни, подошел и сказал быстро:

— На первом этаже я обогнал ваших будильщиков. Идут медленно и важно, как гуси, мы бы с Хуртом успели удавить ваше величество. Не знаю, откуда лорд-канцлер узнал, но еще вчера вечером просил как-то деликатно намекнуть, что в королевскую спальню могут входить только жена и любовницы... Как я понял, имеет в виду одну из четырех. Хотя, возможно, всем четверым разом тоже разрешено, если учитывать здешние нравы, как вы иногда в своем заковыристом лексиконе...

Я буркнул:

— А что не так?

— Любовницами, — уточнил он, — называют только внесенных в реестр и допускаемых по протоколу со всеми их правами, которых вообще-то нет, а все остальные не считаются.

— Понял, — ответил я в нетерпении, — но та женщина, что сегодня пролежала, как бревно, в моей постели, замещала леди Мишеллу, о чем Мишелла не просто в курсе, но и по ее просьбе!

Он в изумлении покрутил головой.

— Да у этой Мишеллы просто золотое сердце!.. А говорят, они есть только у мужчин. Я имею в виду мужскую дружбу и взаимовыручку. Но только можно ли считать эту заместительницу просто выполняющей роль вашей официальной любовницы?

— Уверен, — сказал я.

— Все же уточню, — сказал он с самым озабоченным видом. — А так вообще-то, как намекнул лорд-канцлер, для адюльтера есть отдельные комнаты. Их много и в разных местах дворца. Чтобы далеко неходить, оно того не стоит, просто кивнул какой-то с вот такими, два шага в сторону, закрыл за собой дверь, вдул, не снимая сапог, вышел и пошел мыслить и заниматься высокими государственными.

Я прислушался, в коридоре вроде бы еще тихо, сказал с тяжелым сарказмом:

— Вот как понимаете работу государственного деятеля, сэр Альбрехт!.. Раньше я хоть чувствовал вашу несерьезность, а сейчас говорите так искренне, и глаза честные-честные, просто плюнуть в них хочется.

— Может, — предположил он, — чувствительность потеряли?.. Ладно, я передал то, что постеснялся ска-

зать лорд-канцлер. Сэр Джуллиан вообще-то стеснительный в таких вопросах, как ни странно, а теперь докладываю о мобилизации.

— С этого бы и начинали!

— Так я стараюсь, как здешние придворные, побольше о приятном, а о неприятностях вскользь... В казне не так уж много денег, потому большую армию не собрать. Думаю, все же надо перебросить на Маркусе сюда несколько тысяч северян. Армию рейнграфа Чарльза Мандершайда или стальграфа Филиппа Мансфельда, командующего первой ударной армией королевства Турнедо... они будут счастливы!

— Думаете? — спросил я с сомнением. — Хотя да, вдали от этой столицы они были бы незаменимы... Подумаю.

— А еще я соскучился по герцогу Ришару де Бюэю, — сказал он. — А вы?.. Правда, у вас там было что-то с женщиной, что переходила от вас к нему и обратно... но сейчас вы же уже не тот, ваше величество!

Я не понял, похвалил или обругал: все-таки я в чем-то еще тот, хотя уже и другой. Надеюсь, умнее, хотя многим я интереснее прежним жизнерадостным дураком, наивным и доверчивым, хотя уже тогда считал себя хитрым и прожженным циником.

— Подумаю, — повторил я, вспомнив, что следует говорить «мы подумаем», все-таки император, а здесь даже короли говорят о себе во множественном числе. — Но особо на северян не рассчитывайте. Пока нужно обходиться своими силами, как мы пообещали нашему Создателю.

— Мы?

— В лице Адама, — уточнил я. — Когда он покинул рай и объявил, что в поте лица своего будет добывать хлеб и растиль детей, но не останется домашним животным в Эдеме... Все, уже сопят в коридоре! Вот в ту дверь, там туалет, переждете, пока уйдем, только стены не пачкайте.

Дверь из коридора медленно и торжественно распахнулась. В спальню начали входить лица из знатнейших семей империи во главе с принцем Кегельширом и принцессой Джеззифиной, строжайшими блюстителями имперских манер и придворного этикета.

В зал набралось с полсотни этих самых-самых, стало тесно и пестро от ярких костюмов и белоснежных париков с идеально ровными трубочками локонов, хотя вообще-то спальня может вместить целую армию.

Принц и принцесса приблизились к ложу, прямые и чопорные, с одинаково накрашенными лицами, принцесса присела в поклоне, показав верхушки сморщеных грудей, а принц произнес протокольным голосом:

— Ваше величество?

Я кивнул и нехотя вылез из-под одеяла. Пока бесполезно бороться с этими ритуалами, выстраивались веками и поддерживались тысячелетиями, отгравивая мелкие шероховатости и обрастаю вроде бы важными финтифлюшками.

Теперь соблюдение всех тонкостей этикета — такой же непреложный закон, как и восход и заход солнца. Менять придется медленно и неспешно. Для знати любые перемены как серпом по охраняемому месту, да и вообще, сейчас вопрос нашего выживания вовсе не ритуалы.

После мучительно долгого, на мой взгляд, и молниеносного, судя по недовольному виду знатнейших семей, ритуала одевания все мы последовали в императорский зал для завтрака.

Цепочка слуг, выглядывая издали, передавала друг другу что-то шепотом типа «Прячьтесь, куры, поп идет!», а вся толпа особо знатных, допущенных зреть завтрак императора, идет за мной, отстав шагов на пять, а потом остановилась на отмеренные десять шагов от стола и застыла.

Ближе только еще более знатные, что участвуют в подаче мне блюд, — не слугам же подавать, это привилегия только самых знатных и знатнейших, а также наиболее именитых.

Я ел, а вся толпа, не шевелясь, в почтительнейшем молчании наблюдала, как я изволю завтракать.

Пальцы мои испачкались жиром, я кивнул принцу Кегельширу, тот сделал знак герцогу Стронгвуду, что стоит с подносом на полувытянутых руках, тот подошел, принц взял из его рук поднос и держал передо мной, пока я брал салфетку с подноса, вытирая пальцы, заодно и губы.

Когда я бросил салфетку на поднос, Кегельшир передал ее Стронгвуду, а тот еще кому-то из менее знатных, а там уже этот поднос заменили на поднос с новой салфеткой. Или просто взамен использованной положили чистую, я до таких мелочей не углублялся, хотя первый император, который все это придумал, наверняка следил, следил...

Тарелку с хлебом тоже передают из рук в руки, Кегельшир принял ее последним и держал до тех пор, пока я не взял ломтик, затем передал по цепочке об-

ратно с таким видом, словно это не тарелка, а корона Древних Императоров.

Кегельшир спросил почтительнейшим голосом:

— Ваше величество, не изволите ли музыку?

Я кивнул:

— Да, пусть, мне аппетит ничто не портит.

Он отошел, я слышал, как сказал Стронгвуду:

— Музыку!

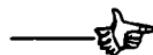
Тот передал по цепочке. Наконец, один, то ли распорядитель по музыке, то ли сам капельмейстер, вышел из строя, поклонился учтиво, обошел стол, там поклонился еще учтивее, а когда оказался перед столом, раскланялся, как журавль перед молодой и не-тронутой журавлихой, а уже потом отступил, развернулся, как в танце, и я думал, сейчас зазвучит музыка, однако он пошел через застывшую в благоговейном молчании толпу придворных, долго продвигался, словно по горло в воде. Наконец чуть ли не в конце зала вскинул голову наверх и взмахнул руками.

— Музыку для его величества!

На балконе поднялись, строго одетые в одинаковую форму золотистого цвета и с огромными белоснежными бантиками на груди, музыканты, как догадываешься, с некими струнными инструментами в руках.

Поклонившись, сели, смычки легли на выгнутые горбиком струны. Музыка полилась плавная, вообще никакая, не веселая и не грустная, а как бы способствующая пищеварению и отходу газов.

Распорядитель, медленно и величаво пройдя обратно через толпу, красивым жестом приложил шляпу к груди и галантно поклонился, сообщая, что выполнил, музыка заиграла, как будто я глухой или не слышу.

После жаркого подали пироги, я обронил Кегельширу тихонько:

— Пить.

Он развернулся, как линкор, произнес внушительно:

— Для его величества напитки!

По левому ряду прошло «Напитки императору», «напитки императору», «напитки...», наконец, последний в ряду так же замедленно повернулся к столику за его спиной, взял обеими руками поднос с графином, с величавым поклоном передал чуть более старшему по титулу, тот принял и передал следующему, и так всего минут через десять поднос добрался до Кегельшира, тот повернулся с ним к моему столу, но пришлось чуть подождать, одновременно точно таким же макаром передают с церемонным раскладыванием друг другу поднос с единственной чашей из великолепного стекла, украшенной по бокам драгоценными камешками.

Увы, мне на стол, оказывается, ставить еще рано, первым взял Стронгвуд, выждал, ему поднесли на другом подносе чашу попроще, он налил в нее, сделал глоток, подумал, помедлил, наконец, сказал величаво:

— Напиток для его величества!

Кегельшир принял поднос и бережно подал мне. Я взял графин и чашу, Кегельшир ухитрился снять стеклянную крышечку и ждал, пока я собственоручно налью в чашу вина.

Когда закончил с тремя из первых блюд, прозвучало долгожданное:

— Подать мясное для его величества!

Я вздохнул, приказ начали передавать по цепочке в глубину зала, а там по лестнице вниз, процедура

долгая, но лишь бы не принесли дохлую лошадь или пропахшее потом седло — с этим испорченным телефоном случиться может все...

Наконец в зал деревянными шагами вошел дворцовый гвардеец, за ним так же медленно и торжественно старший гвардеец, следом еще один, уже высшего ранга, а за ними шествует церемониймейстер, что остановился на строго отмеренном расстоянии от стола и, ни на кого не глядя, величественно провозгласил в пространство перед собой:

— Мясное блюдо для его величества!

Вельможи повернулись к нему и склонились в вежливом поклоне, что да, услышали и рады за императора. Церемониймейстер помедлил с минуту, затем отошел в сторону. За ним вошли распорядитель и два его помощника, тоже сдвинулись, давая дорогу, наконец, показался то ли повар, то ли старший слуга с огромным подносом в руках. Я надеялся, те шустрее, но в зал вдвинулась процессия роскошнейших вельмож, очень серьезных и торжественных, первый несет серебряную массивную посудину, не то супницу, не то гусятницу с массивной крышкой, а еще с фигурками каких-то возлежащих там лиц.

По тому, с каким усилием держит, там явно не меньше, чем зажаренный кабанчик. Тоже медленный, величавый, он поставил посудину на столик из драгоценных пород дерева по эту сторону двери, что в шагах пяти от меня, поклонился и отступил.

Стронгвуд приблизился, золотым ключиком отмыкнул хитрый замочек, вытащил ключик из скважины и отступил. Взамен него подошел Кегельшир, взялся за сцепившиеся в клинче фигурки, поднял крышку и отступил на полшага, открывая красно-коричневое

тельце крупного поросенка, все еще горячее, источающее одуряющие ароматы и запахи хорошо прожаренного нежного мяса.

Следом подошел престарелый принц Шильдерер, что все это время стоял в сторонке, обеими руками взял эту посудину, понес к моему столу, где опустил передо мной на столешницу, поклонился так низко, что едва не ударился лбом о край, и так же медленно отступил, не разгибая спины.

Вообще-то церемония неновая, всегда одно и то же, но раньше просто не замечал, а сейчас, когда в мозгах сплошной туман из-за попыток понять, что же это за механическая тварь, вижу всю эту нелепость сложнейших ритуалов, когда мир гибнет, но еще не подозревает о своей близкой кончине, как бронтозавр с его крошечным мозгом в головке на длиннющей шее не подозревает, что его уже начали есть с длинного мясистого хвоста.

Но, поглощенный своими мыслями, процедуру дотерпел до конца, там от меня ничего не зависело, требовалось только есть или не есть, а дальше все само, блюда приносят и уносят, в некоторых я изволил поковыряться, на другие не обратил внимания, наконец, подошла очередь вин, я осушил бокал и резко поднялся.

— Спасибо, все хорошо, император доволен. Все свободны!

Глава 4

В коридоре среди ожидающих торжественного выхода императора склонился в поклоне и величественный лорд-канцлер, у него все тот же чудо-

вищно огромный парик старинного края, целая раскормленная овца, свесила все четыре ноги на спину и грудь, вот-вот вскинет голову и закричит гортанным голосом.

Мои орлы всегда поглядывают на него с насмешливым интересом, только Келляве кивает с одобрением, уловил, что этот вельможа придерживается здешней старой моды и обычаев.

Я обронил царственno:

— Сэр Джуллиан, вы пойдете рядом с императором.

Он поклонился снова и ответил счастливым голосом:

— Благодарю за честь, ваше величество!

Я чуть поморщился, хотя чего крутить носом, идти рядом с императором хотя бы минуту в самом деле великая честь и привилегия. Это одно из высших проявлений благоволения, а за них здесь интригуют, ссорятся, устраивают заговоры и провокации. Борьба за привилегии идет на всех уровнях, от кухни и до высших титулов, чинов и должностей.

Альбрехт и Норберт время от времени напоминают мне, что во всех случаях морду лица нужно держать непроницаемой, двигаться медленнее и величественнее. Это не для самой величественности, а потому что так успеваю заметить всех, а то уже двух при дворе понизили, а одного вовсе переселили на первый этаж ближе к слугам только за то, что я во время прогулки не заметил и не ответил на их поклоны.

Мои желания стараются предугадать по моему виду, голосу, взгляду, потому замечаю, как вместе со мной меняется и сам двор, но чаще всего совсем не так, как мне бы хотелось.

— Народ, — сообщил я, — узрел, что я сыт и здоров, не так ли?.. Думаю, одного раза в день достаточно, сэр Джуллиан. Не стоит такой цирк устраивать три или четыре раза в день. У нас трехразовое питание или целый день жрем и гуляем?

Он ответил, несколько опешив:

— Император обычно вкушает пять-шесть раз в сутки... в окружении придворных...

— Ага, — сказал я, — дробное питание, понятно. Только продукты зря переводите!.. В общем, подумайте, какие процедуры кормления императора сократить, чтобы осталась одна выставочная. Да и ту можно для вящей торжественности перенести на праздники.

— Ваше величество, — вскрикнул он шепотом, — но так заведено!.. Тысячи лет!

— Все меняется, сэр Джуллиан.

Мы прошли через холл к выходу из здания, я замедлил шаг, чтобы лорд-канцлер поспевал, а то дыхание у старика начало сбиваться. Гвардейцы механическими движениями распахнули перед нами обе половинки двери, открывая широкий портал в мир.

Мраморные плиты залиты яркими лучами оранжевого солнца, во дворе в какой-то мере еще пусто, если не считать снующих слуг, но кто их считает, это же слуги, а не люди, люди еще спят, кроме облеченных важной привилегией ходить за мной следом или стоять по краям аллеи и кланяться, стараясь поймать мой благосклонный взор.

Во дворе так называемые гуляющие на самом деле не столько прогуливаются, а чаще стоят на месте и смотрят в сторону выхода из главного здания.

Вельможи, красивые женщины, все без исключения знатнейшие из знатнейших, одновременно сладко заулыбались, мужчины сорвали с голов шляпы, пышно украшенные перьями, и прижали к груди.

Я начал неспешно спускаться по ступенькам, замедляя шаг, чтобы успевал лорд-канцлер, а когда достиг последней, мужчины разом склонились в поклоне, а женщины присели, смиренно опустив напудренные головки в белоснежных локонах.

На последней ступеньке сэр Джуллиан мягко, но с настойчивостью проговорил с надлежащей внушительностью:

— Ваше величество, вся вселенная следует протоколу. Солнце, Луна и звезды двигаются строго по тем же дорогам, что и тысячи лет тому, и если хоть одна сойдет с пути...

Он сделал многозначительную паузу, я подумал, что он больше прав, чем сам об этом знает, прервал в нетерпении:

— К чему вы все это, дорогой лорд-канцлер?

Он со вздохом облегчения соступил с последней ступеньки на ровные плиты двора, развел руками в патетическом жесте.

— Ваше величество, мы все, в подражание небесным светилам, живем по правилам. В этом наше отличие от диких зверей. И чем мы выше, чем наша жизнь упорядоченнее, сложнее и непонятнее простому уму...

Я в показном неприятии покачал головой и даже чуть повысил голос:

— Сэр Джуллиан, излишняя усложненность мешает росткам нового.

— Ваше величество?

— Ростки этого нового, — пояснил я, — уже пытаются пробиться через толстый слой запретов и предписаний. Мир изменился, сэр Джуллиан. С того момента, как мы побили филигонов и захватили Багровую Звезду Смерти.

Он даже чуть сбился с шага, отстал, но тут же догнал меня и ответил тихим голосом:

— Ваше величество, большинство все еще боится в такое поверить.

— А вы?

Он с трудом выдавил слабую улыбку.

— Ваше величество, если бы я не видел, как ваша армия высадилась из этой ужасной Звезды Смерти! Но мой дом на краю города, мне с веранды было хорошо видно, как эта сверкающая багровым огнем гора не упала, не рухнула, а медленно опустилась вблизи города как раз с той стороны, где я живу! По широкому трапу сошли закованные в сталь ваши доблестные войска. Я политик, верю фактам, какими бы невероятными ни казались. Но все же ломать традиции...

— Не ломать, — уточнил я, — а медленно и неспешно сдвигать.

— В какую сторону?

— В сторону прогресса, сэр Джуллиан. Чтоб нам жилось еще интереснее, хоть и опаснее. В мир еще большего разврата, распущенности и возможностей человеческой натуры во всех ее проявлениях и во всем спектре желаний! В мир расцвета высокого разума и нашей низменной натуры. Это будет прекрасный мир, на который и посмотреть страшно, но жить в нем интересно.

Он смотрел выпученными глазами, даже сбился с шага, я подождал, он сказал испуганно:

— Ваше величество?

— Это не сегодня, — успокоил я. — Сдвигать парадигму будем по чуть-чуть. В чем-то упрощать, в чем-то усложнять. Мир изменился, сэр Джуллиан! И мы должны изменяться тоже.

Он чуть покосился в сторону, некоторые из тех, кому дозволено тащиться за нами, что значит, сопровождать императора в послезавтракальной прогулке, даже забегают вперед, снимают шляпы и кланяются, стараясь попасть под мой мимолетный взгляд.

— Багровая Звезда, — сказал я твердо, — уже не угроза!.. Отныне и навеки. Никаких разрушений больше!.. Никакой цикличности, только уверенное движение к прогрессу.

Он уловил по моему голосу, что аудиенция закончена, сказал торопливо:

— Да, ваше величество! Конечно, ваше величество. Само ваше появление на южном материке показывает, что изменения будут. Я уже ночами не сплю, кошмары всякие, как только подумаю про такое счастье...

Я некоторое время шел один, толпа допущенных к прогулке императора тащится в отмеренных регламентом пяти шагах, что хорошо, остальных не подпускают, а моя голова трещит от вариантов, как и что делать с Демоном Огня.

Все, даже Альбрехт, рассчитывают на Маркуса, на ужасающую своей мощью Багровую Звезду Зла, и надо притворяться, что справимся сами, а ее только держим в запасе, если сами вдруг да не сумеем.

От соседнего корпуса грузно и напористо шагает граф Келляве, могучий и заметный в блистающем панцире. Даже он пошел на некий компромисс

с местной модой: на плечах легкий плащ, что вошел в употребление каких-то сто лет, а по здешним меркам это почти вчера, сапоги украшены накладками из золота, неслыханно для суровой морали Севера.

Через плечо широкая перевязь голубого цвета с шитьем золотыми нитями, тоже уступка Югу, до этого предпочитал добротную перевязь из грубой кожи, а здесь настоящая ткань, очень прочная и в то же время нарядная.

Я кивнул ему издали, он тут же направился в мою сторону, коротко поклонился.

— Сэр Ричард...

За спиной среди придворных послышался недовольный ропот, никто не смеет обращаться к всесильному императору так простецки, да еще на людях, но Келляве не обратил внимания, повернулся и пошел рядом со мной по аллее.

— Сэр Гастон, — сказал я, — не смущайтесь, вы не изменили идеалам Севера и нашей Церкви. Одежда всего лишь одежда.

Он ответил сумрачно:

— Вы как-то сказали, что мы принесли Север на подошвах своих сапог...

— Красиво сказал, — согласился я. — Я почти поэт. Как Нерон.

— Но кое-кто и сапоги уже сменил на туфли, — напомнил он, — а у остальных на подошвах сапог больше земли Юга... Ваше величество, а тот Демон Огня... не может ли ускориться?

Я помедлил, вот уж нашли специалиста по непознанному, но, с другой стороны, у кого еще спрашивать, как не у императора?

У Келляве такой вид, что вот отвечу, и будет всем счастье, я постарался скрыть неудовольствие, никто не любит, когда припирают к стене.

— Все в этом мире возможно, сэр Гастон. Мы же здесь? Хотя это считалось невозможным. Так что и Демон Огня, возможно, хотя сведения идут, что скорость всегда одна и та же. В среднем.

Он уточнил вежливо:

— Ваше величество, когда болото или холм впереди, ползет медленнее!.. Потом, правда, снова с прежней.

— Но в целом семьдесят две мили в сутки выдерживает?

— Вроде бы...

— Главное, никогда быстрее не шел?

Он ответил уклончиво:

— Пока не наблюдалось.

— Вряд ли это случится, — сказал я. — Разве что полыхнет гроза и молния попадет в башку... но и тогда скорее всего остановится, и все.

Он сказал с удовлетворением:

— Да, я бы тоже остановился. Тогда все в порядке, вы его молнией по темечку, всего-то делов!

— Да, — согласился я, — и снова можно по бабам.

Он покосился на величаво проплывающих мимо роскошных дам в широких колоколообразных платьях.

— Да, но они слишком уж...

— Да ладно, — сказал я, — везде одинаковы, не заметили?

— Это под платьем, — возразил он, — а с виду одна брехня! Ну что за платья, что за платья?.. Как рассмотреть, какая у кого задница на самом деле?

— А-а, — протянул я, — не хотите попасться, как тот наш друг, который только в постели понял, что у его дамы платье-колокол, оказывается, было в обтяжку?

Он кивнул с самым хмурым видом.

— Ну да, я же не сэр Раster... Вот по сиськам сразу понятно. Я честный, не люблю неправды!

— Мир полон лжи, — сказал я с сочувствием. — Чем больше лжи, тем выше культура. Порядочному человеку всегда есть что скрывать.

Он взглянул с недоверием.

— Это что... культура у них выше?

— Раз люди лживее, — подтвердил я, — значит, выше. Дикари вообще не хитрят!.. Вон сэр Альбрехт подтвердит, он у нас представитель нашей северной культуры, где тоже врут, но в сравнении со здешней культурой просто ангелы бесхитростные!

За спиной тишина, из нашего разговора стараются не пропустить ни слова, а я не приглушал, пусть слышат, что их хвалят. Хоть и вижу, когда врут и хитрят, но это неизбежные спутники культуры, как мыши и крысы в больших городах.

Я сделал малый круг вокруг ближайшего роскошного бассейна с бьющими фонтанами, на сегодня хватит, и сразу услышал за спиной разочарованные вздохи.

Вообще-то можно было и от этой прогулки откастаться, но я из тех, кому почему-то думается лучше в движении, потому многие в кабинетах вскакивают и мечутся от стены к стене, а я еще и сделал вид, что добросовестно выполняю предписания древнего протокола насчет завтрака и послезавтракальных прогулок.

Цветник из ярких кавалеров и роскошнейших женщин во дворе терпеливо дожидается нашего возвращения. Все, как я с ходу отметил, на тех же местах, что вчера и позавчера. Вообще-то неслучайно, тоже распределено давным-давно, и вряд ли какой-то из императоров решался нарушить эту традицию или регламент хоть в малейшей степени.

Пока мы проходили мимо, мужчины оставались со склоненными головами, а женщины в приседе, и только когда оставались позади, я слышал шурша-ние платьев, это поднимаются самочки, а мужчины хрустят суставами, выпрямляя спины.

Глава 5

Из окна кабинета видно, что народ во дворец все еще прибывает. Каждый день замечаю новые лица как среди придворных, так и слуг. Даже стражей стало больше. Сэр Титус успешно пополняет ряды охраны столицы, а сэр Юстер тщательно охраняет дворец, оба от усердия едва не рвутся пополам, отрабатывая резкое повышение по службе.

Лорд-канцлер регулирует взаимоотношения с новыми вельможами, что новые только для нас, северян, а на самом деле это они поспешно заняли лучшие апартаменты, потому начались конфликты с теми, кто не ушел в пещеры, а сумел захватить брошенные на уничтожение покой.

За всем этим суетливым муравейником присматривает Альбрехт, а особенно бдит Норберт, на кото-ром безопасность и все тайные службы империи. Впрочем, службы очень хилые, все держалось на Ве-

дликих Магах, а я сейчас дергаюсь от мысли, что настанет момент их появления из глубин земли, а я все еще не готов.

Впрочем, появление новых лиц во дворце меня лично не беспокоит, раз уж могу даже в большой толпе и на расстоянии заметить мага, как бы тот ни маскировался.

К тому же и сэр Норберт бдит, я его снабдил могучими защитными амулетами, а он передал их своим разведчикам.

В холле и больших залах внизу местные слуги, как и охрана, наших немного, но со второго этажа их все больше, а с третьего охраняют только северяне.

Сегодня лорды входили в мой кабинет с суровыми и настороженными лицами. Проблема Демона Огня все еще не решена, а это вызов нашей власти и нашему могуществу. Двор о нем ничего не знает лишь потому, что ни о чем не желает знать, кроме развлечений, зато сразу почуяет, если наша власть дрогнет.

Я сидел в императорском кресле, лорды рассаживались без церемоний, выбирая места поближе, в моем кабинете церемонии отменены.

Альбрехт опустил передо мной на стол лист бумаги с укрупненным изображением части карты.

— Вот известный нам маршрут, — сообщил он. — К сожалению, ни один багер не идет так, чтобы проледить за Демоном Огня по всему его пути.

— А с тех, что пересекают?

— Таких нет, ваше величество. Все идут от Волсингсбора в разные стороны, как радиальные нити паутины, а вы в центре, как самый главный паук.

Рокгаллер кивнул, его такое определение устраивает, кое-кто заулыбался, а я сказал саркастически:

— Ну спасибо.

— Здесь пауки в фаворе, — заметил Альбрехт. — Символ богатства и благополучия. Не думаете взять в качестве герба?

— Сплюньте, герцог, — сказал я. — Кто из нас про-меняет своих гербовых львов и леопардов на каких-то насекомых? Норберт уже послал отряды, как я велел?

— В места, где по нашим предположениям...

— Расчетам, — уточнил я.

Он поклонился.

— Да-да, расчетам. Расчетам, основанным на том, что Демон Огня так и будет двигаться, несмотря на любые препятствия. Отряд Милфорда продолжает марш в обратном направлении по уже остывшему камню...

— Какие новости?

Лорды затихли, стараясь не упустить ни единого слова, Альбрехт ответил с той же сдержанностью:

— Как вы и велели, ваше величество, каждый день отправляет по гонцу. Правда, те прибывают все с большим запозданием, что и понятно. Хотите взглянуть на карту?

— Давайте.

Он расстелил на столешнице большой лист бумаги с коряво изображенными холмами, речушками и озёрами, а прямо через них, не считаясь ни с какими препятствиями, пролегает путь Демона Огня.

— Вот, обратите внимание...

Лорды вытягивали шеи, кто-то поднялся и всматривался через мое плечо. Я смотрел и старался вообразить подлинный рельеф той местности. Пока все сравнительно ровно, болота для Демона не препятствие, но через несколько дней упрется в горы, а там

могут быть какие-то тревожные отклонения. Пусть не самые высокие в мире, но все-таки крутые и кое-где отвесные, через них дорогу не построить...

— А вот более общий вид, — сказал Альбрехт и развернул поверх листка с каракулями карту форматом побольше. — Здесь размах...

Этот рисунок, как я определил сразу, сделан рукой опытного картографа. Явно Альбрехт хватает клочья бумаги с наспех нарисованной линией, передает в императорскую канцелярию, там скрупулезно вычитывают пройденное расстояние и даже сообщают радостными голосами, когда чудовище покинет границы одного княжества и вторгнется в другое.

К счастью, мелькнула мысль, сами правители чаще всего не замечают даже пожара в лесах, а если им и докладывают, то отмахиваются, подумаешь, каждый год лес горит.

Альбрехт разложил на столах карты с самыми новыми участками, где, судя по разведке, только что прошел Демон Огня. Лорды вытянули шеи, но старались не толпиться у стола, давая мне возможность осматривать без толкотни.

Я походил вокруг стола, выворачивая голову, буркнул:

— Сэр Альбрехт, да повесьте карту и эти клочья на стену!

Он поморщился, но выполнил, а потом сказал с некоторым удивлением:

— В самом деле удобнее, когда вот так состыковать... Почему никто раньше не догадался?

Я скромно промолчал, с другого конца стола Келляве сказал значительным голосом:

— У сэра Ричарда по-другому мозги повернуты.

— Да, — согласился Рокгаллер, — он немножко сумасшедший, потому и стал императором. Кто из нас по доброй воле восхотел бы?.. А что дальше выкинет?

— Слюньте, — посоветовал Горналь серьезно.

— Думаете, шлем на шляпу сменит, как сэр Альбрехт?

Келляве поднялся, подошел ближе и повел пальцем по состыкованной карте, переползая с клочка на клочок, задержал в одном месте.

— Вот здесь какие-то горы... Это горы, посмотрите?..

Альбрехт всмотрелся так внимательно, словно зрение уже начинает садиться, покачал головой.

— Да, горы, но невысокие.

— Так обозначают чаще скалы, — сказал Рокгаллер солидно, — чем настоящие горы.

— Посмотрим, — пробормотал Альбрехт, — как пройдет там. А чуть дальше, смотрите, вообще горная цепь...

Келляве обронил с надеждой в голосе:

— До этого «чуть дальше» ему переть не меньше месяца.

— Думаете, остановим раньше?

Келляве добросовестно подумал, кивнул в мою сторону.

— Это как его величество решит.

Я сказал сердито:

— Полагаете, если велю остановиться, он остановится?

— Раньше все творилось по вашей воле, — напомнил Альбрехт с едва уловимой ноткой. — Есть слухи, что вам черти помогают... по крайней мере где-то носят...

Келляве провел пятерней по коротко остриженным волосам, из всех собравшихся он один без роскошной шляпы, сказал солидным голосом опытного воина, что всецело рассчитывает на умение полководца:

— От вас всего можно ожидать, ваше величество. Вдруг у вас какая-то задняя цель? Я имею в виду, тайная?

— Тайная, — проговорил Альбрехт задумчиво, — значит, стыдная. У нашего величества нет ничего стыдного! Хотя постыдного хватает, но кто же об этом скажет!

Я сказал обидчиво:

— Сэр Альбрехт, вы совсем меня обижаете!.. Как это нет стыдного? У всех есть, а у меня нет?.. Ладно, продолжайте бдить, а тащить и не пуштать потом... Вроде бы на прямой линии крупных городов нет... Села не обозначены, ну да ладно, хотя любая держава держится на селах, но нет в мире справедливости...

— Не успеваем везде, — сказал Рокгаллер густым голосом, как говорил бы большой сытый шмель, — а так бы да, установили, наплакались бы...

Келляве пробормотал:

— Куда только переплавленный камень девает?

Все умолкли и посмотрели с вопросом на меня. Я пожал плечами, у императора на все должны быть ответы, во всяком случае, в этом твердо уверены, иначе что он за император хренов.

Я ответил с налетом высокомерия, дескать, что за детские вопросы:

— А почему не вглубь? Где-то толщина этой плиты два-три ярда, а где-то и десять! А что?.. Может быть и больше. Главное, чтобы сверху гладко и ровно. Он же еще и Великий Выравниватель, не заметили?

Келляве посмотрел на меня со странным выражением.

— Я как раз побывал там, ваше величество. И видел дорогу через болото.

— И как вам она?

— Болота нет, — ответил он. — Вовсе! Как корова языком слизала. Теперь каменное плато, как будто его Господь сотворил. Хоть сто императорских дворцов ставь, не проломится.

— Может, — предположил Горналь, — и не бездна внизу, а болото заполнено камнем до дна?.. Это же не наш дорогой Рокгаллер заполнял, тот бы обязательно схалтурил, а лишние камни украл и продал, а Демон Огня вдруг да жульничать не умеет?

— Зато мы умеем, — сказал я. — И на этом выиграем.

— Как?

— Пока не знаю, — ответил я. — Но большинство битв было выиграно не на поле боя, а в тиши кабинетов.

Альбрехт сказал с лицемерным сочувствием:

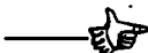
— А еще в теплых постелях на смятых простынях.

Я указал на него умолявшим лордам.

— Видите? Отышите ему достойную женщину, чтобы отвел душу и начал о работе хоть иногда. А то в каждом государственном деятеле видит неизвестно что. А еще в шляпе!

— Да еще в какой, — согласился Келляве. — За такую шляпу войны начинаются. Правда, между женщинами.

— На мой взгляд простого императора, — сказал я, — сэр Альбрехт и разжигает между ними. С какой целью?.. Ладно, насчет Демона Огня какие-то соображения еще есть?

Альбрехт посмотрел на меня и произнес задумчиво:

— Интересно, Великие Маги сумели бы остановить Демона Огня?.. Мне вот почему-то кажется, что им это как два пальца о дерево, как любит образно говорить на своем поэтическом языке наш вождь и полевой командир-император.

— Такую схватку, — ответил Норберт трезвым голосом, — мы бы не увидели.

— Почему?

— Уверен, — пояснил Норберт, — Великие Маги сперва бы нас, потом этого Демона.

— Это льстит, — заметил Рокгаллер примирительно, — сперва стараются того, кто опаснее.

Я ощутил, как напряжение в кабинете возросло, сказал как можно примирительнее:

— Не каркайте! Тоже мне каркатели. Вылезут — увидим. Скорее всего взад засунем. В те же пещеры. Думайте, как остановить Демона Огня. Мы не знаем намерений Великих Магов, а что представляет собой Демон Огня, уже видим...

Альбрехт сказал с холодноватой задумчивостью:

— А когда придумаем... не стоит так уж сразу. Пусть прет еще пару недель или месяцев. Мы тут с сэром Норбертом проложили его дальнейший путь... и знаете, что обнаружили?

Я сказал хмуро:

— Догадываюсь. В нашем малозаселенном мире он дойдет до океана, никого или почти никого не задев, а там утопнет.

Альбрехт кивнул, в его взгляде я уловил уважение.

— Ваше величество, вы не только считаете быстро и точно, но и просчитываете. А по вашему виду и не подумаешь... Конечно, это чудовище нужно будет

остановить раньше, но... может быть, пусть пройдет через пару империй и пусть тонет в океане...

— Рационально, — ответил я, — хотя и жестоко, но вы человек вообще бессердечный. Наверное, в детстве котят топили?.. Но сперва нужно понять, как его остановить. Как докладывают средства сбора информации, пройденная Демоном Огня дорога тянется не только через королевство Гарагоссия, туда это чудовище пришло из Мегольда, но и в Мегольд откуда-то, хотя это предположительно, отряд Милфорда все еще мчится по той дороге, и конца ей не видно!

Сэр Норберт пробормотал:

— Насчет Мегольда еще не совсем точно...

Я сказал с некоторым торжеством:

— Потому что прошел насквозь, не только ничего не разрушив, но и оставшись незамеченным!.. А Милфорду откуда знать, когда какое королевство кончается, а какое начинается?

— Вообще-то вы правы, ваше величество...

— Посмели бы сказать иначе, — ответил я. — Я тиран мстительный и обидчивый. Королевство Мегольд такое же, как и остальные, там все города и села расположились по берегам рек...

Норберт пожал плечами.

— Это естественные дороги, ваше величество.

— Вот-вот, а все остальное — дикий лес, горы, болота и пустоши. И нигде не написано, какое это королевство.

Сэр Альбрехт сказал встревоженно:

— А если истоки той великой дороги, как ее упорно называет наше величество, поискать с помощью... гм... посмотреть с багеров? Возможно, уже

видели, но с большой высоты не обращали внимания, если ничего особенного, а только горящие леса.

Келляве сказал с тяжелым сарказмом:

— Да и не до наблюдений, когда все заняты некоторыми весьма приятными ритуалами...

— Ну да, — сказал Альбрехт, — а если и увидели внизу пожар, то мало ли их летом?.. Часто где-то что-то горит, а еще торфяники, обычное дело...

Норберт проговорил задумчиво:

— В предложении сэра Альбрехта, несмотря на... нечто зверское, есть и рациональное зерно. Хоть он и в шляпе с перьями.

Келляве пробасил:

— А он вообще не дурак, хотя, конечно, шляпа у него... да, шляпа у него вообще... Но когда без шляпы, то и не скажешь, хотя и хочется...

Норберт продолжил так же размеренно:

— Королевство Гарагоссия, через которое Демон Огня прошел, если верить его величеству, самое заселенное из всех в империи! И то Демон Огня лишь задел пригород небольшого городишко и сжег две лесные деревни, хотя прошел королевство из конца в конец по всей длине!..

Рокгаллер сказал в недоумении:

— Вы что, всерьез? Считаете, не стоит останавливать, пока не проломит все барьеры и не свяжет две-три империи чудовищной дорогой, если это в самом деле дорога, а не?.. Ваше величество?

Я в затруднении покачал головой.

— Мало ли что он творит по чьему-то указанию! Но мы это образование можем использовать как дорогу.

— Когда такая широкая, — сказал Келляве знающее, — даже с засадой ничего не получится! А то когда через лес, присматриваешься, не сидят ли на деревьях лучники, не притаились ли в придорожных кустах те, что выскочат за спиной.

После их ухода осталось тягостное чувство, что ближайшее окружение собираю для проформы. Решения и на Севере принимал я, но там часто подбрасывали дельные идеи, за которые хватался и даже среди словесного мусора находил перлы, которые обрабатывал так, что сверкали.

Но если вздумаю объяснять, что мир южан выше и развитее, чем наш на Севере, от меня отвернутся даже самые верные соратники. Потому каждый день между молотом и наковальней, на стороне северян — честь, достоинство и верность слову, а у южан — понимание того, что люди — подлые и ве-роломные скоты, на слово никому верить нельзя, каждый договор нужно скреплять подписями в присутствии свидетелей.

— Хурт, — велел я строго, — захлопни дверь и не открывай даже папе римскому.

— А отцу Дитриху? — спросил он.

— Даже, — повторил я, — если он уже стал папой римским! Хотя тогда не открывай тем более!

Он сказал в замешательстве:

— Да, сэр Ричард... Как скажете. Вообще-то отец Дитрих весьма строг даже к своим. Особенно к своим. Его друзья должны быть чище ангелов!

— Не открывай, — повторил я. — Мое величество изволит мыслить о высоком и непознанном! Перебивать нельзя, ибо...

Он кивнул.

— Знаю. Чревато боком.

На его лице отразилось безмерное почтение, словно вот сейчас я вызову самого Господа, кто у нас самый высокий и непознанный, и буду с ним беседовать в тиши кабинета и за чашами хорошего вина, божественного вина.

Я смотрел, как он тихохонько вышел в коридор. В щели мелькнуло лицо дежурящего там Периальда, а когда дверь тихонько закрылась, я большим пальцем потер колечко на указательном пальце.

— Серфик!.. Явись перед грозны очи повелителя...

Наверное, в Серфике есть что-то квантовое, я еще не договорил, а красное тельце с часто-часто машущими крылышками уже заплясало перед моим лицом.

Пахнуло сухим жаром, словно он все еще в недрах их плазменного мира, а его тельце раскалено до температуры солнечного ядра.

— Слушаю и повинуюсь! — пропищал тоненький голосок.

— Рад тебя видеть, красный дракон, — сказал я. — Ого, как ты подрос!.. Вон какой размах крыльев!.. Скоро в комнате не поместишься...

Серфик пропищал польщенно:

— Правда?..

— А сам не видишь?

— Нет, — ответил он печально. — Я вроде бы всегда такой. И должен таким прибыть. Или пребывать.

— Предначертанья нет, — заявил я твердо. — Все зависит от воли человека. А воля человеков зависит от моей воли, как ты уже понял, хоть ты и маленький, но вообще-то огромный. Так что рост будет!..

Хотя бы внутренний. Серфик, что у вас знают о таком демоне...

Я подробно рассказал все, что удалось узнать о Демоне Огня. Серфик слушал внимательно, хотя и пару раз кувыркнулся в воздухе от избытка чувств.

Когда я закончил, он в чисто человеческой манере развел крохотными лапками.

— Никогда ничего подобное не слышал, мой господин!..

— Жаль, — ответил я, — хотя я так и думал. Потому и не спешил тебя выдергивать в этот жуткий мир. Это я так, на всякий случай. Для галочки. Дескать, и эту возможность проверил... Все твердят насчет демона, но какой демон, если ведет себя как типовой терраформер?

— Что такое терра... формер?

Я отмахнулся.

— Да такой же реформатор, как и я, только выбрал себе работу попроще. С людьми вообще сложно, я бы тоже предпочел работать с землей, как Лев Толстой.

— А это кто?

— Да был такой демон, даже с церковью спорил... Понимаешь ли, у меня задача остановить этого реформатора, как тут пытаются остановить меня!.. Или уничтожить, хотя сердце кровью обливается. Потому да... ладно, хотя и жаль. Не верил, что проблему решим с помощью вашего мира, но... как бы все-таки верил. У нас, людёв, такое часто. Амбивалентны мы, как амблистомы. Ладно, возвращайся... Но еще понадобишься.

— Слушаю и повинуюсь! — пискнул он веселым голоском.

Красная искорка метнулась через комнату и рас-

таяла, хотя, конечно, так же просто переместиться из неподвижности, но это не так красиво, а Серфика создавали для красоты и увеселения, это я все приспосабливаю для работы.

Некоторое время смотрел вслед, вспоминая прошлые рассказы насчет их тревожащего мира, про саму природу демонов, которую так и не понял тогда, да и сейчас-то не очень.

Не знаю еще, что было в их Начале, то ли акт самозарождения, как аристотелевых мух из навоза, то ли были созданы древними людьми, чья мощь не поддается пониманию. Во всяком случае, моему, а если не понял я, то кто?

Однако, судя по рассказам Серфика, целью и стремлением всех и каждого демона почему-то стало возвращение в Плазменное Лоно, где можно пребывать в блаженстве.

Выныривали оттуда, только повинуясь вызовам тех, кто знал их имена, выполняли задания и, если маги их не оставляли у себя на постоянной основе, поспешно возвращались в огненную купель.

Однако, что главное и обнадеживающее для вообще-то эгоистичного человечества, это я сужу по себе, так как представляю его целиком во всей красе и блеске, это что все демоны, вне зависимости в вечном ли услужении человека или не покидают купели, все с самого Начала постепенно теряют свою мощь.

Когда я в прошлый раз выразил Серфiku свое сожаление, он безмерно изумился.

— Почему? Это же так прекрасно, если в конце концов удастся потерять себя всего и полностью раствориться в Первозданном Мире!

— Да? — спросил я озадаченно. — Гм, значит, мы, люди, еще на первой ступеньке вверх. Растворяться в сингулярности по Курцвейлу как-то не жаждем... Напротив, все отъявленные сепаратисты и независимники, а глобализм где-то в туманном будущем...

И вот сейчас, если так называемый Демон Огня вовсе не демон, то демоны пусть обождут. Немедленное восстание не грозит в силу особенностей их природы, а философские аспекты их бытия додумаю как-нибудь в свободное время... если появится.

— Хрурт! — крикнул я мощно. — Позови... нет, пригласи сэра Альбрехта!.. И помни, морда, он уже принц, потому над его красивой шляпой нехорошо гоготать ему прямо в лицо.

— А за спиной? — поинтересовался он.

— За спиной можно, — разрешил я. — За спиной все гогочут, но завидуют и копируют его наряды.

— Чё, — спросил он с недоверием, — и местные?

— Местные нет, — ответил я, — но наши уже начали... Беги!

Глава 6

Оставшись наедине, я рухнул за стол и стиснул ладонями виски. Император должен быть благостен и улыбающ, таким и показываюсь простому дворцовому народу, что сплошь из принцев, герцогов и графов.

Даже перед своими северянами стараюсь выглядеть бодрым и победно веселым, но проблема Великих Магов никуда не делась, а тут еще и этот гребаный Демон Огня тупо готовит нечто взлетно-посадочное, хотя уже не осталось тех, для кого это все, но сотрет

весь мир, потому что сам не остановится, энергию черпает везде, мир ею заполнен, только умей брать, а он, как свинья, поглощает ее отовсюду.

Альбрехт явился в красном с золотым жостокоре, остальное я не рассмотрел, только и осталось впечатление, что нафуфырен по самое не могу, работающая смычка с местным населением в действии, им довольноны, только я вижу, что внутри он еще севернее, чем многие из северян.

— О Демоне Огня? — спросил он. — Вижу. Сэр Ричард, вы уже научились держать морду лица, но если ваши тревоги замечаю я, то местные увидят тем более. Их этому с детства учат, они же интриганы с пеленок...

— О Демоне, — подтвердил я кисло, — Великие Маги вот-вот поднимутся на поверхность, но Демон уже здесь, хоть он и никакой не демон...

Альбрехт посмотрел очень внимательно. Я указал ему на кресло, он неспешно опустился, расправив фалды жостокора, но испытующий взгляд так и не отвел от моего лица.

— Ваше величество?

Я сказал без всякой охоты, чувствуя, что зависаю, как над бездной:

— Да ладно, пусть демон, но только особый. Могучий, но тупой.

Он спросил требовательно:

— А с тупым не проще как-то договориться? Обмануть?

— Как? — ответил я с тоской. — Нет у него ни глаз, ни ушей. С ним говорили на другом языке, древнем, который еще не изобрели. Так что этот терраформер... ну, это такой вид демонов, как бы демо-

нов, прет, повинуясь одной-единственной команде. Как действует и багер.

Он поинтересовался медленно:

— То есть он нечто типа багера, но... сам себе делает дорогу?

— Типа того, — подтвердил я. — Быстро схватываете, дорогой друг. Вы всегда были хитроумным, как Улисс или Одиссей, всегда их путаю.

— И куда он... двигается?

— Прямо, — ответил я сердито. — У багеров одна-единственная задача — возить... ну да, как бы всю эту разряженную публику, для того и создавали, а как же, а Демону Огня дали задание строить... то, что он строит.

— А отменить?

Я сказал раздраженно:

— Как? Его и создавали только для этой цели. Других он не примет, он вообще типа лопаты, что умеет только копать.

— Лопатой можно и по голове, — заметил он, — но я вашу невероятную мысль понял, хотя череп уже трещит. Так у него цель не навредить нам лично, а...

Он замолчал и посмотрел с таким выражением в глазах, словно знаю команду, как остановить, но по каким-то причинам разрешаю этому Демону Огня ломиться по королевствам.

— Его цель, — ответил я сердито, — преобразовывать в то, что делает. Откуда я знаю, для чего это делает? Как и вы, вижу только, что делает. И смутно понимаю, как делает. Но не больше. Видим лишь, что ему не важно, что перед ним: болото или гора. Все равно творит или сотоворяет, как ему и велено, идеально ровную площадку. И тянет на одном уровне.

— Да, — сказал он и зябко передернул плечами. — Я как-то успел увидеть, как сравнял высокий холм, будто его и не было! А дальше болото, говорят, бездонное, так теперь там бескрайний каменный плац, устраивай любые парады и военные маневры, места хватит.

— В общем, — сказал я, — за ним пусть наблюдают, как и наблюдали, но еще один отряд нужно тайно послать, чтобы поглядывал и по сторонам. Этот гад, что велел терраформеру укладывать взлетную полосу такой ширины, может ехать в сторонке и наслаждаться делом своих рук. Ребята могут просмотреть, у них задача — предупреждать тех, кто окажется на пути этого чудовища, потому нужны и нацеленные на другое люди...

Он кивнул, глядя очень внимательными глазами.

— Сегодня же отправлю. Мне кажется, вы знаете про этого Огненного Демона что-то еще?..

— Немного, — ответил я угрюмо. — Повторяю, это вроде наземного багера, вы их видели. Те поменьше, ездят только в пределах королевств, потому менее интересны, зато по земле. А этот не просто едет, иначе бы двигался куда быстрее, а еще и землю выравнивает...

— Это вы называете просто выравнивает?

— Преобразуя, — уточнил я. — Для каких-то целей, известных только древним создателям, что сгинули в Войнах Магов. Так что он предположительно безвреден...

Альбрехт отшатнулся.

— Да вокруг него земля горит на полмили!

— Но сам не нападает? — спросил я. — Это простой механизм... ну ладно, простой демон, создан-

ный выполнять только один приказ: подготавливать эту полосу. Когда-то кому-то была нужна, хоть и не в таких пределах, а сейчас какой-то маг отыскал зародыш, активировал его и... имеем то, что имеем!

— Зародыш?.. Ваше величество, так даже маги не делают! Ну насколько я слышал.

— На свете много такого, — изрек я, — что и не снилось нашим Горациям и не нашим Курациям... Вино будете?

— Спасибо, ваше величество, — ответил он церемонно, — но если бы ваше величество позволило мне выбирать, я предпочел бы то адское варево, которое именуете кофием...

— Нет на вас отца Дитриха, — проворчал я. — Хотя вообще-то вы правы. Кофе от Создателя, а вино от дьявола.

Он молча ждал, я сосредоточился, создавая кофе крепкий, сладкий и горячий именно в изящных чашечках из тончайшего фарфора, опустил обе на стол.

— Выбирайте.

Он взял ближайшую к себе, как и положено по этикету, с заметным удовольствием вдохнул бодрящий аромат, счастливо заулыбался.

— Волшебный напиток... Наверное, очень великий маг сумел его создать?

— Если скажу, — ответил я, — кто его обнаружил первым, вы посмотрите на него иначе. А так да, напиток волшебный и замечательный... Я только взял чашку, а в голове уже проясняется.

— Судя по вашему виду, его открыл какой-то престолюдин?

— Вообще не человек, — заверил я, — но существа эти хитрые, умные, зловредные... Еще чашечку?

— Если это не истощит ваши силы, ваше величество.

Я понизил голос:

— Сэр Альбрехт, Господь доверяет и помогает нам, но только в своей манере, чтобы мы даже не догадывались о Его помощи!.. Я чувствую, как растут мои силы, которые нельзя выказывать ни Тамплиеру, ни даже отцу Дитриху, чтобы не назвали меня Антихристом, но я не собираюсь кому-то вредить!

Он вздохнул, сделал глоток и только тогда заметил:

— Так не бывает. Помогая одному, вредишь другому. В то же время нельзя, имея такую мощь, ею не пользоваться. Вы в ловушке, сэр Ричард. Вы очень-очень много зла и боли причинили людям!.. Я только надеюсь, что когда будут взвешивать ваши тяжкие грехи, то другая чаша, на которую положат ваши добрые деяния, а они есть, сам видел, перевесит...

— Ну спасибо, — сказал я горько. — Императоры не должны задумываться о таком, иначе какие они императоры? А я вот... хоть в монастырь уходи.

Он допил кофе, внимательно посмотрел на меня поверх края чашки.

— Да, а туда вам нельзя... Демон Огня, Великие Маги... мне кажется, без Маркуса не обойтись. Ничего мы пока не придумали, а время идет... А с помощью Маркуса все решаемо. Одно ваше повеление, и на том месте, где шел Демон Огня, среди дремучих лесов появится проплешина с выжженной землей. Только и всего.

Я сказал тяжелым голосом:

— Сэр Альбрехт, о Маркусе лучше забыть... Да-да, для нашей же... даже не знаю, как это назвать. Во что превратимся, если будем перекладывать на пле-

чи Маркуса все наши затруднения?.. Вы же видите, во что выродились здесь на Юге?.. И все потому, что все решают Великие Маги!.. И едва на время ушли в пещеры, мы явились и взяли не одну, а фактически все империи континента голыми руками! Взяли бы и больше, но ладони у нас, как оказалось, не такие загребущие. Все посыпается, если попытаемся ухватить больше.

Он рассматривал меня внимательно, я поежился где-то в области селезенки, но внешне выгляжу, уверен, как и должен выглядеть мудрый и уже уверенный в себе император.

— Можно в карманы, — сказал он. — Или в сумку. Я отмахнулся.

— Да, не совсем удачное сравнение.

— А удачного в такой ситуации не подобрать, — ответил он. — Ваши слова звучат слишком разумно. Даже не верится, что это вы сказали.

— Ну спасибо, принц! Еще бы, у вас такая шляпа... Он пояснил с невозмутимостью:

— Слишком философски правильно... пусть и не применимо в жизни. Все-таки мы люди, а это значит, хватаемся за самые легкие варианты.

— Да, — согласился я, — но, зная их пагубность, для других можем открыть только трудные пути!

— Ваше величество?

— На которых окрепнут, взрастят волю и стойкость, научатся превозмогать невзгоды!

— А-а-а...

Он не сводил с меня испытующего взгляда.

— Потому вы, сэр Ричард, являясь паладином, говорите о необходимости церкви и ее инквизиции, а сами тайком пользуетесь нечестивой магией?

— Сэр Альбрехт, — ответил я уязвленно, — могли бы и не так прямо тыкать в глаза палкой. Да, мы должны учить народы жить так, как нужно, а не как живем сами! Потому Маркус хорош для короткого рывка, но плох для долгого развития. Развития не человека, общества.

Он кивнул

— Короткий рывок мы сделали, если иметь в виду захват Юга?.. И теперь Маркус должен... отойти в сторону? Словно его и нет?

— Точно, — подтвердил я. — Словно его и нет!.. Иначе ослабеем. Перестанем напрягаться. Только те народы, что напрягаются, доминируют над теми, что живут в тепле и неге!.. Насколько я помню, всегда северные варвары побеждали южан, живущих в комфорте! А потом сами изнеживались, их побеждали те, кто снова явился с Севера, а потом и те изнеживались...

Он взглянул несколько странно, в каких это старых книгах я такое читал, а я прикусил язык.

Глава 7

Сегодня день солнечный, женщины прогуливаются по аллее поголовно в шляпках с широкими полями. Величавые и молчаливые лакеи несут следом широко распахнутые зонты самых веселеньких расцветок, от алых до голубых.

Многие обмахиваются еще и веерами, это больше элемент красоты и кокетства, чем нужды. Эти штуки подчеркивают, какие они нежные и трепетные, к тому же поверх края так удобно, мило и вроде бы

невинно стрелять кокетливо глазками и бросать многозначительные взгляды, продолжая бесконечные любовные игры.

Келляве остановился рядом у края балкона, с другой стороны меня подстраховывает Альбрехт с таким серьезным видом, словно готовится удержать от самоубийства.

Оба как две крайности моей армии: Келляве в панцире, даже стальные поножи и наручни на месте, блестят хищно и воинственно, а сэр Альбрехт одет так, что и павлин удавится от зависти к блеску, красоте и живописной яркости костюма. А перья на шляпе раскинулись таким пышным куполом, что и нас с Келляве закрывают от солнца.

— Ваше величество, — проговорил Келляве, — что-то как бы идет криво... Или вообще не идет?

Я поинтересовался вяло:

— Вы о чем, граф?

— Да обо всем, — ответил он. — Неужели им все равно, что император у них не Скагеррак, которому все присягнули, а пришелец с дикого для них Севера?.. Мне все кажется, что прикидываются. И вот-вот нападут...

Я облокотился о перила, всматриваясь в гуляющих, Альбрехт помахал кому-то шляпой, а потом самым благожелательным голосом ответил графу через мою голову:

— Так мы не свергали Скагеррака. Трон был свободен и пуст!.. Мы заняли его, принимая как бы в благодарность от жителей за спасение от гибели.

Келляве сказал с тоской:

— Да вот только они как будто об этом и не знают. Живут себе так, будто нас и нет.

— Или знают, — уточнил Альбрехт, — что скоро мы все станем ими.

Келляве окинул его недружественным взглядом.

— Вы уже стали, герцог. Может, и на трон уже рассматриваете?

Альбрехт выпрямился, а я сказал торопливо:

— Но-но, тихо!.. Нам только распрай в нашем лагере не хватало. Напоминаю, Адам, сорвав запретный плод, отстоял право для своего потомства на самостоятельность. Господь сказал, ну и хрен с тобой, борись и ратоборствуй, а я проверю, насколько ты стоек духом. Потому и подбрасывает нам испытание за испытанием.

Келляве проводил гуляющих внизу недружелюбным взглядом, в котором мне почудилась и скрытая тоска. Там целая группка весело хихикающих женщин, ярких и беззаботных, как цветные бабочки, умело стреляют глазками в сторону идущих в сторонке мужчин, щебечут, чирикают, счастливые и довольные жизнью.

— Хорошо местным, — сказал он с завистью в голосе. — На них Господь махнул рукой. Теперь только пьют, едят да вволю блудят с чужими женами...

— Они же нищие духом, — напомнил Альбрехт. — а вот на нас Господь возложил... или, как говорил его величество, положил, а то и поклал! Потому должны нести с гордостью и смирением, мы же избранные. Нам Господь доверил нести, вот и несем. Горделиво и с задранными головами, как гуси свои толстые задницы к реке!

— Не ерничайте, герцог, — сказал я сухо.

Альбрехт ответил с легким поклоном:

— Мне больше не брать с вас пример?

Я смолчал: мир в самом деле перевернулся, если сам Альбрехт Гуммельсберг уже берет с меня пример, если не брешет. По крайней мере я замечаю, что он для меня все меньше становится примером, хотя к его советам прислушиваюсь с прежним вниманием.

Внизу придворные начали останавливаться, вдали на аллее показались трое быстро скачущих в направлении дворца всадников. Им поспешно давали дорогу, многие успевали поклониться, а дамы поспешно приседали, грациозно растопыривая платья.

Всадники промчались к зданию, впереди сэр Норберт, соскочил почти на скаку, бросил повод сопровождающему разведчику и бегом поднялся по ступенькам.

— Похоже, — сказал Келляве, — у него серьезные новости. Сэр Альбрехт...

Альбрехт буркнул:

— Да-да, у меня встреча с лорд-канцлером.

Они покинули балкон, я некоторое время смотрел, как в саду придворные играют в прятки, догонялки, женщины прыгают через веревочку, неуклюже подбирая длинные платья, отовсюду либо веселый беззаботный смех, либо томные вздохи и уверения, что здесь ничего недозволенного, все в рамках пристойности и что никто не видит...

За спиной прозвучали твердые шаги, Норберт подошел и встал рядом так близко, что я почуял от него запах лесной хвои и аромат костра.

— Сэр Норберт? — произнес я.

Он сказал тихо:

— Новости о герцогине.

Сердце мое застучало чаще, я не стал напоминать, что герцогиня при дворце как гусыня на базаре, спросил тем же тихим голосом:

— Давайте.

— Приобрела здание, — сообщил он, — довольно значительных размеров. Свободных не было, перекупила у принца Кегельшира.

— Так-так, — сказал я с бьющимся сердцем, — дальше! Особенности? Принц выставлял дом на продажу?

— В том то и дело, что нет. И даже не намекал никому, что намеревается продать. Я проверил.

— Значит, — сказал я, — предложенная сумма была весьма значительной?

— Подробности сделки не разглашаются, — ответил он кратко. — Но с большой долей вероятности вы правы, ваше величество.

— Где герцогиня?

— Отбыла в герцогство Клауренское, — сообщил он. — С этим что-то связано?

— Хотелось бы знать, — признался я. — Возможно, понимает, что форсировать события рискованно. У меня четыре любовницы, штат заполнен.

Он подумал, я видел, как двигаются складки на его лбу.

— Возможно, — сказал он медленно, — отправилась за дальнейшими инструкциями.

— Полагаете, она мелкая величина и действует только в узких рамках?

— Примерно так, — подтвердил он. — Герцогиня не выглядит как человек, который сам принимает решения в важных делах. Вспомните, там в герцогстве она отнеслась к вам без приязни, а потом вдруг сама пришла в постель!.. И здесь легла под вас вовсе не потому, что понравилась ваша грубость...

— Э-э, — сказал я предостерегающим тоном, — без подробностей, герцог, без подробностей! А то не

буду делиться с вами стратегически ценными сведениями в данной области. Да и не был я груб при первой встрече...

— Вот-вот, — сказал он невозмутимо, — она подталкивает вас к большей грубости, потому что принято считать, что мужчинам так больше нравится и потому хочется обращаться с женщинами грубо.

— То есть личные чувства приносит в жертву?

— Да.

— Так поступают все женщины при дворе, — напомнил я с горечью. — Им важно возвыситься. Все готовы в постели малость потерпеть ради карьеры, а мне как определить, кто искренен, а кто притворяется?

Он поинтересовался:

— А надо ли?

Я подумал, сообщил:

— Герцогиня Самантелла как-то сказала: неискренняя женщина до неразличимости похожа на искреннюю. В этом случае вы правы, доблестный друг, в постели какая разница?

Вечером я корпел над записями о сложном социальном устройстве империи и составляющих ее королевств, у всех свои особенности, и, когда Хруерт доложил, что в приемной дожидается лорд-канцлер, почти с облегчением велел пригласить.

Джулиан Варессер, лорд-канцлер империи Клондзейд, впечатляюще величественен с его крупным телом, массивной нижней челюстью на тяжелом, изрезанном морщинами лице, седыми усами вразлет с настолько бодро загнутыми кверху кончиками, что

сэр Норберт удавился бы от зависти, если бы способен завидовать тому, кто как выглядит и одевается.

Все в том же парике древнего покроя, что ниспадает крупными локонами до плеч, пряча уши и шею, а шейный платок из тончайшего полотна ниспадает пышной пеной до середины груди, величественнее фигуру трудно вообразить, но при взгляде на него я почему-то вспомнил, что мне по штату положено четыре любовницы, не больше, как в исламе всего четыре жены. Видимо, что-то в этой цифре либо сакральное, либо мистическое, те же четыре угла, четыре стороны света, хотя я скорее бы подумал насчет физиологического.

Четыре вообще-то и так с избытком для человека, который думает не только о женщинах, хотя в этом жарком климате в рационе преобладают мясные жирные блюда с большим количеством острых специй...

Но все-таки простому человека, от землепашца до принца, положена одна женщина, королю, помимо жены, можно держать любовницу вполне официально, а императору, оказывается, положено четыре. Но если для короля жена — для скрепления дипломатических уз, а любовница для любви, то для императора и жена, и любовницы все для работы, укрепления и влияния.

Сэр Джуллиан заметил мой ощупывающий его взгляд, поклонился и передал на удивление мало бумаг на подпись, ерунда всякая насчет продления временных привилегий, есть и такие в числе льгот, это чтоб не зарывались и знали, могут и не продлить.

Я быстро подмахнул, взглянул в его предельно серьезное лицо.

— Сэр Джуллиан, а почему такая несправедливость? Любовниц четыре, а жена одна?

Он ответил в замешательстве:

— Так в древних законах, ваше величество. Может быть, потому, что император может заводить вполне официально жену в каждом королевстве?.. А это, если подсчитать, сколько у вас королевств...

— Это другое дело, — сказал я заинтересованно, — а как насчет любовниц? Тоже по четыре? Или всего по две?

Он сказал с сочувствием, как мужчина мужчине:

— Увы, только по одной.

— Ну да, нечего королям равняться с императорами.

— Но это официальных, — уточнил он. — А остальных сколько угодно.

— Тогда жить можно, — согласился я. — А как насчет княжеств, герцогств, баронств?

Он развел руками.

— Ваше величество...

— Понял, — ответил я, — понял. Им не по рангу мои жены в их крохотных владениях, да и мне наглеть можно в пределах императорских протоколов. Хотя, конечно, можно сделать исключения в силу определенных обстоятельств. Каких именно, решим при случае и если такая острая необходимость возникнет.

— Ваше величество!

Я выставил перед собой ладони.

— Дорогой сэр Джуллиан! Конечно же, это не сегодня. Но как-нибудь, когда разделемся со всеми

противными противниками и возжелаем отдохнуть и развлечься... Да знаю-знаю, но разве не чувствуете зуд реформаторства?..

— Не чувствую, — ответил он с достоинством. — Устойчивость империи — в сохранении традиций!.. А хранитель традиций — император!

— У вас какой-то урод на троне, — посочувствовал я.

— Вы просто молоды, — сказал он грустно.

— Молодые все уроды?

— В какой-то мере, ваше величество, в какой-то мере. Все мы не такие сейчас, какими были. Стыдно вспомнить... Молодые стремятся изменить, а люди постарше — сохранить. Вам труднее! Вы молоды, но... уже император! Ваша суть требует ломать и строить, а императорская мантия предписывает осторожность при каждом чихе. Вот вы и это... волнительствуете.

Глава 8

Утром Альбрехт принес только что полученное от Милфорда сообщение, после прочтения которого я подскочил в кресле, словно подброшенный пинком. Его люди две недели мчались по прекраснейшему и ровному, как зеркало, плато, которое именую дорогой, хотя даже я не видел трасс шириной в полмили, но наконец-то это идеально выровненное пространство... оборвалось!

Милфорд коротко описал, как в сильнейшем волнении обшарили все вокруг и в конце концов наткнулись на лесную деревушку, уютно обжившую роскошную поляну посреди леса.

Такое положение, как доложили на всякий случай, дает все пропитание: дичь, рыбу из ближайшего озера, а на небольшой пашне, отвоеванной у деревьев, сеют зерно, которого хватает и для десятка коров, что добавляют в рацион молоко, творог и сыр.

Альбрехт молча выжидал, когда прочту и по второму разу, вникая в детали, я перевел дух, наконец-то хоть какие-то новости, повернулся к нему, он все еще наблюдает за мной со странным выражением лица.

— Живут?.. — переспросил я. — В лесу?.. Вы представляете? Да, там с вашей шляпой не погуляешь!

Он ответил несколько озадаченно:

— А что не так?.. Я таких деревень видел сотни.

— На Севере, — уточнил я, — а здесь?.. То-то. Живут в своей деревне и все делают без опеки Великих Магов?.. Прекрасно!.. Видите, и здесь люди есть. Вот из таких деревень начнется победное шествие.

Альбрехт напомнил суховато:

— Ваше величество, не возлетайте... Это у вас намечено, как я понимаю, что-то очень грандиозное. Но не сразу. Сейчас разобраться бы с этим Демоном Огня. Люди Норберта, как и было велено вами, нашли то место, откуда начал свой страшный путь. Что дальше?

— Ребята возвращаются?

— Пока нет, — сообщил он. — По вашему указанию обследуют там все вокруг. Хотя, чего ищут, и сами не знают.

— Подождем сутки, — сказал я. — Пусть ищут.

Он поклонился и отступил, даже помахал шляпой.

— В приемной члены кабинета, — напомнил он. — Ждут вашего внимания.

— Ведите, — сказал я машинально, тут же уточнил: — Пригласите!

Как только он удалился, Хруерт, не закрывая двери, поклонился кому-то в приемной. Вскоре в кабинет важно и с достоинством вошел лорд-канцлер, а за ним лорд Армстронг и граф Хьюрстон, все исполненные почтительности и готовности выполнять любые указания императора, даже если этим императором являются я.

Сэр Джуллиан поклонился строго и с достоинством, лорд Армстронг и граф Хьюрстон, выказывая предельную степень почтения, станцевали со шляпами в руках нечто такое сложное, что хоть в группу бродячих актеров, с голоду не пропадут

— Ваше величество.
— Ваше величество...
— Ваше величество!

Я широким жестом указал всем троим на кресла у стола.

— Садитесь, начнем без церемоний.

Без церемоний, правда, не обошлось, место поближе к императору во сто крат ценнее прочих. Сразу по моему приказу они сели, но спохватились и тут же начали пересаживаться, сообразуясь со сложной системой ранга, должности, титула, имущественного положения и древности рода.

Я нахмурился, все поспешно опустились на те сиденья, над которыми их задницы оказались в этот момент.

Я поднялся, намереваясь толкнуть речь, все разом встали и застыли в ожидании.

— Садитесь, — велел я с досадой, — этоrudимент почтительности северян к старшим по возрасту! Лад-

но, все понял. Буду говорить сидя, хотя речь сидящего звучит не настолько.

Они так же послушно опустились снова, на меня посматривают странно, переглядываются даже, чего раньше при Скагерраке наверняка не позволили бы ни себе, ни другому.

Сэр Джуллиан произнес уважительно-покровительственным тоном:

— Ваше величество, вас выслушают со всем почтением и вниманием, даже если вы ляжете.

— А что, — ответил я, — как-нибудь попробую. А сейчас ознакомлю всех вас с материалами, что собрал и систематизировал наш лорд-канцлер. Вас он наверняка уже посвятил в подробности, потому я выражу общую оценку верховной власти!

Они затихли, сэр Джуллиан произнес негромко:

— Все выполним, ваше величество. Извольте объявить вердикт.

— Как вы знаете, — сказал я, — королевства в отсутствие Великих Магов одно за другим начинают вести себя, скажем прямо, самостоятельно. И это нарастает! От простых грабежей, убийств и насилия, что особой угрозы не несут, бытовуха, начался захват тронов! Это тоже терпимо, однако узурпаторы, не имея опыта власти, приведут страны и державы к хаосу, голоду и гражданским войнам!

Лорд Грейгер Армстронг, которого Самантелла представила как земельного магната, медленно поднялся, поклонился в мою сторону.

Тяжелый парик древнего покроя все так же ни- спадает овечистыми ушами до середины груди, в этом он похож на лорд-канцлера, локоны крупные, плотно прилегают один к другому, лицо массивное,

надменно величавое, хотя и одутловатое, под глазами трехъярусные мешки, но взгляд ясен, прям и во-прошающ.

— Ваше величество, — произнес он таким же мас-сивным голосом, как и вся его фигура, — это неиз-бежный процесс.

— Неизбежный?

— Большинство, — пояснил он, — все еще уверены, что Багровая Звезда Зла вот-вот уничтожит все на земле. Вот и боянят напоследок!.. У разбойников есть надежда, что если их и схватит стражи... хотя та тоже ушла в грабежи, то не успеет довести до тюрьмы. Весь мир погибнет раньше.

— Это объяснение, — прервал я, — а что предлага-ете, лорд Армстронг?

Он ответил так же ровно:

— Ничего не делать, ваше величество. Вот-вот вый-дут из укрытий Великие Маги...

На лица остальных словно упал луч света, даже тусклые глаза заблестели, как у котов в темноте, только сэр Джуллиан тут же вздохнул, вспомнив, что его тог-да ждет, едва заметно нахмурился.

— А если не выйдут? — спросил я рассерженно. — Что за детское стремление все перекладывать на Ве-ликих Магов?.. Или выйдут, но не восхотят утира-ть вам сопельки и убирать за вами какашки?.. Господь, о котором здесь забыли, надеется, что каждый из че-ловеков будет работать в меру сил и украшать создан-ный им мир!

Сэр Джуллиан вспомнил, что негоже лорду-кан-цлеру уступать свое место лидера лорду Армстронгу, поднялся и, отвесив мне поклон, проговорил рокочу-щим голосом:

— Ваше величество! В отсутствие сдерживающей власти Великих Магов появилась возможность захватывать более слабых соседей. А кто из оставшихся со своим народом королей от такого откажется?

— А препяды, — поинтересовался я, — между королевствами?..

Он улыбнулся снисходительно, словно разговаривает с ребенком.

— Только с виду непреодолимые, ваше величество. Ну да, непреодолимые для больших и очень больших армий!.. Но можно отобрать небольшие особо имперские части, которые сумеют спуститься по руслам рек, что нанизывают десятки королевств на одну нить, и захватить власть в объятом беспорядками стольном городе!.. А это значит, захватить и королевство.

Я ответил кисло:

— Да, это осуществимо.

— Кое-где уже, — сообщил он. — Да, произошло. Мы всю инициативу отдали Великим Магам, но у людей она не исчезла так уж совсем и полностью.

— И на что эти захватчики надеются?

Он ответил со снисходительной усмешкой:

— Великим Магам все равно, кто на троне. Нам они известны тем, что не допускают войн между королевствами. И даже широкомасштабных мятежей и переворотов. А еще они в достаточной мере заботятся о населении. По крайней мере в нашей империи не бывает засухи, наводнений, опустошающих страну болезней...

Я ответил уязвленно:

— Вообще-то люди и сами с таким справляются. А испытания только укрепляют дух, волю и даже тела. Потому захваты в целом хороши для человечества,

но неприемлемы для империи, где реформы пойдут сверху, как и принято в культурном государстве при деспотическом режиме. А что преграды между королевствами вроде рек или горных хребтов не останавливают, это и козе ясно. Непреодолимы для купцов с их тяжело нагруженными караванами, а хорошо обученная армия пройдет везде! Непреодолимыми их делала только Власть Великих Магов.

Граф Хьюстон вздохнул.

— Что им еще надо? — спросил он с досадой. — Империя и так не вмешивалась в местные дела королевств!.. Или вмешивалась? Насколько я знаю, нет. Метрополиям важнее доходы. В смысле, платите налоги, а там хоть на головах ходите.

— С другой стороны, — сказал сэр Джуллиан, — почему энергичному правителью не попытаться вторгнуться в чужую страну, если там можно убивать, насиливать и грабить?.. Ради такой великой и благородной цели, ваше величество, можно потерпеть тяготы тяжелого перехода на чужую землю!

На него покосились с недоумением: все-таки лордканцлер плоть от плоти южанин, отпрыск древнего и благороднейшего рода, но говорит настолько дикие вещи, что просто невероятно, как он быстро поменял свою позицию, как только вспомнил, что его благополучие связано с благополучием этого узурпатора власти.

Я произнес веско:

— Сэр Джуллиан, традиции традициями, но мы пришли с Севера, где другие нравы и традиции! Мы не принуждаем вас принять наши ценности, хотя могли бы... да-да, я о Маркусе, которого из деликатности не показываем так уж явно, но уже то, что по-

бедили прежних владельцев, говорит о нас достаточно четко и ясно.

Они слушали в каменном молчании, я смотрел на их лица и понимал: пробить эту стену будет трудно. Даже грозный Маркус, ужас поколений, за нашими спинами поможет мало. Ценности можно опрокинуть только другими ценностями...

— Мы не намерены, — добавил я, — опрокидывать ваши ценности видением своих идеалов, однако соуживаться как-то придется. Я говорю достаточно деликатно?.. Перво-наперво я жду от вас полного отчета состояния дел в империи еще и по налоговой базе. Вы привыкли, что Великие Маги устраивают все ваши дела, потому потеряли дух предпринимательства, авантюризма и свободы творчества в имперских масштабах, но мы терять и не подумаем!..

Граф Хьюрстон бросил робкий взгляд на сэра Джуллиана, тот высится в кресле, как обломок древней скалы, неподвижный и суровый, молчит, а я кивнул графу.

— Сэр Франк?.. Что вы не решаетесь сказать?

Он торопливо вскочил, поклонился.

— Ваше величество... Вы разрушили Башни Великих Магов, что наверняка ослабит их мощь, однако...

— Договаривайте!

— Однако, ваше величество, — договорил он послушно, — они вряд ли согласятся со всеми вашими... новшествами. В чем-то, безусловно, будут против. И стоит ли нам начинать вводить что-то такое, угодное именно сегодня вашему величеству, но что не одобрят Великие Маги? Может, стоит немного подождать?.. Может быть, они как раз выходят из убежищ в этот момент?

Я ощущал, как нервно дернулась щека, такое со мной впервые, в самом деле нервничаю на самом глубинном уровне нейросетей.

— Спасибо, граф, что высказались честно и прямо. Вы правы, Великие Маги не только могут быть против, но и наверняка будут. Никто не любит, когда у него отбирают власть, даже если на публике и говорят, что тяготятся этой властью.

Он чуть приободрился, спросил вежливым голосом:

— Тогда как, ваше величество?

— Наша линия верна, — отрубил я, — мы ее будем вести! Демон Огня ведет свою, а мы свою. И посмотрим, кто кого передемонит, хоть мы и христиане. Хотя, конечно, на какие-то компромиссы придется пойти, в чем-то Великим Магам уступим, как и они нам... Но главное, в чем не уступим, — самоуправление!..

Они трое смотрели понимающими глазами политиков, дескать, какой же император откажется от власти, если надеется ее удержать?.. Но только Великие Маги вряд ли возжелают идти на какие-то компромиссы с мелким человечиком. Для них что император, что крестьянин одинаково мелкая величина с высоты их величия.

— Работайте, — сказал я резко, — вы знаете, что делать!.. Если что непонятно, обращайтесь прямо ко мне. К тому же принц Гуммельсберг постоянно во дворце, всегда придет на помощь. Помните, сейчас вся гражданская власть в ваших руках!

Лорд-канцлер, не шевельнув даже губами, проронил негромко:

— В ваших, ваше величество. В ваших.

— Мы военная администрация, — уточнил я. — Обеспечиваем защитой от мятежей, законность и спокойствие. А правите вы!

— Под вашим руководством, — уточнил он с тем же непроницаемым лицом.

— Да, — согласился я. — Но правите. Если не справитесь, править возьмемся мы... Все свободны, лорды!

После их ухода я заново пересчитал количество дней, затраченных Милфордом на поиски начала пути Демона Огня, озадаченно присвистнул. Все эти дни и недели ломал голову, как остановить Демона Огня, жадно читал донесения разведчиков, по каким местам уже прошел Демон Огня и куда сейчас вторгнется, потому сообщения от Милфорда начал воспринимать уже почти рутинно...

— Сэр Альбрехт, — сказал я, — взгляните на карту. Вам не кажется?..

Он посмотрел, провел пальцем по пунктирной линии, оглянулся на меня, затем снова вперил взгляд в карту.

— Кажется, — согласился он, — но на самом деле не кажется.

— Вот-вот!

— Демон Огня, — сказал он задумчиво, — пришел к нам из империи Великих Гор. А до этого прошел ее наискось, хотя и не через центр, а больше по краю, а до этого прокол путь через леса и горы империи Великих Гор!.. Люди Милфорда сейчас там!..

— Далеко забрались, — сказал я. — Что значит, страна наша велика и обильна, но порядка в ней нет, тем более таможни и людей с зелеными... шлемами.

— Наша страна? — уточнил Альбрехт.

Я отмахнулся.

— Не приписывайте мне людоедства, прынц. Ни-
чию землю не считаю своей, я демократ и гуманист
с сердцем диктатора. А если что-то и захватываю, то
с горечью души и всякий раз как бы творю молитву!

Глава 9

Еще двое суток прошли в непривычно для меня
мучительном ожидании сообщений от Милфорда. На-
конец Альбрехт почти вбежал в кабинет такой яркий,
словно влетела гигантская бабочка редких расцветок,
крикнул без всяких поклонов и расшаркиваний:

— От Милфорда!

— И вы здравствуйте, — ответил я, тщательно
успокаивая резко застучавшее сердце. — Как здоро-
вье?

— Идите в жопу, ваше величество, — ответил он
сварливо. — Вы все еще не умеете скрывать свои
человеческие, несмотря на императорство, чувства.
Морда лица уже пышет жаром, а глаза как у дракона
при случке с толстой коровой... Милфорд наткнулся
на Зачарованное Место!

Я указал на кресло, Альбрехт сел, но тут же вско-
чил, вытащил из нашитого на жостокоре кармана
смятый листок бумаги.

— Вот его каракули. Пока вчитаетесь, скажу, что
весь отряд, рассыпавшись по местности, шел по рас-
ширяющейся спирали, как вы и велели...

— Думаю, — буркнул я, — такое велеть необяза-
тельно. Сами понимают.

— А разве вам не приятнее знать, что все удачное делается как бы по вашему повелению? В общем, один из разведчиков заорал, что наткнулся на то проклятое место!

— Так-так, — сказал я, — чего-то подобного ожидал, если честно. С этими Зачарованными Местами еще придется... Как оно выглядит?

— На болоте, — сообщил он и, спохватившись, сел, вглядевшись в меня строгими серыми глазами стального цвета. — Как чаще всего.

— Так и должно быть, — ответил я. — Когда-то болота покрывали не только там земли, но в других местах болота ожидали высохли, лес вырастал и сгнивал от старости, а закапсулированный участок так и остался в той эпохе, в какую погрузили то ли некие бомбы времени, то ли системы предохранения от внезапного нападения.

Его глаза сузились, я спохватился, ну да ладно, прокалываюсь уже не первый раз. Мои близкие привыкли к тому бреду, который несу, а из этих несвязных мышлизмов я как бы вот и черпаю или хотя бы выуживаю ценные идеи.

Он понял, что продолжения не будет, император спохватился, что сболтнул лишнее, произнес с ощущением ноткой иронии:

— Ваше величество...

— И вам того же, — буркнул я.

Он ждал, а я продолжал старательно вчитываться в сообщение Милфорда. В самом деле каракули, чувствуется, писал в седле, он из тех, кто всегда весь в работе, старается все делать быстро и по максимуму.

— Похоже, — сказал я наконец, — это стандартный силовой барьер.

Альбрехт спросил быстро:

— Стандартный?.. Вы такие уже видели?

— Да так, — ответил я с неопределенностью в голосе, — слышал как-то... но от людей весьма осведомленных. Этот барьер не только препятствует, но и... препятствует. Ибо назначение у него такое... Ничего и никуда. Когда говорю «ничего», то в самом деле ничего. Даже пространство и время там остались прежние... И что Милфорд?

Он вздохнул, ничего из меня выудить не удалось, кроме чего-то совсем уж пугающего, хотя я сказал почти безразличным тоном.

— Милфорд просто так не отступит, вы знаете... Но, выполняя ваш приказ, он велел даже не пытаться проникнуть через барьер, как вы говорите, силовой, проехал по его периметру, там не больше сотни ярдов, нанес на карту и послал это сообщение. Эх, отца Дитриха нет на этот барьер!.. Он бы его святыми молитвами...

— Милфорд точно отступил?

Альбрехт напомнил:

— Вы же сами запретили любые попытки проникать вовнутрь таких пагубных мест!

— Их дело разведывать, — напомнил я, — а не экспериментировать! Для этого есть другие люди вроде Карла-Антона. Но все равно лезут, несут потери...

— А кто бы не полез, — ответил он. — Но люди Милфорда в самом деле отступили. Наверное, после того, как попробовали и поняли, что не пробиться. Нанесли на карту и отправили сообщение сэру Норберту лично. Он тут же передал мне.

— Могли бы мне сразу, — сказал я.

— Вы были заняты, — ответил он.

— Ладно, — велел я. — Давайте подробнее. По их данным, Демон Огня вышел из того Зачарованного Места?

— Это предположение, — ответил он и взглянул на меня с удивлением. — А разве неясно?

— Почти согласен, — сказал я. — След начался прямо от края Зачарованного Пятна?

Он покачал головой.

— Предвидя такой странный вопрос, ваше величество, я уточнил специально. У вас они бывают настолько странные, что их лучше не игнорировать... Каменная дорога, как вы называете такое образование, началась в полумиле от болота. Дальше без разрывов и виляний пошла прямая, как стрела.

Я переспросил на всякий случай:

— Не прямо из Зачарованного Пятна?.. Тогда оно ни при чем?

— Милфорд, — ответил он, — тоже уточнил и перепроверил. Считает, что Демон Огня вышел без всякого огня, а потом вспомнил, кто он есть, и начал изрыгать дьявольский жар, которого не найти и в самых больших котлах ада.

— Это предположение, — сказал я. — А факт, что если эта штука и связана с Зачарованным Местом, то не так уж напрямую... гм...

— Или ему велели не прикидываться человеком, — сказал он.

— Или включился, — пробормотал я. — А то и кто-то его включил... Какие багеры туда ходят?..

— Близко — никакие, — ответил он немедленно. — От ближайшей причальной пирамиды миль двести — триста.

— Жаль, — сказал я, но тут же уточнил: — Хотя это

хорошо. Все, что нас не убивает... Есть оправдание не тащить свиту. Мой Зайчик уже застоялся, а Бобик давно не ловил ничего в лесу.

— Он и живет на кухне, — напомнил Альбрехт. — Кормят от пуза, зачем бегать за дичью, сапоги топтать?

— А романтика? — спросил я. — Мало ли какие глупости делаем ради азарта, чести и бахвальства перед курами?.. Так что быстренько смотаюсь туда и обратно. Каким багером поближе?

Он подошел к карте на стене, ткнул пальцем.

— Вот. Проходит там каждые двое суток. Зачарованное Место расположилось в княжестве Зааненское. Сообщения с ним нет, да никто им и не интересуется, места дикие. Налоги, естественно, не платят. Но не потому, что не платят, а не собирают из-за недоступности.

— Теперь доступно, — сказал я зловеще. — Трансконтинентальная скоростная магистраль уже связала ряд королевств, княжеств и герцогств! Эпоха раздробленности заканчивается!

Он взглянул на меня со странным выражением.

— Ваше величество... вы уж признайтесь, Демона Огня выпустили вы?

— Сэр Альбрехт, — сказал я с укором.

— А что, — ответил он, — он делает то, на желательность чего вы как-то намекивали пару раз достаточно прозрачно.

Я прервал:

— Когда ближайший багер?

— Сегодня, — сообщил он, — но ближе к полуночи. Ночь в пути, утром там. А дальше... в самом деле, что для императора триста миль?

Возможно, он хотел сказать, что для бешеной собаки сто верст не крюк, у всех народов и культур есть аналоги этого крылатого выражения, но смолчал, только продолжал пытливо рассматривать меня холодными глазами цвета стального клинка.

До вечера, когда прибудет багер, еще несколько часов, я в нетерпении походил по кабинету, уже начинаю понимать, почему особо нервные в таких случаях бросаются даже на стены, заставил себя сесть за рабочий стол и задуматься, как перестроить управление империей, начиная, естественно, сверху.

Правителей помнят только по военным победам или поражениям, но на самом деле почти все их усилия уходили на управление державами, а войны были только эпизодами, даже если и сильно растянутыми во времени.

Несмотря на общий протекторат Великих Магов, здесь сложилась сложная структура правления, что-то вроде абсолютной монархии, ограниченной родовитой аристократией, геронтократией, меритократией, плутократией, олигархией, тимократией, на которую теперь еще наложилась наша военная демократия с элементами вождизма. Хорошо хоть теократии нет в помине. Хотя и плохо.

В такой системе сам черт ногу сломит, но местные не заморачиваются, живут и работают, нас воспринимают как элементы стихии типа грозы или урагана, что при всей их монстризме просты и предсказуемы, к тому же сейчас гроза, а завтра уйдет, рассеется, испарится.

Со своей стороны я, как наиболее верховная власть, соизволю иметь дело на постоянной основе только с лорд-канцлером, а уж как он мои приказы

и распоряжения внедряет с помощью своего аппарата, меня как бы не волнует и даже не интересует.

Главное он знает, если где-то не исполнят, туда прискажут мрачные варвары, для которых зарезать человека даже знатнейшего происхождения что комара прихлопнуть, и все сразу наладится.

После ухода Альбрехта из канцелярии сэра Джуллиана доставили затребованные мною материалы о соседских империях, что граничат непосредственно с нашей, а теперь уже моей империей Изначального Света, хотя все мы, северяне, предпочитаем именовать ее не так высокопарно.

Я разложил бумаги, как пасьянс, состыковывая будто на карте, отдельно открыл папочку с собранными сведениями на императоров Тимбершира, Огиля и Краланиса Грозного. Сейчас они в пещерах пережидают конец света, но в их империях продолжается смута, всегда найдутся те, кто обвинит императора в трусости и предательстве по отношению к своему народу и попытается захватить власть.

Жаль, багеры ходят только в пределах империй, а если быть скрупулезно точным, то это сами империи сложились в пределах их радиуса, так что нельзя съездить к соседу и проверить, как там у него дела.

Правда, у скайбагеров маршруты проходят именно над планетой, а не над империями, как у багеров, но скайбагеры слишком далеки от народа.

Придется посоветоваться снова с герцогиней Семантеллой Херствардской, это она сообщила про соседей и даже про императоров Златогельда Ходонергера и Незру, что правят в Ярборейской империи и в Великой Империи Небесной Воли, те дальше от Клондзайда, но это не значит, что безопаснее...

— Хурт! — крикнул я. — А, ты уже здесь?.. Что-то ты совсем тихий как мышь стал, а как храпел на посту, как храпел!.. А храп — признак доблестного воина, что живет недолго, но красиво!.. Знаешь, придется тебя государственным секретарем сделать, а то как-то неприлично посыпать такого красавца за принцами и принцессами.

Он охнулся.

— Меня? За что?.. Лучше Периальда!

Я спросил с интересом:

— А чем он лучше?

— Он спит и видит! Но можно и Ульмана, этот вообще никуда не годен, кроме государственной службы.

— Ладно, — сказал я, — подумаю. В самом деле, как это я до сих пор и без секретаря?.. Или у меня он коллективный?.. Кого вижу, тот и секретарь?.. Нет, пора упорядочивать это дело. Передай вниз по этажам, что изволю сегодня узреть герцогиню Херствардскую.

Он уточнил:

— В постели?.. Я имею в виду, попозже к ночи?

— Дурень, — сказал я беззлобно, — если женщина, то как без постели?.. Но на самом деле по работе. Так что да, попозже к ночи.

Он исчез, я некоторое время в возбуждении походил по кабинету, ни о чем другом думать не могу, как об этом Демоне Огня, наконец ухватил шляпу и вышел в коридор.

В нижнем зале дождал Альбрехт, а на выходе во двор граф Келляве, я молча кивнул им, позволяя идти рядом, но не слишком отвлекать от возвышенных мыслей вселенского масштаба, куда герцогиня в постели никак неходит.

Однако увидел ее еще до наступления вечера, едва только углубился по аллее в сад, в движении думается лучше и свободнее, словно я один из парапитеков или перипатетиков.

Вряд ли она искала со мной встречи, я передвижусь достаточно хаотично, чаще всего вообще не придерживаюсь дорожек, я же нарушитель по натуре, а сейчас, беседуя с Альбрехтом и Келляве, просто вышел на параллельную аллею, где я и увидел герцогиню Самантеллу Херствардскую во всем ее блеске и величественной красоте.

Слуга за нею несет зонтик, хотя солнце уже опускается к горизонту и не покроет постыдным простолюдинным загаром аристократически бледное лицо.

С Самантеллой молодая женщина с веселыми игривыми глазками, следом ташатся трое придворных щеголей, соревнуясь в изящности комплиментов.

Увидев меня, остановились, мужчины склонились в поклонах. Заметались перья на шляпах, подметая плиты двора, женщины присели, спутница Самантеллы уставилась на меня обещающими все на свете глазами.

— Герцогиня, — сказал я и, обратив взгляд на ее спутницу, добавил: — И...

Женщина прощебетала сладеньким голоском:

— Николетта, ваше величество! — Николетта Вайнврайт.

Я разглядывал ее в упор, как на базаре козу, императору можно все — изящная куколка, отливающие серебром волосы уложены в сложную прическу, где выделяются букли такого же размера и фасона, как у герцогини, только расположены наискось, что необычно и придает некую добавочную прелесть, как

бы продолжение расположенных под точно таким же углом вытянутых скул.

Тонкую шейку плотно охватывают ожерелье с крупными жемчужинами и красная ленточка с бантом справа.

Я видел, как переглянулись Альбрехт и Келляве при взгляде на эту ленточку. Тоже некий условный знак, здесь вся дворцовая жизнь на таких знаках, намеках, и от того, справа или слева бантик, можно понять самое главное: можно ей сегодня впередолить или лучше, не теряя зря времени, искать более готовую к совокуплению.

Я кивнул, отпуская, вся группа с сожалеющим видом продефирировала мимо, Альбрехт пробормотал:

— Николетта Вайнврайт... Что-то я о ней слышал...

— Да точно слышали, — сказал я сварливо, — И собрали о ней все, по глазам вижу!

— Я не Дарабос, — ответил он, — зачем мне собирать все обо всех? Охрана, к счастью, не на мне.

— Но Дарабос ваш вассал, — напомнил я едко. — Потому чувствуете, что за него в ответе. Ладно, проехали... Эта куколка точно не отодвинет леди Мисшеллу. Хотя отсутствие мушек на ее лице настораживает.

— А не внушает?

— Нет, — возразил я. — Скорее, нацелилась сорвать куш побольше, потому вся безмушечная.

На стоянке экипажей только у одного суетятся слуги, поднимая на предусмотренное сзади место большой сундук. Красиво одетая пара наблюдает и указывает, куда что поставить, по голубым волосам женщины я издали узнал Жанну-Антуанетту, а затем и ее мужа, маркиза Антуана.

Слуги первыми заметили наше приближение, засуетились старательнее. Маркиза оглянулась через плечо, очень красивый и выразительный жест, глаза в таком ракурсе у любой женщины смотрятся выигрышно.

— Ох... ваше величество!

Глава 10

Маркиз поспешил развернуться, кукольно прекрасный в его сверкающем серебром парике с безукоризненными трубочками буклей у висков, опускающихся до середины ушей. Лицо сильно напудрено, глаза подведены черным и синим, на щеках свекольно-яркий румянец, сам весь нарядный и настолько выставочный, что хоть сейчас за витринное стекло.

Расшитый золотом светло-фиолетовый жостокор, под ним веста и рубашка, веста расстегнута до пупа, чтобы было видно во всей красе роскошнейшее жабо рубашки, а еще и белоснежный шарф-платок на шее, скрепленный булавкой с крупным изумрудом, концы спускаются до середины груди, белоснежные манжеты, вышитые золотом галуны от плеч и ниже, короткие облегающие штанишки, заканчивающиеся под коленями, а дальше кружева, напоминающие края ночной сорочки...

Хотя что это я, здесь и мужчины облачиваются в такие сорочки, ложась спать. Это я, дикарь, привык спать бесстыдно голым. Или на худой конец элегантно нагим. А то и вовсе культурно обнаженным.

Он станцевал замысловатое приветствие, делая сложные па и в тант выписывая в воздухе замысловав-

тые восьмерки шляпой на всех уровнях, наконец замер в поклоне, выставив вперед ногу в белоснежном длинном чулке и в замшевой туфле.

— Ваше величество, — сказал он с таким чувством, что даже голос дрогнул, — вы приняли личное участие, чтобы спасти меня! Я в вечном долг...

Я отмахнулся.

— Да бросьте, маркиз! Такие пустяки. Вы вроде бы мой подданный?.. Я обязан заботиться о своих людях, где бы те ни находились.

— Ох, ваше величество...

— И обеспечивать им защиту, — договорил я, повышая голос, — начиная с юридической и заканчивая силовыми вариантами, о которых умалчиваем, но народ все равно о них знает или догадывается, чем и гордится.

Жанна-Антуанетта из глубокого приседа возразила горячо:

— Нет-нет, вы сделали больше, чем просто император!

Я сказал уже почти недовольно:

— Езжайте, маркиз, не вгоняйте меня в краску. Неловко, когда благодарят за пустяки.

Он поклонился и поспешил подняться в экипаж. Слуги закрыли дверцу, Альбрехт дал сигнал кучеру, тот тут же взмахнул кнутом над лошадиными задницами.

Кони с готовностью начали разбег в сторону дальних ворот. Альбрехт поинтересовался:

— Управлять имением?

— Да, — живо подтвердила Жанна-Антуанетта, — без надзора слуги наглеют, а управитель еще больше!..

Если хоть полгода не появляться, я не представляю, что там начнется!.. Наверное, и дом рухнет.

Келляве окинул ее оценивающим взглядом. Жанна-Антуанетта, как и все женщины дворца, смотрится ярко и благоухающе, словно сказочная бабочка, слетевшая с небес, а глядя на ее милое лицо и счастливую улыбку, сам начинаешь улыбаться, как дурак без всякой видимой причины.

Альбрехт покосился на графа и сказал моим голосом:

— Да, маркиза, теперь за работу!.. Во славу империи и растущего подъема сельского хозяйства!

— Я всегда готова, — ответила маркиза и посмотрела на меня тем особым женским взглядом, который говорит о предельной готовности отдать жертвенно его величеству все, что имеет женщина, кроме жизни, вещей и денег. — Как будет угодно императору.

— Сегодня отдыхайте, — обронил я, — а потом да, принц Гуммельсберг сказал верно, все за работу!.. Ломать камни скорее всего вас не пошлем, но без работы не оставим. В моей империи все имеют право на свободный и радостный труд во имя! Чтобы в поте лица, как велел Господь.

Альбрехт повернулся и посмотрел на закатное небо.

— Ваше величество...

Я вздохнул.

— Вы правы, пора. Жанна, доброй ночи...

На обратном пути попадается все больше женщин, на этот раз все в пастельных тонах: от лент в высоких прическах до кончиков туфлей, к вечеру принято переодеваться, как и к обеду, мужчины держатся

позади, скромные и молчаливые, выставив впереди жен, дочерей и племянниц.

Мы прошли, убыстряя шаг, у главного здания ждет лорд-канцлер, за ним скромно держится один из его помощников, долговязый и нескладный, я обратил внимание на длинные кружевные манжеты до кончиков пальцев, не представляю, как с такими можно работать, это же заметил и Келляве, буркнул:

— Этот точно не работает. Зато, наверное, за вином быстрее всех бегает.

Лорд-канцлер выступил вперед и поклонился.

— Ваше величество, вы велели...

— Сэр Джуллиан, — сказал я как можно более веско, — мне предстоит отлучиться на сутки, а то и больше. Из дворца. Постарайтесь не устроить переворот, мятеж, а тем более фронду. И не подожгите тут все... И посторонних баб не водите, своих девать некуда.

Он отшатнулся, шокированный.

— Ваше величество!.. Как же двор без императора?

— Мир неспокоен, сэр Джуллиан, — напомнил я. — Правители в пещерах ждут конца света, а брошенные на верную гибель подданые грабят и захватывают троны!.. Я отправлюсь с инспекцией на дальние рубежи ради мира и спокойствия империи. Или вы против мира и спокойствия?

Он даже отступил от такого страшного для государственного деятеля обвинения.

— Ваше величество!

— А что, — сказал я, — мир и спокойствие — это стабильность, но грабежи и всеобщая смута дают соблазнительные перспективы что-то ухватить для дома, семьи и нашей настолько блестательной империи, что глаза режет?

— Ваше величество, — запротестовал он, — как только Великие Маги выйдут из убежищ, все смутьяны будут наказаны!

— На что намекаете, — сказал я подчеркнуто зловещим голосом, — сэр Джуллиан?.. С Великими Магами надеюсь договориться.

Он поклонился, ответил, пряча от меня глаза:

— Да, ваше величество. Как скажете, ваше величество.

Я проследил, как отступает, пятясь до самых ступеней, голову так и не поднял, уже знает, император не совсем дурак, хоть и северный варвар, по глазам поймет, насколько он не верит, что с Великими Магами удастся договориться вообще, а уж мне и подавно.

Альбрехт сказал хмуро:

— Пора.

Я хотел было свистнуть арбогастру, услышит на любом расстоянии и прибежит, распутивая народ, но на меня и сейчас смотрят сотни пар глаз, вон подходят торопливо и снимают шляпы, а женщины хватаются за юбки, чтобы грациозно присесть и не наступить на подол.

Альбрехт кому-то махнул в свойственной ему аристократической манере, слуги вдали ринулись в сторону конюшни.

— Может, — сказал он без всякой надежды, — все-таки с отрядом?

— Мы прижаты к стене, — ответил я. — Каждая минута на счету.

— Да это понятно...

— Только посмотрю, — объяснил я, — а то такую хрень несут эти разведчики.

Он сказал злым голосом:

— Точно в то Зачарованное Место не полезете?

— Точно, — заверил я не моргнув глазом. — Я уже император, пусть другие лазят! А я буду указывать, кому куда лезть и какие песни петь во славу моего великого величества. Не волнуйтесь, сэр Альбрехт, я наглею быстро!

— Да это мы все заметили, — буркнул он. — Ладно, если через сутки не вернетесь, поведу туда армию!

— Через двое, — сказал я. — А лучше трое. Никто не знает, что там! Только чувствую, как и вы, что раз началось там, то и разгадка может быть в том же месте. Или в другом.

Посыпался дробный и красивый щелчок копыт. Двое конюхов, держа с обеих сторон под уздцы арбогастра, бегут в нашу сторону, лица испуганно-счастливые.

— Ваше величество, извольте...

Арбогастр, сверкая блестящей черной кожей, горделиво тряхнул роскошнейшей гривой и, наклонив голову, уткнулся лбом мне в грудь.

Я взялся обеими руками за его щеки и звучно поцеловал между глаз.

— Я люблю тебя, мой боевой друг!

Сбоку мощно пихнуло огромное и такое же горячее черное тело, Бобик требовательно подставил и свою голову.

— А как тебя люблю, — заверил я, — толстый мой жрун!.. Сейчас подрастяsem твой висцеральный, подрастяsem... Да и бока у тебя как у баронессы Редгрейв, только задница у нее пока шире...

Он посмотрел на меня с мимолетной обидой, но тут же весело взбрькнул и сделал вокруг нас стреми-

тельный круг, его вожак стаи изволит шутить, по голосу понятно, а слова могут быть разные.

— Не рискуйте, — сказал Альбрехт снова, — время героизма осталось по ту сторону океана.

— Наша родина, — возразил я, — на подошвах наших сапог!.. Где мы, там и наши идеалы. Правда, на вас уже местные туфли... А шляпа так вообще, всем шляпам королева, а то и вовсе императрица!

Он смолчал, шуточки императора бывают обидными, поди разберись с ходу.

Я поднялся в седло.

— Трое суток, — напомнил я строго. — Трое суток никаких поисков!

Все верно, бешеной собаке сто верст не крюк, сперва на багере, а оставшиеся триста миль на арбогастре с бегущим впереди Бобиком.

Я с пространственной ориентацией не очень, не представляю, как эти дуры-птицы осенью улетают за моря-океаны, а потом после зимы возвращаются в те же гнезда.

Зато для таких продвинутых эволюцией существуют карты, я дал понюхать Бобику и велел искать село, что расположено вот тут, видишь, прямо у самого леса, дураки набитые, лесные кабаны придут ночью копаться в огородах...

Еще в Волсингсбюре просмотрел то немногое, что узнал о княжестве Зааненское, на землях которого и существует с самых древних времен Проклятое Болото, а когда несся от причальной пирамиды через владения еще двух самостоятельных князей и одно баронство, узнал ближе к концу пути от встреченных крестьян, что князь Колозерд добр и милостив, особо

не притесняет, хотя в своем лесу охотиться не разрешает, но позволяет собирать грибы и ягоды, а также заготавливать сушняк на зиму.

Еще ближе к его дворцу наткнулся на углежогов на окраине леса. Эти, боязливо косясь на огромного Адского Пса и на арбогастра, чьи глаза горят таким же багровым пламенем, торопливо поведали, что да, вон в той стороне с месяц тому полыхало жуткое пламя, лес горел, оттуда доносился даже грохот, но потом все отдалилось, лес там выгорел дотла, а теперь там каменная площадка такая ровная и красивая, как будто ее готовили для короля...

— Благодарю, — сказал я и бросил им серебряную монету, — с какой стороны лес начал гореть?

— Вон оттуда, господин...

Зайчик рванулся в ту сторону, уловив по движению моих ног, куда нужно. Бобик обиженно взвизгнул и ринулся догонять, а потом понесся впереди через лес, пугая лесных жителей.

К местному князю я заезжать не стал, слишком велика честь принимать самого императора. А еще неизвестно, что у него за жена, вдруг старая, а дочери уродины, да и вообще, нужно поменьше отвлекаться на формальности приема у местных правителей, пусть даже это и льстит мелкому самолюбию.

Глава 11

Деревушка крохотная, всего семь домиков, правда рассчитанных на большие семьи, добротных и массивных, сложенных из толстых бревен. Все приподняты на фундаментах, то ли из-за талых вод, то ли

еще почему-то, сельскую жизнь не знаю, хотя весьма упорно добиваюсь подъема и расцвета сельского хозяйства, это, как слышал где-то, для державы очень важно.

Я еще не въехал на окопицу, а с улицы разбежались, как вспугнутые воробы, дети, теперь пугливо наблюдают за нами через невысокие заборы, особенно за огромным черным псом с багровыми глазами.

Да и сам я, понимаю, не совсем привычный углежог. Не каждый день между домами лесной деревушки проезжают всадники на огромных черных конях, когда хоть и не в золоте, но в явно дорогой одежке, а у коня вся сбруя в золотых бляшках.

Женщины остались во дворах, вместе с детьми смотрят поверх заборов, а мужики вышли на улицу, сняли шапки, кланяются.

— Староста? — спросил я.

Из группы мужчин вышел кряжистый бородач, степенно поклонился.

— Господин... Меня зовут Якоб Томлинсон. Я местный староста... чего изволите?

— Просто проездом, — сообщил я небрежно. — Зайду к тебе напиться воды да поеду дальше.

Арбогастр, оставшись без хозяина, подошел к забору, посмотрел на калитку и, подумав, с хрустом оторвал засов и начал с удовольствием, как ребенок хрустит леденцом, жевать железку.

Бобик, гордо выказывая, что он вхож туда, куда копытному вход заказан, успел проскочить внутрь дома раньше хозяина.

Староста поспешил забежал мелкими шажками, неприличными для такого могучего взрослого, спросил искательно:

— Господин?..

— Вообще-то император, — сказал я и сел на лавку, развернувшись к нему лицом, — но в такое разрешаю не верить. Я здесь не воду пить и не баб таскать на сеновалы. Ваша деревня ближе всех подобралась к Зачарованному Месту...

— Болоту?

— Пусть Болоту, — согласился я. — У вас болото, у других лес или Каменная Плещь, но везде эта опасная опасность... Рассказывай, как ходите туда собирать клюкву или морошку и что, кроме ягод, находите еще!

Он замер посреди комнаты, осталбенелый и насмерть испуганный.

— Ваша милость!.. Да как же... да никто к тому проклятому месту и близко не подходит! Говорят, всего колотить начинает, как только подходишь ближе, а если продолжать переть, то и копыта можно в сторону!

Я смотрел с недоверием, он ясно испуган и говорит правду. Но похоже, что-то недоговаривает, так что правда не совсем правда, если она не со всех сторон полная правда.

— Значит, — сказал я с нажимом, — кто-то все-таки ходит. Отвечай, Томлинсон, и говори скорей, какие добрые дела ты сделал для людей? Отвечай как перед святым Петром, кто там бывает?

Он замотал головой с такой страстью, что уши почти захлопали по его лицу, как у спаниеля.

— Ваша милость!.. Никто, клянусь. Разве что Агня, но она, можно сказать, и не из деревни вовсе!.. Сама по себе живет, нас не спрашивает. Не наша, в общем. Мы за нее не отвечаем!

Сердце мое, как гончий пес, ощущивший след зайца, встрепенулось и насторожило уши.

— А где тогда эта Агния, которая не живет в деревне, но о которой все знаете?

Он сказал упавшим голосом:

— За... околицей. И не знаем о ней ничего. Часто бывает в лесу без всякого страха, на болоте собирает травы. К ней ходят за снадобьями.

— Ведьма, — сказал я с удовлетворением и ожиданием, что вот сейчас начнет уверять, что никакая не ведьма, а лекарица, знахарка, вон такого-то и такого-то вылечила, однако он покорно кивнул.

— Да, ваша милость, это в ней есть.

— И, — сказал я, — как это... у нее?

Он ответил погасшим голосом:

— Потому и живет на отшибе. Я еще совсем ребенком был, когда ей там домик построили. Только при мне троих... погубила, так говорят.

— Может, — предположил я, — просто не смогла вылечить?

Он потряс головой.

— То были крепкие парни. Крепкие, но больно наглые. Других задирали, иной раз грабили кого, а самое главное, родителей не слушались!

— Да, — согласился я, — это такой редкий грех, что просто преступление. Надо наказывать!.. Но точно ходила не только по краю болота, но и... дальше? Свидетели есть?

Он сказал истово:

— Точно!.. Видели, как шла-шла, а потом исчезла!..
Только воздух задрожал, как над головой при жаре...
Вышла только к вечеру, сама не своя, но никому не

рассказывает, что видела на той стороне, хотя вернулась бледная и перепуганная.

Я поднялся, подошел к окну, староста понял и молча указал на окошко с другой стороны. Из него видна уходящая из деревни улица, а где-то за пару сотен ярдов под могучими липами приютился аккуратный домик, заметно старый, но не развалился.

Кровь пошла по венам совсем горячая, нагревая и мозг, а в нем мысли начали метаться суматошнее.

— Что-то оттуда вынесла?

Он ответил уклончиво:

— Всякое говорят. Как и о ней самой. Я пожил на свете, знаю, люди частенько преувеличивают, но в ней есть что-то ненащенское. Ее побаиваются и не хотят сближаться, а причины есть, я говорил... Потому на околице, подальше от остальных. Вроде бы и в деревне, и в то же время отдельно.

— Что, — поинтересовался я, — и мужчины боятся?

Он ответил рассудительно:

— А кто не побоится? Мы люди мирные, неприятности никому не нужны. А причины, как уже сказал, есть...

— А конкретно?

Он ответил уклончиво:

— С теми, кто ее обидит, вскоре что-то да случается. Двое углежогов, что хотели с нею позабавиться, вопреки ее желанию, сгорели в своей яме, а еще один, что приставал к ней и угрожал, что если она не пойдет с ним, то он ее дом подпалит, по дороге обратно попал под упавшее дерево. Хребет переломило, два дня мучился, орал, пока не помер...

— А не могло быть случайностью?

Он вздохнул.

— Могло бы, но через недельку тут у нас гостили двое из соседней деревни. Узнали, что одинока, родни нет, никто не заступится, ну и пристали к ней... Не знаю, было ли что у них, но утром, когда возвращались, оба утонули в реке. А речка у нас такая, куры вброд переходят!

— Это меняет дело, — согласился я. — Уж и не знаю, как надо упиться... Да и то если уж дошли до реки, то могли бы даже ползком на тот берег... Хорошо, пойду с нею знакомиться. Мне дозарезу нужен человек, который что-то знает насчет этого Зачарованного Болота.

Он взглянул с некоторым испугом.

— Это опасно... Хотя у вас такой пес и такой конь...

— Да, — согласился я, — что я без них бы делал?

Хотя, возможно, я сглупил, что прибыл в одиночку...

Он сказал с уважением:

— Вы мудрый человек, хоть и богатый!

Я, в свою очередь, уставился на него с подозрением.

— Ты чего?

— Признаете, — ответил он почтительно, — что ошиблись! Такое редко у кого, а у знатных так вообще...

Я отмахнулся.

— Так это хвастаюсь, что сейчас я умнее, чем был даже минуту назад. Вот так я все умнее и умнее... Нам нужен тот, кто побывал бы в этом Зачарованном Болоте, а потом вернулся. Эта женщина весьма как бы вполне.

Он пожал плечами.

— Господин, слухи о таких случаях ходят, но я бы не придавал им значения. Слухи бывают самые разные.

Я кивнул, соглашаясь, прав, но у меня нет выбора.
— Проверим!

На улице народ боязливо толпится в сторонке от арбогастра, но дети оказались смелее взрослых и таскают ему обломки старых подков, ржавые гвозди, а он меланхолично жует, к ужасу взрослых и восторгу детворы.

Бобик, спасаясь от солнечного зноя, лег в тени под плетнем, но все равно смотрится таким чудовищем, что подходить к нему не решаются.

Похоже, всплыла мысль, эта женщина на отшибе из тех немногих, в ком пробудилась так называемая дикая магия, а это как раз то, в чем женщинам нет равных. Дикая, как и вся магия, не от ума, а на эмоциях, а в истерике и умении скандалить женщинам нет равных, никто спорить не рискнет.

Магия вообще вся на интуиции, но мужчины не могут не привносить логику, из-за чего, упорядочивая приобретенные знания, одновременно затрудняют дорогу к высотам самой магии.

У женщин получается намного легче, однако именно потому и не поднимаются к вершинам. И никакого парадокса, здесь чем больше рассудка и понимания процессов, тем слабее сама мощь магии.

С другой стороны, Верховных Магов слабыми не назовешь, но у них сила в концентрации и умении применять магию именно кинжално, прицельно, точно, а женщина, чтобы уничтожить лису, укравшую курицу из ее двора, готова с лисой превратить в пепел и половину окружающего леса.

Арбогастр неспешно бредет следом, копыта мерно постукивают по сухой дорожке, а Бобик то носится кругами, то забегает вперед. Сейчас добежал до избушки ведьмы, но вскочить вовнутрь не успел, я при-

крикнул, и он послушно вернулся, только тоскливо скульнул голосом обиженного щеночка, которому придавили лапку.

Глава 12

Женщина вышла навстречу, как только стало понятно, что иду именно к ее избушке, что значит, тоже наблюдала за мной, что и понятно, сам я красавец, а Бобик и Зайчик так вообще просто необыкновенные по красоте и величию.

Рослая, с широкими плечами, но пояс тонок, бедра широкие, лицо выдает возраст, где-то под сорок — пятьдесят, по местным меркам чуть ли не пожилая, но я вижу женщину в полном физиологическом расцвете, плюс у нее умный, пытливый взгляд и, похоже, неплохие манеры.

Я остановился, а Бобик, не слыша в моем голосе запрета, подбежал первым, обнюхал, следом подошел арбогастр, сунулся мордой в ее прическу с высоты своего роста, попробовал жевать, но выплюнул, повернул голову и с хрустом отломил кончик бревна, торчащего с крыши.

— Здравствуй, — сказал я, — ты красивая женщина. Даже не подумал бы, что ведьма. Ведьмам положено быть уродливыми.

Она грустно усмехнулась.

— Я никому не вредила.

— Знаю, — согласился я. — Видишь, и сам не боюсь, что мне повредишь...

— Вам повредить трудно, — ответила она. — У вас ~~вон~~ сколько защитных амулетов. Вы, должно быть,

очень знатный господин... Да и собачка у вас такая, что разве что императору... А конь так и вовсе.

Я кивнул Бобику.

— Видишь?.. Может быть, я только благодаря тебе и стал императором?.. Ну и арбогастру, Зайчик, не обижайся!

Она перевела взгляд на арбогастра, потом на Бобика, наконец, взглянула в упор на меня. В ее глазах я не увидел страха, только сомнение.

— Так вы...

— Император, — согласился я. — Но это не важно. Считай меня тем, кем удобнее. Я как бы полевой император, есть у нас такое понятие. Расскажи о себе, раз уж это княжество оказалось в моей империи.

С замедлением на ее лице наконец-то прступили изумление и замешательство.

— Ваше величество... простите, я не знаю, как вам положено кланяться... и не понимаю, чем вдруг заинтересовала...

— Такие люди всем интересны, — заверил я, — только не все решаются с вами заговорить. Присядь.

Она послушно присела на колоду, куда я кивнул, я сел напротив на деревянный ящик. Ее глаза расширились, когда в моих руках появились две хрустальные вазочки с блестящими шариками красивой пирамидкой.

— Бери, — сказал я и протянул ей одну. — Можно бы вина, но после него почему-то принято совокупляться, этикет здесь такой... да и вообще, принято, иначе как бы зачем и пить?.. Ешь, это вкусно.

Она нерешительно лизнула, глаза стали еще шире. День жаркий, а шарик пахнут зимой и свежестью,

на вкус же что-то вообще немыслимое по местным меркам.

— Ваше величество... вы... маг?

— Да что-то в подобном роде, — ответил я с небрежностью, — некогда было разбираться в тонкой грани между магией и чудесами. Как видишь, мне довериться можешь.

Она осторожно грызла один за другим шарики, наконец покачала головой.

— А я вот создавать ничего не умею...

— Точно? — переспросил я. — Даже нечаянно?

Она вскинула на меня взгляд насторожившихся глаз.

— А разве так можно?

— Бывает, — сообщил я. — У меня есть подозрение, что Демона Огня кто-то не создал, а выпустил нечаянно. А теперь дрожит и прячется от наказания.

Она медленно опустила вазочку, где на дне осталось два последних шарика.

— Вы про тот пожар, что начался в трех милях отсюда... а потом угас...

— Не угас, — уточнил я, — а пошел отдаляться. И все еще идет через земли, пугая людей и зверей, выжигая леса и болота. Доедай мороженое, расскажи о себе.

Рассказывала она бесхитростно и послушно, я слушал и проникался, в душе росло гаденькое чувство, что меня миновал этот мир, в котором жила она.

Родилась в бедной семье, отец умер рано, мать от безысходки вышла за грубого мужика, что с первых дней изнасиловал девочку, ей тогда не исполнилось и семи лет. И потом насиловал еще пару лет, приводил с собой пьяных дружков, ее били и тоже на-

силовали, наслаждаясь детскими слезами и криками о помощи.

Наконец, убежала из деревни, но везде, где скиталась, одинокую молодую женщину били, насиловали, унижали, заставляли выполнять самые мерзкие работы.

Я сказал понимающие:

— Именно тогда в тебе и проснулась эта... дикая магия?

Она помолчала, пытливо взглянула мне в глаза.

— Я не хотела. Так получилось само.

— И теперь получается, — уточнил я. — Это защита организма, все нормально. Мужчина защищается кулаками, зайца спасает быстрый бег, а ты сумела вот так... Если женщину не могут защитить мужчины, она имеет право защищаться так, как... удастся.

Она продолжала рассматривать меня без страха, даже с печалью в темных глазах, словно предвидела, что случится нехорошее, сожалела о нем, но предотвратить даже и не попытается, по мне видно, бесполезно.

— И что теперь?

Я пожал плечами.

— В отношении тебя?.. Да ничего. По всем слухам, ты ни на кого не нападала, это главное. А что защищалась, как говорят законники, с непропорциональным применением силы, так ты ж и не могла точно рассчитать силу... Вот я бью комара, смотри, сел мне на руку... Еще не укусил даже, а только вытянул хоботище... ого, какой длинный... И тут я наглеца... Ишь самого императора посмел! Мало ему простолюдинов...

Я осторожно подвел ладонь и с силой хлопнул по руке, а потом брезгливо сковырнул смятое тельце.

— Тоже непропорциональное применение, — пояснил я. — Он еще не укусил... или уже успел? В любом случае я мог ему за такую наглость ногу оторвать, пусть скакет на пяти оставшихся, или хобот попортить, а я вон как бесчеловечно!

Она невесело усмехнулась, но продолжала наблюдать за мною со всем вниманием.

— Люди не комары.

— Люди должны отвечать за свои поступки, — сказал я. — Зло должно быть наказано. Да, не всегда удается в нашей жизни... Но когда удается, надо наказывать за себя и за того парня, что постоять за себя не сумел. В общем, к тебе претензий нет. А кто предъявит, ссыльайся на мою монаршую волю... и мое позволение давать сдачи. Только сама не увлекайся.

— Спасибо, ваше величество, — сказала она. — Но я вижу по вашему лицу, что от меня что-то хотите?

— Да, — ответил я, — как и все мужчины, чтобы ты задрала платье на голову и повернулась ко мне пышным задом. Да ты и сама догадываешься, что хочу, по нашим честным мужским лицам всегда все видно.

Она чуть улыбнулась.

— Видно. Но только не верю.

— Почему?

— У вас в столице столько красивых и богатых женщин...

Я отмахнулся.

— А если я сторонник здорового образа жизни и предпочитаю натуральное?..

Ее щеки слегка окрасило румянцем.

— Это... как?

— В городах только с виду здорово, — сообщил я. — На самом деле больных там во много раз больше, чем на селе. Здесь чистый воздух, а если что не понравится, можно выйти на окопицу, в лес, он же рядом, пройтись по болотам, собирая ягоды... У вас как здесь болота?

Она вроде бы чуть-чуть насторожилась, посмотрела внимательнее.

— Болота как болота... а что вас интересует?

— Ты уже догадалась, — сказал я. — По глазам вижу. Тебя как зовут?

— Агния, ваше величество.

— Ах да, — сказал я, — Агния... говорят, ты ходила в Зачарованные Земли.

— У нас таких земель нет, — ответила она.

— Ну Пятна, — сказал я с благодушием властелина, — Места, Болота, везде по-разному, а суть одна. Думаешь, только у вас такое счастье?..

— Это счастье?

— А что ж еще? — ответил я вопросом на вопрос. — Куда иначе девать романтиков?.. Они же такое устроят, если не суметь направить их на красивую гибель! Желательно приносящую пользу государству.

— Это вам? — уточнила она.

— В точку, — согласился я. — Люблю умных женщин. Империя — это я вообще-то. Так как, говоришь, ты ходила?

Она посмотрела в удивлении.

— Да так и ходила. Ногами, как все.

— Все в Зачарованные Места не ходят, — напомнил я.

Она пожала плечами.

— Боятся, вот и не ходят. А я не боялась, вот и прошла когда-то... Не понравилось, больше не ходила.

Я сказал быстро:

— Значит, ты по своей воле могла войти... и смогла выйти?

Она кивнула.

— Когда подходишь, начинает всего колотить... и такой страх, что всякий поворачивает назад!..

— А ты?

Она сказала со вздохом:

— У меня жизнь была тяжелая. Отучили бояться.

— А как обратно?

Она прямо посмотрела мне в глаза.

— Еще страшнее. И такая боль, что вот-вот упаду и умру. Но я прошла и... осталась живой.

— Эх, — сказал я, — как же хреново, что как императору мне нужно делать только то, что надо, а не то, что жаждется, как любому дураку. То есть когда-то сходим с тобой в то Зачарованное Место.

Она тихонько охнула, глаза округлились.

— Ваше величество!

— У меня жизнь тоже непростая, — ответил я. — И боль, и холод, и голод, все терпел и превозмогал, так что когда-то попытаюсь пройти с тобой рядом. Но не сейчас. Хотя и хочется.

Она покачала головой, не отрывая от моего лица внимательного взгляда.

— Да, вы не похожи на императорского сынка, что родился в неге и роскоши... Но, ваше величество, я недосказала! Находились те, кто все-таки пытался пройти, сцепив зубы и стараясь преодолеть страх и боль...

— Ну-ну?

— Падали мертвыми, — договорила она.

Я подумал, вздохнул.

— Если припечет уж слишком, вернусь. На моих плечах и горбатой спине империя!.. И если почую, что могу сделать еще шаг, хоть крохотный, я его сделаю. А теперь давай рассказывай, что ты там видела.

Как я и ожидал, рассказать ничего не могла, только разводила руками в воздухе и пыталась как-то обрисовать, как я больше догадывался, чем понимал, видела огромные проржавевшие конструкции, изломанные, исковерканные, скрученные неведомой силой так, что иногда ей казалось, что так все и создали неведомые Маги, с ними всегда все непонятно, нигде ни души, нет ни птичек, ни даже мух.

— Вымерший мир, — сказал я в нетерпении, — или уничтоженный. Теперь говори, что оттуда вынесла?

Она округлила глаза.

— Ваше величество!.. Ничего я не брала...

— Врешь, — сказал я. — Мне тоже приходилось бывать в некоторых, да чтоб я чего-то не прихватил на память?.. Люди даже могилы грабят без стыда и совести, зовутся археологами, а здесь все честнее!.. Мир мертв, ничто никому не принадлежит, бери все, что хочешь.

Она покачала головой.

— Все равно...

— Да ладно, — сказал я с досадой. — Даже если мир мертв тысячи лет, что-то спереть всегда найдется. Вон фараоновым могилам сколько, а все еще грабят!.. А ты же не грабительница, просто подобрала на

дороге то, что валялось брошенное. Или не на дороге, но все равно хозяев давно нет.

В ее глазах промелькнуло некоторое замешательство, сердце мое радостно подпрыгнуло, а то уже начал сомневаться, оклеветал женщину.

— Нет, — ответила она без прежней убежденности, — ничего я не брала.

— Взяла, — возразил я. — Понимаешь ли, император простолюдинов видит насквозь. Верю, что не взяла ничего ценного. Но что же взяла?.. Говори, клянусь короной и троном, никаких репрессивных мер! Я сам такой, выносил и выносить буду. Все мы люди, даже император.

Она сказала со вздохом:

— Ваше величество, вы правы, я не взяла ничего ценного. Мне с детства говорили, чужого братья нельзя. И я ничего не брала!.. А то, что у меня оказалось в кармане, я даже и не помню, когда захватила... Только дома уже и обнаружила...

Сердце мое подпрыгнуло.

— Что это было?

Она произнесла упавшим голосом:

— Совсем мелкие камешки, но блестящие, как стекляшки. Разного цвета. Думаю, я взяла их как-то не думая, смотрела на другое... С детства хотела ожерелье. Почти у всех женщин ожерелья из речных камешков, ракушек, стекляшек, монеток... Вот я и подумала, что хорошо бы...

Я сказал с облегчением:

— Не получилось? Слишком твердые?

Она взглянула с прежней пугливостью.

— А вы откуда знаете?

— Я ж говорю, — сказал я, — у меня тоже были. Ожерелья на тебе нет, так что показуй! Я же не сиськи прошу показать.

Она ответила печально:

— Сиськи бы я показала, а вот камешки... Я их в тот же день отдала кузнецу, чтобы нанизал на ниточку. Не получилось, слишком твердые.

— Сейчас у кузнеца?

— Да...

Я поднялся, злой и бодрый, велел:

— Веди!

Глава 13

Бобик сразу же понесся впереди в щенячьем азарте, оглянулся, мы идем сзади неспешно, и в нетерпении пошел кругами. Арбогастр подумал и, звеня удилами, потащился за нами, мерно постукивая по утоптанной дороге широкими копытами.

Женщина мялась, все пыталась что-то сказать, но не решалась, наконец, произнесла тихохонько:

— Господин... кузнец ни при чем...

— Ну-ну, — подбодрил я, сердце застучало громче, — что ты с ним сделала?

— С кузнецом?

— С той штукой, из которой вылупился этот Демон Огня!

Она охнула, отступила в сторону и даже споткнулась.

— Разве такое можно?.. Страшные вещи говорите!.. Просто кузнец на меня косится, не любит, а его подручный, Автандер его зовут, очень даже умелый на все штуки. Коней подковывает лучше и быстрее хо-

зяина, любую вещь из железа изготовит, вообще все умеет...

Я сказал мирно, стараясь не пугать ее еще больше:

— Понял. Что тебе старый кузнец, когда можно отдать молодому да умелому на все, как говорится, руки?.. И ты отдала этому красавцу?

Она сказала упавшим голосом:

— Да... хотя он не красавец.

— Не трясишь, — посоветовал я, — мужчины все красавцы, если не бездельники и что-то умеют делать. А бездельники совсем не красавцы, даже если красавцы.

Чуть ободренная, она сказала поспешно:

— Обещал сделать, но пока не получается. Говорит, очень прочные, материал какой-то особый.

— Знаю, — подтвердил я. — Но один камешек как-то сумел. То ли в огне долго держал, то ли молотом лупил... а может, бракованный попался. С теми вообще непонятно, чего ожидать.

Она с обреченным вздохом указала на стену деревьев, за которыми исчезает тропка.

— Вон там за лесом его домик.

Деревья с каждым шагом отодвигаются в сторону, открылся даже не домик, а настоящий каменный дом, небольшой, но от фундамента до крыши из тяжелых глыб, что и понятно, работающие с огнем должны жить в домах из негорючих материалов.

Я остановился, сказал строго:

— Возвращайся. Лучше поговорю с ним наедине.

Она сказала умоляюще:

— Господин...

— При тебе будет запираться, — пояснил он. — Гордость не позволит сказать правду. Все мы при

женщинах держим гонор. Для него же лучше, если тебя не будет видеть.

Она ответила тихо:

— Да, я знаю. Мужчины все боятся себя уронить.

Я подождал, когда поворот дорожки скроет ее фигуру, за это время из домика никто не появился, все в порядке, прошел быстро и настороженно, толкнул дверь.

Первым через порог заскочил Бобик, но сразу же дисциплинированно сел, жизнерадостно распахнув чудовищную красную пасть с острыми клыками, знает по опыту, за шалости выгоню.

В глубине комнаты в мою сторону повернулся молодой крепкий мужчина, широкие плечи, бычья шея, могучие руки со вздутыми бицепсами.

Лицо его напряглось при взгляде на Адского Пса с его горящими красным глазами, застыл на месте, поглядывая на меня зло и настороженно.

— Дверь не запираешь, — сказал я, — уверен, что грабители не явятся?

Он смерил меня взглядом, полном неприязни.

— Ко мне никто не ходит, — ответил он недружелюбно. — А кому я нужен, идут в кузницу.

— Ты мне нужен по другому делу, — сказал я. — Где те камешки, которые тебе передала Агния?

Он набычился, я буквально ощутил, как от него повеяло враждой и почему-то страхом.

— А кто вы... что вот так...

— Вообще-то император, — ответил я любезно, — но это не важно. По мне не видно, что я император, хотя Агния, умная женщина, сразу признала меня им... правда, по собачке и конику. Ответствуй, тля дрожащая!.. Что ты с ними сделал?.. Каким образом вы-

свободил чудовище, которое называют просто и по-народному ясно и образно Демоном Огня?

Он все еще поглядывал на смирно сидящего черного пса, но страх на лице проступает все заметнее, и этот страх явно не потому, что Бобик рассматривает его очень внимательно.

— Я ничего не делал!

— Врешь, — сказал я. — Знаешь, императору задавить человека проще, чем котенка пнуть... Животных жалко, а чего жалеть людей? Так что я сперва тебя разрежу на части тупой пилой, а потом скормлю этой милой собачке и моему коню. Мой конь тоже жрет человеков. Зайчик!

В распахнутую дверь просунулась громадная голова арбогастра, такая же черная, как и у Адского Пса, и тоже с багровыми, как горящие угли, глазами.

Взгляд его уперся в подмастерье кузнеца, затем обратился ко мне.

— Я скоро, — пообещал я. — Подожди малость.

Арбогастр как бы кивнул, потому что задел головой верхний косяк двери, там затрещали камни, посыпалась пыль, а следом рухнули тяжелые глыбы.

Бобик злорадно оскалил зубы.

Я перевел взгляд на помощника кузнеца.

— Так что или рассказываешь, или...

Он выпрямился, в голосе прозвучал страх и в то же время злость, никто не любит, когда входят в его дом и прижимают к стене.

— Я ничего не знаю ни о каком Демоне Огня!

— Все знают, — сказал я, — а ты нет?.. А чего у тебя волосы вон справа сгорели?.. Ах да, ты же подмастерье кузнеца, с горном работаешь... Бобик!

Бобик метнулся из положения сидя, метнулся с такой скоростью, что я только увидел смазанное движение.

В следующее мгновение он уже держал распластанного на полу несчастного за горло.

— Ну что? — спросил я. — Еще не хочешь рассказать все и подробно?

Я обошел его неспешно, вытащил меч и, тщательно прицелившись, вонзил острие в то место штанов, где у мужчин гениталии.

Автандер ухитрился сдавленно завопить, хотя челюсти Бобика сжимают ему горло достаточно туго.

— Готов? — спросил я.

Он знаками и мимикой дал понять, что готов на все. Я свистнул Бобику, тот отпустил подмастерье, отступил и снова сел, чистенькая благовоспитанная собачка, хотя и размером чуть побольше пони.

Автандер со стоном ухватился за пораженное место, между пальцами потекла кровь.

— Это потом, — сказал я с нетерпением. — Говори быстро, ясно и четко!

— Но у меня...

— Чем больше тянешь, — предупредил я, — тем скорее изойдешь кровью.

Он сказал плачущим голосом:

— Как она и просила, я пытался сперва продырить, чтобы нанизать на ниточку, потом пробовал размягчить в огне, бил молотом, пробовал кислотами... да многое пробовал, и как-то вдруг один из камешков, что и не камешки вовсе, начал разогреваться сам по себе! Я испугался и выронил на землю, а он там начал медленно расти!

— Ну-ну?

— Вы не поверите, но ямка под ним становилась все глубже и шире!

— Это понятно, — сказал я в нетерпении, — любому животному нужно что-то жрать, чтобы расти. Даже коза ест траву, как и гуси. Ты мне главное говори: где остальные камешки?

Он простонал:

— Они там... в тряпочке!.. Я положил ее на дно кувшина, а тот отнес за дом и там накрыл ветошью... Да чтоб я хоть к одному из них когда еще прикоснулся...

— Жди здесь, — велел я. — Бобик, бди!

На заднем дворе под горой ветоши, щепок и камней, как только я разбросал до половины, показался красный бок кувшина из обожженной глины. Я освобождал его осторожно, не разбить бы, а то мало ли чего, а когда взял в руки, ощутил по весу, что заполнен тяжелым.

Когда же, опустив на землю, попытался сунуть в широкое горло руку, не пролезла, осторожно опустил на бок в надежде, что вот посыплется...

Ничего не посыпалось, наконец с той же осторожностью перевернул вверх дном и тут с бьющимся сердцем увидел, как на землю выскользнули один за другим четыре блестящих камешка размером не больше фаланги мизинца.

Когда попытался взять один, с первой попытки не получилось, пришлось чуть вмять пальцы в землю и только тогда подцепить на кончики. С усилием поднял на ладони, чувствуя, что держу на весу восемькилограммовую гантель.

Восемь килограммов пустяк, но когда эти килограммы сконцентрированы в крохотном камешке раз-

мером с ноготь, то поднимаешь с заметным усилием и немалым изумлением.

Взял остальные три, все примерно равны по весу первому. Не представляю, как Агня носила бы такое на шее, так что явно изначально брала в расчете на то, что ими заинтересуется подручный кузнеца, молодой красавец...

Бобик послушно держит его за горло, я сказал с порога:

— Отпусти, я все нашел.

Бобик отодвинулся, Автандер со стоном сел, все еще зажимая руками рану в паху.

— Мне нужен лекарь...

— Сейчас позову, — ответил я.

Бобик шире распахнул глаза, когда мой меч покинул ножны. В следующее мгновение сверкнуло лезвие, голова подручного кузнеца не слетела с плеч, а красиво съехала по груди и покатилась по полу, разбрызгивая кровь.

— Уходим, — сказал я.

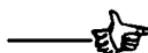
Агня как раз подходила к своей избушке, когда за ее спиной простучал стук копыт, но первой ее догнал Бобик.

Она обернулась, на бледном лице я увидел страх и ожидание смерти. Бобик зашел с той стороны, препрятствовав ей дорогу в избушку.

— Ты угадала, — сказал я медленно, — он расплатился за выпущенного им Демона Огня... хотя его жалкая жизнь того не стоит. Теперь что касается тебя... На самом деле больше виновата ты, когда вынесла ужасные вещи из-за Барьера.

Она прошептала:

— Я виновата.

— Знала?

Она покачала головой.

— Он ничего не говорил, но был таким напуганным, что догадаться было не так уж...

— Тем более тебе, — согласился я. — Ты хорошо чувствуешь людей.

— Хотя, — произнесла она слабым голосом, — я старалась гнать от себя такую страшную мысль, но она все возвращалась и мучила меня по ночам. Но тот пожар ушел от нас в безлюдные земли, я надеялась, что там и погаснет...

Я сказал строго:

— За теми безлюдными землями снова идут людные. А Демон Огня и не думает останавливаться, рушит города и села, понимаешь?.. И не все успевают убежать с его пути!

Я намеренно сгустил краски, пусть понимает тяжесть содеянного, она смотрела, бледная и вздрагивающая, расширенными глазами.

— Я виновата...

— Сейчас вся империя думает, — продолжал я, — как остановить Огненного Демона! А к нему даже не подступиться, потому что вокруг озеро из жидкого огня...

— Я приму смертную казнь, — сказала она. — Я виновата.

— Ты ее заслужила, — подтвердил я. — Но я, как император, заменяю приговор помилованием. Нужно бы, конечно, пожизненное заключение, но где тебя заключать?.. Значит, выбор небогат: либо убить, либо отпустить... Гуманизм требует сделать выбор в сторону милосердия, а политик, радеющий о народе, велит казнить... Так что вот тебе мое решение: ты пригова-

риваешься к пожизненному заключению в своем теле и обязуешься больше никогда-никогда не ходить в то Зачарованное Место!

Она не сводила с меня взгляда удивленных глаз, лицо все такое же смертельно бледное, а в голосе прозвучали страх и почтение:

— Ваше величество... теперь я верю, что вы император...

— Я сам все чаще в это верю, — ответил я. — Не образец, конечно, но те императоры, которых знал, еще дурнее. Итак, живи и не греши!

Бобик понял по моему тону, что возвращаемся, подпрыгнул на всех четырех и черной молнией метнулся по дороге в обратную сторону.

Арбогастр набрал скорость медленнее, оберегая седока, которого неминуемо сбросит встречный ураган, а когда я пригнулся и почти лег на горячую конскую шею, сверху меня прикрыло могучей гривой.

Стук копыт превратился в частую дробь, а затем я слышал только ровный гул земли под его брюхом.

Глава 14

На обратном пути, когда багер стремительно понес над лесами и снова лесами, снова вспомнил Гугола. Именно воспоминание о нем натолкнуло на мысль, что Демон Огня может быть таким же механизмом, как тот, который он однажды запустил в маркизате на берегу моря и с тех пор вынужденно живет в нем.

Видимо, подобные тяжеловесные геммы не были редкостью в исчезнувшем мире. Возможно, даже простые машины типа стиральной или посудомоечной

могли продавать вот в таком упакованном, говоря образно, виде.

Приходишь из магазина или с работы домой, бросаешь такой камешек в угол и говоришь что-то типа: «Сезам, откройся». И механизм, подчиняясь команде, быстро строит полноценную стиральную машину, используя как материал окружающую нас в изобилии темную материю. Ну а Демон Огня приспособил для дешевизны упрощенный вариант: простую землю под ногами, перерабатывая ее в нужное когда-то кому-то твердое покрытие. Или такое задание и было, если таких терраформеров забрасывали на какой-нибудь Плутон.

Скачка на арбогастре все-таки измотала, мысли начали путаться, ушли в сторону, потянулись замысловатые размыслизмы, может ли Гугол быть христианином, если он не совсем человек?.. Но Библия дает убедительные примеры того, что моавитянку признали иудейкой за благочестивый поступок, а премудрый Соломон вообще женился на негритянке Савской, которая еще и с козьими копытцами, потом вообще настроила в Израиле языческих капищ...

Так что Гугол не только может считаться добрым христианином, но даже одним из достойнейших. Если же брать позицию Господа, тот вообще не замечает, кто в каком теле, для него главное — поступки, а Гугол как раз человечнее большинства человеков...

Все-таки задремал, а очнулся, когда Бобик топтался на мне, как носорог, а арбогастр тревожно пофыркивал.

— Да не сплю я, — сказал я сонным голосом. — Что, уже приехали?

Багер стремительно идет на сближение с при-
чальной пирамидой, а дальше к небу в розовых лучах
рассветного солнца поднимаются сверкающие и пре-
краснейшие крыши дворцов Волсингсбора, самого
удивительного по изяществу и красоте города, какие
только видел.

На воротах бравые гвардейцы в прекрасных начи-
щенных доспехах, меня узнали издали, створки рас-
пахнули еще перед Бобиком.

Из караулки выскочил Титус, заметно посвежев-
ший, в новом камзоле поверх сверкающего панци-
ря, на голове украшенный перьями шлем изящной
работы.

— Ваше величество!

Голос его прозвучал воспламененно-влюблен-
но. Еще бы, наше появление положило конец резне
и грабежам в городе, а Титус, как любой военный,
обожает твердую власть и крепкую руку командира.

— В Багдаде все спокойно? — спросил я весело.

— Все, — заверил он истово. — Никогда не было
так мирно!

Я кивнул, ввиду военного времени по моему
распоряжению в городскую охрану набрали вдвое
больше стражей, так что теперь патрули ночами за-
держивают всех подозрительных и тащат в темни-
цу, а если кто противится, того просто по законам
военного времени казнят на месте, что так нравит-
ся простому народу, любителю понятных и ясных
решений.

Юстер, командир дворцовой стражи, тоже не спит,
попался в момент, когда строгим голосом отчитывал
троих гвардейцев внутренней стражи за какие-то упу-
щения в одежде.

Красивый и яркий, крикнул звонко и страшно, все трое выхватили сверкающие мечи, отсалютовали мне и замерли, как отлитые из металла статуи.

— Все в порядке, — заверил я. — Проверил свой охотничий домик. Пора, пора обновить перед сезоном...

Когда начинается здесь сезон, не имею понятия, но интонация важнее слов, а я постарался сделать голос как можно благодушнее и довольнее, в империи все хорошо, все хорошо.

— Ваше величество, — сказал он преданно, — я счастлив... видеть такой порядок! А нельзя ли это военное положение продлить как можно дольше?

Я ответил с пониманием:

— А лучше бы вообще оставить в силе?

Он сказал торопливо:

— Да, это было бы счастье!

Я сказал заговорщицки:

— Удельные лорды будут очень даже против, но над этим работаем.

Юстер выпрямился, осчастливленный, император снизошел до разговора, доволен, значит, и работу по охране одобряет, жизнь удалась, а я промчался на арбогастре до главного здания дворца, бросил повод первому из придворных, что подбежал, обгоняя других, и соскочил на прогретые солнцем плиты двора.

Отсутствовал я всего сутки, но, похоже, и за эти сутки скрывать эмоции так и не навострился, по мне видно, что какой-то результат есть, потому вскоре в мой кабинет без всякого приглашения вторглись Альбрехт, Келляве, а за ними неслышно вошел сдержаный и почти незаметный сэр Норберт.

Последним появился тучный и отдувающийся, как шекспировский Гамлет, сэр Рокгаллер, облаченный, подобно Альбрехту, в живописный жостокор, только поскромнее, положение градоначальника столицы не позволяет выглядеть щеголем, а шляпа совсем скромная, хотя и с неизбежным набором перьев.

Штанишки едва заметные, облегающие и до колен сверху прикрытые камзолом, а от них спускаются роскошные кружева, по-женски воздушные и праздничные, как на подоле невесты.

Мои лорды, особенно Келляве, стараются не хихикать, сэра Рокгаллера уважают.

Я с теплотой подумал, что я для них все еще полевой вождь, деливший с ними в походах место у копыта. От одной мысли вот так войти бесцеремонно к императору упадет в обморок любой из южных вельмож, а эти все еще живут по правилам Севера.

Альбрехт спросил с ходу:

— Ваше величество?

Я смотрел на них почти с нежностью, широким жестом указал на кресла у стола.

— Ждете новостей?.. Хорошо, они у нас есть. Природа Демона Огня, что очень важно, уже не является тайной, хотя и непонятно, что он такое. Хрурт! Распорядись насчет вина!

Хрурт выскочил в коридор, мои военачальники притихли, всматриваясь в меня с ожиданием.

— Ого, — прогудел сэр Рокгаллер, он вытер лицо большим клетчатым платком и спросил с надеждой: — Обезврежен?

— Пока нет, — ответил я.

— Э-э, обездвижен?

— Тоже нет, — ответил я. — Да я и не ставил такую задачу на ту поездку.

— А... что с ним?

— Пока прет тем же курсом, — пояснил я, — но уже понятно, примерно как с ним обращаться. Во всяком случае, видим, что окажется бесполезным, а что... может сработать.

Хрут появился снова, губы шевелятся, заново пересчитывает, сколько нас в кабинете. Кивнул кому-то в коридоре, двое из людей Норберта занесли кувшины с вином и медные чаши.

Пока наполняли и расставляли перед собравшимися, я указал взглядом Альбрехту на шкаф с золотыми накладками на двери. Тот молча удивился, обнаружив там роскошные кубки из золота, усыпанные драгоценными камнями.

— Богатства империи должны служить народу, — сказал я. — Отныне на стол подавать только их!.. Никаких музеев, даже императорских. В общем, теперь мы уже знаем, откуда Демон взялся. Что натворил, тоже видели. Правда, на этот счет есть и другое мнение... Сэр Альбрехт, хватит любоваться! Наливайте. Самое прекрасное, что есть в кабинете, — это не кубки, а мы сами.

Келляве спросил с настороженностью в голосе:

— А какие еще могут быть мнения?

— Могут, — сообщил я. — Мнение может быть мое и неправильные. Это к тому, что, хотя два села стерты с лица земли, как доложил Милфорд, а еще с полдюжины лесных деревень, зато имеем абсолютно ровную и прочную тектоническую плиту шириной в полмили.

Альбрехт налил в драгоценные кубки, взглянул на меня с вопросом в глазах. Знает, я могу создать и хрустальные фужеры, но слишком нежные, то для женщин, а мужчины должны пить из металлических чаш, а еще лучше из кубков, как ездить только на конях и никогда на лошадях.

— А длина? — спросил Рокгаллер с интересом.

— Уточните у герцога Дарабоса, — ответил я и кивнул в сторону сэра Норберта. — И заметьте, пли-та не просто зеркальная, а с той минимальной шероховатостью в наилучшей степени, что обеспечивает наилучшее сцепление с колесами.

Он взглянул на меня с изумлением.

— Ваше величество?

— Когда-нибудь понадобится, — сказал я загадочно. — Так вижу!

Я осушил вино из медной чаши до дна и бросил ее под стол. Глядя на меня, остальные тоже начали бросать пустые следом, а драгоценные кубки придвигнули поближе.

Сэр Келляве заметил:

— Боевым колесницам раздолье... Но конница все-таки лучше!.. Кони пройдут и по бездорожью, по оврагам и через лес...

— Зато по такой дороге быстрее, — ответил я. — А когда-то скорость станет важнее силы. При прокладке стратегически важных дорог иногда приходится сносить какие-то строения, так что Демон Огня в этом отношении действует почти правильно... хотя и без согласования и юридически оформленных договоров купли-продажи земли под строительство межимперской дороги.

Сэр Келляве переспросил:

— Даже межимперской?

— Континентальной, — уточнил я, — можно выразиться совсем по-солдатски грубо.

Они смотрели совсем ошарашенные, только невозмутимый Альбрехт, уже привыкший к неожиданным поворотам моей мысли, взял кувшин и долил себе в золотой кубок, а потом с заметным удовольствием сделал глоток.

Норберт наконец произнес ровным голосом:

— Судя по прямой линии, на пути Демона Огня нет ни больших, ни малых городов. Это если он будет ее держаться, все-таки может и свернуть...

Я прервал:

— Не свернет.

— Ваше величество?

— Не свернет, — пояснил я. — У него такое задание.

— Какое, — уточнил Альбрехт, — вы ему дали?

Я ответил сварливо:

— Дорогой прынц, не ловите меня на слове. Не я его выпустил! И не я дал задание ровнять землю для каких-то хозяйственных нужд.

— Для сельского хозяйства?

Я пожал плечами.

— Может, и для сельского. Для сельского много чего нужно. А деревни если и попадутся ему на пути, то такие заново отстраивают за сутки-двое. Так что ближайшие месяц-два опасности нет...

— Но потом что-то делать надо, — закончил Рок-гальлер. — Не говоря еще о том, что может и свернуть... но и вообще, ваше величество, как что-то смеет вот так нагло и без вашего позволения?

Альбрехт заметил вкрадчиво:

— Сэр Рокгаллер, а вы уверены, что Демон Огня прет без разрешения его величества?.. Возможно, они переговорили и наше величество дало ему указание проломить все барьеры между королевствами и империями до самого океана?

Все замерли с кубками в руках, в глазах Альбрехта я уловил ехидный интерес к тому, как выкручусь.

Я ответил с неудовольствием:

— Демона Огня остановим. Но сейчас он вообще делает полезную работу. Мы этого не велели ему, ясно, но он сам...

Келляве прогудел в недоумении:

— Ваш величество?

— Стратегически, — пояснил я. — Ломает барьеры и способствует единению людей и прочих народов. Будет единый путь из глубинки и до самого синего моря!.. Мы оседлаем этот путь, объявив его зоной своих интересов.

Альбрехт заметил:

— Тогда нужно будет признаться, что и Демон Огня наш, а иначе как дорогу присвоить, если это, конечно, дорога, а не что-то похуже?

— Подумаем, — ответил я твердо. — Взвесим все риски, просчитаем, переговорим с соседними империями. Или не переговорим, если они недоговороспособные и нерукопожатные, а просто объявили, что пришли сделать им лучше!

Келляве прогудел с удовольствием:

— Это по-нашему. Ваше величество, а когда вы подумываете доставить в эту погрязшую страну отца Дитриха и его священников? Возможно, отец Дитрих и Демона Огня остановил бы в самом начале и заставил покаяться?..

— И отбивать поклоны, — добавил Альбрехт смиренно. — Земные.

— Здешние люди не заслуживают Бога, — ответил я.

— Ваше величество?

— Потому сперва очистим эти конюшни сами, — пояснил я, — а отца Дитриха призовем, когда грязи станет поменьше.

— А сами не вывозимся по уши?

— Такая опасность в наличии, — ответил я. — Вон смотрите, принц Гуммельсберг, стыд какой, заменил сапоги на туфли!.. Ну ладно, пусть еще не туфли, но башмаки, а это уже полусапоги, полутуфли, путь нравственного падения. А ведь сапоги — наш символ! Как только сменим сапоги на лаковые туфли — конец нашему благородному варварству!

Сэр Альбрехт промолчал, даже сделал движение отступить, прячась за спинами патриотов в сапогах, а Келляве сказал с намеком:

— Чтобы развернуть знамя, нужно пойти против ветра.

Часть третья

Глава 1

Лорд-канцлер осторожно опустил передо мной на стол листок, исписанный убористым почерком.

Я быстро пробежал по нему взглядом, спросил с подозрением:

— А это что за... какой такой охотничий домик... зачем ему деньги?

Он ответил с вежливым наклоном головы вниз и чуть в сторону:

— Ваш, ваше величество, ваш. Требует ремонта, как уверяет управитель! Это он представил смету, посмотрите и утвердите, если сочтете правильным, а я со своей стороны могу сказать, что все выдержано в точности. Я даже добавил бы, все-таки ваш охотничий, а вы самый великий из императоров, которых знала империя... Потому и домик можно расширить...

Я всмотрелся в цифры, их длинный столбик, перевернул на другую сторону, но и там тоже цифры идут почти до самого конца листка.

— Что за домик, что столько денег на ремонт?

Он сказал с едва заметной ноткой превосходства:

— Ваше величество, охотничий домик императора не совсем домик. Императора обычно сопровождает на охоту сотня его самых близких придворных, допущенных к его милости, а еще больше слуг, поваров, парикмахеров, конюхов и прочего люда, не считая псарей и загонщиков.

— Понятно, — сказал я с сарказмом, — это точно вместительный домик. Весьма даже. Слуги и загонщики, правда, могут разместиться на свежем воздухе, но в дождь все равно полезут под крышу, чтобы увеличить шанс свального греха...

— Здесь это не грех, — уточнил он, — а допускаемый в некоторых необходимых случаях ритуал.

— И освященный? — уточнил я.

Он чуть наклонил голову.

— Да, традициями.

— Чем старина всем и нравится, — заметил я. — С тех времен взяли только самое приятное.

В кабинет вошли вызванные мною чуть ранее граф Келляве и Альбрехт, Келляве услышал определение лорд-канцлера и добавил веским и внушающим голосом:

— Уверен, в обществе есть специалисты, что ломают головы над поисками моментов в прошлом, которые надо бы возродить и сохранять, как священную память о великих предках!

Лорд-канцлер взглянул на него с интересом.

— Глубокая мысль, сэр...

— Гастон, — подсказал Келляве. — Сэр Гастон.

— Вы сказали очень точно, — пояснил лорд-канцлер. — Такие специалисты есть, высоко ценятся. Правда, находятся как бы вне поля зрения, хотя есть мнение, что пора им ввиду растущей потребности занять достойное место в обществе.

Я повернулся к Альбрехту, сделал широкий жест, указывая обоим на кресла.

— Садитесь, прынц. Как видите, прынц, а вы считали, это болото не развивается!

— Да, — ответил Альбрехт мрачно, — но в какую сторону?

— А куда камень легче катить, в гору или под гору?

Он промолчал, я тоже подумал, что лучше бы болото оставалось болотом, иногда застой лучше развития.

Мелькнула мысль, что из охотничьего домика короля Людовика Тринадцатого, что располагался на диких болотах в дремучем лесу, вырос великолепный Версаль, так что охотничьи домики бывают еще те, но только я не тот, что перестраивает домики в дворцы.

— Пока отложим, — сказал я лорд-канцлеру. — Сэр Джуллиан, благодарю за старания и заботу о моем здоровье! Скачка в лесу на свежем воздухе хорошо оказывается на здоровье моих мембран и митохондрий... Сэр Альбрехт, я готов выслушать ваш доклад!

Лорд-канцлер откланялся и поспешил вышел из кабинета. Альбрехт сказал с хмурым видом:

— Вы насчет охраны причальных пирамид распорядились вовремя, но поздновато. Некоторые сепаратисты, пользуясь неразберихой в связи с появлением Багровой Звезды, успели разрушить их в своих королевствах. В остальных, где мы высадили свои отряды, там все в порядке, охрана бдит. Но на все причальные пирамиды нашего войска не хватит!

— Ужесточим карательные меры, — сказал я. — Те короли, при попустительстве которых пирами-

ды уничтожены местными буянами, будут караться смертной казнью через повешение у них же на воротах дворца!..

Альбрехт заметил:

— Это не попустительство, ваше величество. Пирамиды — слишком громоздкая штука, чтобы их уничтожили какие-то буяны. Над разрушением должны поработать умелые и многочисленные бригады, а такое можно только по прямому приказу короля...

— Карать беспощадно, — велел я. — Права общества выше прав человека!.. Пока человек не станет общественным.

— Я отправлю своих людей, — предложил Келляве. — Прошу поручить мне самое мятежное королевство! Я приведу его в чувство.

— Одобряю, — ответил я. — Воевать здесь не очень умеют, а с толпами мятежников ведите себя без жалости. Никакого гуманизма, здесь его толкуют как слабость!.. Помните, мы явились с Багровой Звезды Зла. Все должны разбегаться, увидев только, как вы накмурились!

— Сделаем, — пообещал он. — Позвольте идти собирать отряд?

— Действуйте, — разрешил я.

Он с озаренным ликованием лицом поднялся, даже доспехи заблестели радостно и сверкающие, сказал громовым голосом:

— Ваше величество!

Как только дверь за ним захлопнулась, Альбрехт пересел ближе и развернул на столе карту с множеством пометок красным.

— Вот здесь конфликты...

Ближе к вечеру, когда моя армия уменьшилась больше чем наполовину, я вернулся во дворец и, поднявшись в кабинет, рухнул в кресло с таким ощущением, что весь день таскал мебель из одного корпуса в другой.

Крепкий кофе чуть освежил мозги и тело, некоторое время еще поработал с бумагами, наконец Переальд, сменивший Хурта у двери моих апартаментов, вскочил со стульчика, выпрямился.

Я заметил его набыченный вид, поднял от стола голову.

— Что там?

Он сказал быстрым шепотом:

— Вас долго не было, а уже ночь... Ульман говорит, пришла эта, которая официальная...

— Эта которая? — спросил я, стараясь вспомнить, какая из них какая. — Высокая и с вот такими?

— Ага, — ответил он, — с синими волосами!

— Где ждет, в приемной?

— Нет, прошла прямо в спальню...

Я малость опешил, кивнул молча и быстрыми шагами пересек кабинет. Переальд едва успел толкнуть дверь, стараясь не допустить позора, когда сам император будет открывать себе.

В глубине спальни торопливо поднялась из кресла Жанна-Антуанетта, светлая и чистая, как рыбка, вся в голубом, под цвет глаз и волос, присела в поклоне, шурша ворохом платьев.

— Ваше величество...

Я спросил встревоженно:

— Что-то случилось, маркиза?

Она ответила из глубокого приседа:

— Герцогиня велела идти сегодня мне...

— У вас что, — спросил я, — дежурство?.. Мало ли чего велела герцогиня. Она не разводящая караула. Вы можете встать, маркиза. Герцогиня не распоряжается такими вещами, как случка с императором.

Ее щеки покраснели, выпрямилась и сказала торопливым шепотом:

— Я сама едва упросила!.. Ваше величество!

— А-а-а, — протянул я, — это чуть меняет дело, хотя и не понял, в какую сторону. А что случилось, маркиза?

Ее глаза на миг стали фиолетовыми, но снова обрели небесно-голубой цвет, даже засияли так, что от них пошел свет, правда я предпочитаю более теплые цвета, почему-то не жажду встретить женщину с красными глазами.

— Ваше величество, — сказала она быстро, — по двору пойдут слухи, если вы не... Я должна быть консуммирована вами, чтобы пресечь разговоры.

Я вздохнул.

— День был тяжелый, маркиза. Если все дело в государственной необходимости, то вон моя койка. Раздеваться, как я понимаю, в таких случаях женщины умеют и сами?

— Могу позвать служанок, — предложила она.

— Обойдемся, — буркнул я. — Утром нас узрят принц Кегельшир и принцесса Джеззифина, этого достаточно.

Она поняла по моему голосу, что к сантиментам я не расположен, покорно прошла к роскошному ложу, сбросила платье-халат на спинку кресла и молча скользнула под одеяло.

Я так же молча разделся и рухнул на свою половину, чувствуя тяжесть во всем теле. Говорят, уста-

лому коню и ухо тяжелое, а сейчас я как два коня, набегался и наскакался, будто не император, а король какой-нибудь Итаки, которую и на карте не найти, но своего короля имеет.

— Ваше величество?

— Сейчас приступим, — пообещал я обреченно, — маркиза, вы пока сами... что, не умеете?.. А еще культура, эпоха Просвещения!.. Далеко этой империи до той самой культурной революции, которой лучше бы и не было. Ладно, щас...

У Жанны-Антуанетты больше старания, чем опыта, да и какой опыт у здешних женщин, он весь ограничен умением лежать на спине. Не все даже ноги догадываются раздвинуть, со многими добродетельными дурами это приходится делать самому.

Это и называется «отдаться», когда женщина вручает себя в руки мужчины для удовлетворения его телесных нужд. Такое считается как на Севере, так и здесь, на Юге, крайней степенью разврата, за незнанием чего-то еще и финтифлюшечного.

Впрочем, мне эта простота нравится больше, чем крайняя раскрепощенность женщин моего прошлого мира. У тех очень завышенные требования насчет долгих и сложных прелюдий, да и вообще, стараются усложнить процесс всякой нам ненужной вбок-вельностью. Это не нравится даже бабникам, а настоящие мужчины, что грезят о войне, карьере или бизнесе, вообще не любят увязать в этом болоте, где все вообще-то элементарно просто и любые дороги ведут к одинаковому, как устилающие двор плитки, финалу.

Потому процедурный вопрос с Жанной-Антуанеттой закончили быстро ко взаимному удовлетворению

обеих сторон. Она уверенная, что все сделала правильно, а я довольный, что не пришлось ничем заниматься еще и помимо простого и ясного как божий день коитуса.

Можно было бы обойтись и без вязки, но такое человечное поведение вызывает непонимание и подозрение. Как это самец и самка в одной постели и не? Пусть даже в разных, но если можно, то что это с ним не так?

Утром проснулся с мыслью, что Демона Огня нужно постараться остановить в любом случае все же как можно раньше. Мои как бы беспечные заверения, что он делает нужную нам имперскую дорогу, от растерянности, но это один Альбрехт понял или ощутил, я всегда стараюсь держаться гоголем, хоть у меня и нет такой роскошной шляпы.

Мы не знаем, что на него подействует и как действовать, потому есть вероятность, что в самом деле доберется до океана, а там страшно подумать, что произойдет...

Рядом спит бренд, доверчиво уложив мордочку на мое плечо и закинув ногу на живот, даже на грудь. Теплая и даже мягкая, несмотря на скудость мест, за которые можно ухватить горстью.

У нее только волосы голубые, а в остальном, как говорит глубинная народная мудрость, женщины все одинаковые. Даже то, что слабенькие волосы в подмышках и совсем жалобные в паху тоже голубые, ни чуть не удивило и не добавило интереса.

Впрочем, она не женщина, а бренд империи, а как бренд уникальна, восхитительна и восторгательна.

Хотя, конечно, бренд должен быть на высоте, а у нас как впередолил по самые гланзы, то уже вроде бы

и не бренд, хотя для других бренд, но когда знаешь, какие у нее волосы и в каком месте, то уже как-то высота уже не заоблачная, это сродни детскому потрясению и переоценке нерушимых ценностей, когда вдруг узнаешь, что и сказочно-воздушные балерины какают.

Зато ее слючка успокоила, уверена, что все на уровне, и даже заплатила за спасение своего мужа, так что все хорошо.

Все хорошо, подумал и я, понятно же, никогда не заикнусь, что плата была никакая.

Видимо, я в самом деле стал политиком с головы до ног, если безразлично, кто из женщин спит в моей постели. А совсем недавно сердце рвалось от боли, когда ушла Лоралея или когда самому нужно было уйти от Беатриссы, а как страдал, когда вынужденно оттолкнул не понимающую моих метаний чистую и самоотверженную Дженифер...

Сейчас мог бы встать и раньше, выспался, мне много не надо, но терпеливо дождался, когда наконец принц Кегельшир раздвинул шторы, а принцесса Джеззифина сказала чопорно:

— Доброе утро, ваше величество!

Глава 2

Днем слушал подробный отчет Рокгаллера о положении в столице и прилегающих районах. Молодец, чувствуется умелый хозяйственник, очень быстро приспособился к реалиям, когда даже в самые высокие дома вода подается в стенах прямо из земли, спасибо магам. Разобрался и в системе поставок продовольствия из сел, наладил их бесперебойность, рас-

порядившись грабителей не арестовывать, а вешать на месте грабежа, а также удвоил патрули по ночам, чтобы жители могли чувствовать себя в безопасности.

Альбрехт продолжает мониторить, как и что в империи, коротко сообщает о новых мятежах, бунтах и всеобщем раздрае. Народ все еще ждет конца света, многие не просто ждут, а стараются гульнуть напоследок. Таких велено уничтожать на месте, да только рук не хватает, империя чересчур велика и, кто бы подумал, обильна, вот только порядка в ней все еще нет, нашего порядка, но это знакомо.

Сегодня он положил передо мной на стол листки со свежей сводкой, вид у него предельно сдержаный, словно старается не задеть ни одно из моих больных мест, а их все больше и больше.

— Это места новых вспышек насилия. Массовые грабежи, поджоги...

— Меры приняли?

— Конечно, сразу.

— Тогда что у вас такой вид... насупленный?

Он прямо взглянул мне в глаза.

— Ваше величество... меня беспокоит то, что уже начинает тревожить и всю армию.

Я насторожился.

— Ну-ну?

Он произнес четко:

— Великие Маги... да-да, вас беспокоит тоже, да еще как беспокоит, я вижу. Вы с лица сразу... Вот-вот выйдут, грозные и таинственные, если уже не поднимаются из глубин в этот момент. Что-то готово? Или только планируете?

Я откинулся на спинку кресла, некоторое время рассматривал его молча и придирчиво. Альбрехт не

Хруерт или Ульман, хотя со мной еще с тех времен, он предан не слепо, я бы даже не сказал, что вообще предан, такие все анализирующие и взвешивающие люди с трезвым умом и здоровым скептицизмом не могут быть преданы слепо. И даже сейчас не могу сказать, что именно его держит со мной и заставляет участвовать во всех действиях.

— Что-то планирую, — ответил я туманно, — однако еще не выбрал, какой именно план лучше... Все громоздко, все затратно, а я, как тонкий и чувствительный поэт, обожаю изящные решения. Чтобы р-р-раз!.. и покатились головы.

— Все мы такие поэты, — ответил он с пониманием, — да чтоб еще не самим рубить, не дворянское это дело. Так все-таки что с Магами?

— Моего диктата, — ответил я откровенно, — не примут, это однозначно. Или вы как считаете? Ну вот. Попробовать бы стравить их друг с другом, хотя не представляю как.

— Может, — предположил он, — за новые территории?..

— А что, — сказал я и ощущил, что хватаюсь за соломинку, — на старых местах Башни уничтожены вместе с фундаментами на сотни ярдов в глубину, там восстанавливать бессмысленно...

— Совершенно верно, ваше звездное величество. Глубокая мысль.

— Не язвите, — упрекнул я. — Без вас тошно. Пусть строят где угодно, хоть на прежних местах, хотя там залежи нужных камней уже истощены, хоть на новых, но пусть строят? Странствующие, как говорят, куда опаснее?..

— Опаснее, — подтвердил он, — если и эти станут Странствующими, с Маркусом за ними не погоняешься!

— Да, — ответил я, — с каждым придется индивидуально, будто я не император, а какой-нибудь курьер.

— А Сигизмунд, — напомнил он значительно, — и Тамплиер.

Я посмотрел на него непонимающими глазами, словно совсем забыл, что я не один паладин на свете.

— Что?.. Ах да, верно. Святость охраняет их от любых видов магии. К тому же никакие колдуны и маги не могут от них укрыться защитой незримности... Но все равно, сэр Альбрехт, что-то и здесь не совсем...

Он хмыкнул.

— Еще бы! Вам бы одним махом...

— Дык император я или не император?.. А гоняться за каждым отдельным магом, не важно, какой он великий и грозный, — это удел таких же отдельных героев, любимцев народа.

— Да уж, — согласился он, — вам никогда не стать любимцем здешнего народа. Значит, пока с Великими... вы ничего не решили?

— Будем действовать по обстановке, — ответил я. — Если, конечно, не придет озарение. У меня, как поэта и мыслителя, это приходит часто, хоть и невпопад.

— Невпопад, — уточнил он, — это не в то место?.. Ладно, будем спать с мечами в руках. Это красиво и по-мужски: в одной ладони женская грудь, в другой — рукоять клинка... Хотя это неудобно, ваше величество. Я пробовал — не понравилось.

— Идите в жопу, прынц, — огрызнулся я. — Все утрируете до безобразности, а это несовместимо с моим нынешним величием. Вы его хоть видите?

— Нет, — ответил он. — А как увижу, если не показываете?

И снова в его словах прозвучал неясный намек, что знаю и умею намного больше того, что выдаю на людях, но в каких-то неясных целях скрываю.

— Ладно, — сказал я, — вина не предлагаю, никогда, работать во благо нужно упорно.

— Во благо императора?

— Во благо народа, — ответил я напыщенно, — ведь все делается для народа?.. А народ — это я, вы правильно все поняли.

Он улыбнулся, поднялся и, прощаясь, долго и красиво размахивал шляпой, как престижитатор, даже вроде бы что-то станцевал короткое и вульгарное, на взгляд северянина.

— Да идите же, — сказал я с досадой. — Все равно вас никто не видит, а я не оценю. Или вы на мне упражняетесь?

После его ухода еще несколько минут размышлял над проблемой Великих Магов, настроение испортилось дальше некуда, с грохотом отодвинул кресло и вышел через распахнутые двери на широкий и длинный балкон.

Внизу яркий и праздничный мир, по залитому щедрыми лучами солнца двору прогуливаются придворные, это у них работа и удовольствие, хорошо, когда у людей все так совпадает, высокие декоративные деревья врезаются клиньями в края площади и отделяют одну от другой аллеи.

Там тоже гуляющие дамы и придворные, лакеи

чинно следуют следом с развернутыми зонтами в руках, все солнечно и цветисто. Голоса на таком расстоянии теряются, однако различаю улыбки, улыбочки и улыбища, во дворец императора с тоскливыми мордами являться не комильфо, это можно истолковать как неуважение к власти или даже скрытые мятежные настроения.

Со стороны ворот наметилось движение. Там гуляющие поспешно расступаются, теряя достоинство, а по аллее в сторону дворца двигаются неспешной рысью трое всадников.

В центре сэр Норберт, прямой и собранный, даже отсюда видно, всегда сдержанный, немногословный, однако он едва ли не больше всех моих военачальников пользуется огромным и почтительным уважением как моего правительства, так и вообще придворных, слоняющихся по дворцу.

Интересно, что ни на йоту не отступил от облика воина Севера, тем не менее его уважают, всегда бесстрастен, никогда не повышает голоса, прямой и ровный, как сосна, на поклоны местных отвечает коротко и вежливо, но ни с кем ни сближается и никого к себе не подпускает, тем самым соблюдая дистанцию и оберегая загадочность и таинственность репутации начальника секретной службы.

Я с балкона видел, как он красиво соскочил с коня на каменные плиты широкого крыльца. Оказавшиеся вблизи придворные сорвали с голов шляпы и в поклонах замахали ими перед собой, выписывая в воздухе восьмерки, зигзаги и спирали.

Норберт ответил коротким кивком и, легко взбежав по ступенькам, скрылся в распахнутых дверях дворца.

Я сел за стол и принял соответствующий вид государственного деятеля. Хотя Норберт и понимает, что для того чтобы мыслить, не требуется сидеть за столом и перебирать бумаги, но лучше перебдеть, чем недобдеть.

Периальд распахнул дверь, вошел быстрыми уверенными шагами Норберт, привычно строгий и подтянутый, с настолько взыскивающим взглядом, что я выпрямил спину и украдкой провел пальцем внизу, застегнута ли ширинка.

Он коротко поклонился, не доходя до стола пару шагов.

— Ваше величество...

— Сэр Норберт, — ответил я. — Садитесь, рассказываете. Я уже соскучился. Какие новости?

Он опустился не по ту сторону стола, а сбоку, взглянул на меня пытливо запавшими глазами.

— Демон Огня, ваше величество, по-прежнему держит среднюю скорость в семьдесят две мили, хотя бывают дни, когда дает чуть меньше.

Голос его звучал ровно и монотонно, но чеканные слова хорошо западают в уши и отзываются в черепе, как в Мамонтовой пещере, какофонией мыслей.

Периальд, перехватив мой взгляд, вышел, а через минуту в кабинет зашли один за другим слуги с подносами в руках.

Я выждал, пока переложат жареных гусей и прочуя снедь на блюда и поставят перед нами.

— Насколько дает меньше?.. Угощайтесь, герцог. По глазам вижу, что проголодались. Пока это единственное, что могу угадать по вашему лицу. Мужчи-

ны, как утверждают женщины, всегда готовы поесть, выпить и.

Он улыбнулся, вытащил из-за ножен за поясом нож. Едва вонзил в коричневую тушку гуся, как из разреза брызнул и потек по блестящему боку горячий и дразняще пахнущий сок.

— На одну-две мили, — сообщил Норберт. — Разве что когда целый день двигался через огромное болото, скорость упала до пятидесяти восьми, но это единичный случай.

Некоторое время мы деловито кромсали хорошо прожаренное сочное мясо, отделяя самые лакомые куски.

— В наших масштабах, — согласился я, — такой скоростью можно пренебречь. Впереди все так же нет городов?

— Судя по картам, — уточнил он, — что вообще-то кривые для такого случая, хотя в целом вполне. А так разведка скачет впереди наугад. Правда, пока только одно село обнаружили за последнюю неделю, да и то скорее всего пройдет мимо. Разве что напугает. Или пожар докатится до их сараев.

Я вздохнул с таким облегчением, что Норберт посмотрел внимательно и обронил:

— Ваше величество, это же не вы его выпустили!..
Никто из нас не виноват.

— Точно? А что народ говорит?

— Здешний ничего не знает и ничем не интересуется, кроме своих шляп и манжет, а тамошний что только не говорит! Но и те нас не винят. Для них что Маркус, что Демон Огня — признаки конца света.

Я вздохнул с облегчением.

— Ну хоть не все указывают на нас пальцами.

Он произнес тем же ровным голосом:

— Все мы знаем, вы сделаете все, чтобы остановить это огненное чудовище. Никто не знает как, но вы это сделаете, армия в вас верит.

С гусем мы расправились быстро, оставив на тарелках только косточки. Вино я сотворил сам, придвинул Норберту широкую чашу, наполненную по венцы густой багровой жидкостью.

— Из лучших запасов... Это освежит и как бы расслабит, хотя меня почему-то не расслабляет, а как раз на дурости тянет...

Он сделал глоток, чуть наклонил голову.

— Просто райское вино!.. И как только получается с помощью нечестивой магии?

Я ответил благочестиво:

— Весь мир сотворил Господь, сэр Норберт. И магия существует только потому, что Господь ее допускает по своему великому и непознанному нам замыслу.

— Тогда понятно, — согласился он. — Если Господь допускает, то можно.

Некоторое время мы наслаждались, смакуя в самом деле прекрасное вино, наконец я опустил чашу на столешницу и проговорил:

— С Демоном время у нас еще есть... а какие новости о герцогине?

Он тоже опустил чашу и взглянул на меня холодными рыбьими глазами.

— О той, что из Клауренского?

— А что, — ответил я вопросом на вопрос, — вы копаете и под герцогиню Самантеллу Херствардскую?

Глава 3

Лицо Норберта осталось неподвижным, только в серых глазах промелькнула искорка, словно вспыхнул насмешливый огонек и тут же погас.

— Сэр Ричард, — ответил он так, словно говорит с молодым недозрелым инфантом, — не стоит зацикливатся только на герцогине Улиссандрии.

Я буркнул:

— Но вы же сами подозреваете.

— Я всех подозреваю, — ответил он ровным голосом, не выражая никаких эмоций. — Почему думаете, что леди Мишелла, герцогиня Семантелла или маркиза Жанна-Антуанетта вне подозрений?..

Я скривился.

— Есть данные или это так... на всякий случай?

— Только камни не меняются, — произнес он. — А у людей то и дело возникают другие взгляды, привычки, ценности. А кого-то можно просто подкупить. Бедных — деньгами, богатых — возможностями, славой, укреплением позиций у трона...

Я взглянул исподлобья.

— Что, и вам не доверять?

— Подозревайте всех, — ответил он с тем же непроницаемым лицом. — Юг... очень уж непривычный мир. И боюсь, сменой сапог на туфли не отделаемся.

— Это точно, — согласился я с тоской. — Но это будет смотреться как отступление! А то и не просто смотреться. Ладно, я понял... С герцогиней Улиссандрией придется общаться дальше. Она что-то будет вызнавать у меня, я у нее. Будем стараться перешпионить один другого...

Он сказал все так же бесстрастно:

— Да уж потерпите как-то, ваше величество!..

Мне почудилась издевка, Альбрехт обязательно засадил бы шпильку, что терпеть не очень-то и трудно, чаще всего вызнавание добывается в постели, это и козе понятно, но сэр Норберт сама невозмутимость, ни тени иронии в глазах, хотя его патрон, сэр Альбрехт, уже бы ехидно разулыбался.

— Не хихикайте, — сказал я, — думаете, это приятно, когда даже постель уже не постель, а работа?.. Вот уж не думал...

Он ответил хладнокровно:

— У женщин это всегда работа.

— А работу, — сказал я невесело, — нужно оплачивать.

— Не обязательно деньгами, — уточнил он. — Поэтому нужно, ваше величество, держаться как на ветхом мосту, что может провалиться под вашими сапогами в любом месте.

На другом конце кабинета Периальд поднялся, распахнул двери. Через порог переступили блестящий доспехами Келляве, бодрый и готовый к бою, и гламурный с головы до ног Альбрехт, яркий и наряднейший в сине-золотом жостокоре и весь в бантах и цветных лентах, из рукавов свисают белоснежные манжеты, а еще выглядывают из-под туго застегнутых под коленями штанишек.

За ними вдвинулся почти неслышно Кенговейн, не такой пышный и яркий, как Альбрехт, но все же заметно, что подражает своему сюзерену.

Келляве коротко и небрежно поклонился, Альбрехт красивым жестом сорвал с головы то сложное сооружение, здесь все еще именуемое шляпой, хотя

для такого устройства стоило бы придумать отдельное название, как вон есть шляпы, а есть сомбреро, трилби или хомбург.

Мы с Норбертом смотрели, как он размахивает ею, еще и пританцовывает, гад, знает, как это меня раздражает, да и Норберта тоже, хотя тот не выказывает, наконец я не выдержал, кивнул на кресла.

— Садитесь, прынц, вон граф уже занял ваше место и сейчас придинет к себе самую большую тарелку. Кенговейн, можете сесть даже раньше своего феодала, разрешаю, а он пусть танцует, пока вы едите.

Все трое опустились в кресла, я кивнул на молча наблюдающего за всем Норберта.

— Наш глава разведки принес хорошие новости. Демон Огня пока еще ничего не натворил, как мы и предполагали. Противник предсказуем, а это самое важное для победы над ним!

Слуги снова внесли на подносе зажаренную тушку исходящего паром гуся, такого огромного, словно по ошибке приготовили индюка.

Мои лорды вытащили ножи, я не стал заморачиваться с вином, слуги по жесту Паланта внесли и пару медных кувшинов, расставили по столу чаши.

Альбрехт проронил:

— Противник предсказуем... но все-таки у нас нет даже идей, как его остановить. Или есть?

Келляве ответил первым:

— У меня нет. Я воин, а не стратег.

Альбрехт покачал головой:

— Нет у вас воображения, граф!

Сэр Келляве ответил с достоинством:

— Дорогой герцог, я женат!.. Воображение вонвшему сэру Бриану нужно: он холост.

Щеки Кенговейна окрасились легким румянцем, но промолчал в присутствии старших.

Некоторое время ели молча, потом так же с задумчивым видом взялись за чаши с вином.

Альбрехт взглянул с вопросом в глазах на Норберта.

— Герцог, Демон Огня оставляет все такую же дорогу?.. А что насчет той небольшой горной цепи впереди?

— Заканчивает, — ответил Норберт лаконично.

— Что заканчивает?

— Проходить, — пояснил Норберт. — Не знаю, как это делает, но за ним остается не такое уж и узкое ущелье с идеально ровной дорогой внизу! Все те же полмили вширь. И ни единого камешка, словно следом прошлась тысяча мелких демонов с вениками!.. Еще неделя, и выйдет на ту сторону. А там уже чужое королевство. Я имею в виду, там уже империя Жемчужная, где император Герман.

Взгляды снова обратились ко мне, я сглотнул ком в горле и сказал с натужной бодростью:

— Вот видите!.. Все по плану.

Альбрехт уточнил:

— По чьему?

Я с самым многозначительным видом указал взглядом вверх, а для сэра Келляве еще и поднял указующий перст.

— Мы все действуем по Его замыслу. И стараемся не ошибиться... Пока вроде бы все правильно. Это только с Великими Магами я здорово наломал дров...

Они умолкли, переглянулись, явно смущенные такой откровенностью, наконец Альбрехт взглянул искоса, я видел, что удержался и не сказал то, что

вертелось на языке, взамен вздохнул и проговорил рассудительно:

— Ваше величество!.. Полководец, что одержал победу, в глазах народа как бы не совершил вообще никаких ошибок! В то время как его противник всегда бездарен и туп, даже если действовал безукоризненно.

Я спросил с подозрением:

— На что намекаете, прынц?

Он опустил чашу на столешницу, все по-прежнему помалкивают, а он взглянул на меня тем же пронизывающим взглядом глаз цвета обнаженного клинка из прекрасной стали.

— Что войны выигрываете, ваше величество! А отдельные проигранные сражения кто вспомнит?..

— Но противники все мощнее, — сказал я с тоской. — Когда-то да обломится.

— Вы тоже все мощнее, — напомнил он. — А если и не мощнее, то хитрее, а это тоже важно для жизни и сельского хозяйства.

Келляве молча разлил всем остатки вина из кувшина, кивнул Периальду, тот мгновенно все понял, такое все мы понимаем сразу, что-то негромко сказал через приоткрытую дверь.

Вскоре слуги принесли два тяжелых кувшина, а пустые забрали с собой.

— Мы пришли на Юг, — напомнил Келляве веско, — ваше величество, для побед. А местные демоны, уверен, не сильнее тех, которых мы красиво и доблестно били на Севере!.. Мы победим. Недаром же сэр Альбрехт в такой шляпе?

— Наливайте, — сказал Альбрехт. — Завидовать нехорошо, сэр Гастон.

Келляве широко улыбнулся, его широкая ладонь цапнула за ручку ближайший кувшин.

Глядя на его довольное лицо, я подумал, что это чуть ли не единственное, что все мы делаем с удовольствием, даже не считаясь с титулами и величием рода, принц с кувшином вина в руке может налить даже простым графам и вообще виконтам, не теряя достоинства.

Альбрехт наблюдает со снисходительной улыбкой, все мы стараемся как-то уйти от трудных решений или отсрочить их, а кувшин в руках и наполняемые вином чаши — всегда самое лучшее решение.

А вот хрен вам, подумал я мстительно, никаких отсрочек. Здесь и сейчас решаем и берем на себя ответственность.

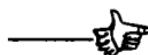
— Герцог, — сказал я с подчеркнутой требовательностью в голосе, — давно от вас не слышал внятного доклада о положении дел.

Альбрехт поспешил подняться, ответил с поклоном:

— Простите, ваше величество!.. В самом деле после того доклада, что я представил сразу после вашего великолепно театрализованного завтрака, больше с моей стороны докладов не было. Правда, ничего и не случилось, разве что посланы еще группы для охраны причальных пирамид в королевства Неттария и Айсларки.

— А в самом Волсингборе?

— Здесь прекрасно справляется сэр Рокгаллер, — ответил он. — Просто безукоризненно! Я хотел бы придраться, чтобы показать, как делаете вы, свое видение проблемы, но у сэра Рокгаллера в самом деле талант управлять большим и очень большим хозяйством.

— Ладно, — буркнул я. — Всегда вы на чужом горбу выезжаете...

— ...помахивая шляпой, — вставил Келляве. — Прынц, вот ваша чаша. Извините, что налил с горкой, но вы, уверен, сумеете не пролить, вы же ловкий в подобных...

Я проворчал:

— Вот-вот, еще и помахиваете, как не стыдно?..
А как у вас, граф?

Келляве остановился с кувшином в руках, развернулся ко мне сияющим лицом.

— Подготовил часть местных, — отрапортовал он бодро. — Они все изнеженные, но сообразительные, хоть и не наши. Сразу понимают, что от них требуется, хоть и тупые. Вооружил, укрепил отряды нашими по одному в каждый десяток. Теперь можно и в бой! Проверим, как они... когда не на парадах.

Я напомнил суровым голосом:

— Сейчас наша задача удержать под контролем те причальные, которые еще существуют!.. Теми королевствами, что разрушены, займемся позже. Потому готовьте местных, их здесь как песка на берегу океана.

Келляве сказал с удовольствием:

— Ничто не ускользнет от вашей карающей дланi!.. Это по-нашему.

— Наливайте, — сказал я нетерпеливо, — никогда рассиживаться, мы еще не переделали мир!.. У нас только сэр Альбрехт переделанный, да и то как-то не по-нашему!

Сэр Келляве бросил взгляд на Альбрехта и сказал мудро:

— Природа держит равновесие. Кому красоту, кому ум.

— Сэр Ричард у нас красавец, — заметил Альбрехт. Келляве посмотрел на него, на меня.

— Ну, вообще-то знал я одного... И урод, и дурак... Так что бывает всякое.

Альбрехт заметил невинно:

— Не такой уж сэр Ричард и урод. А в остальном...

Келляве напрягся, тяжеловесно пытаясь найти выход из ловушки, я сказал сердито:

— У вас что, другой темы нет, только бы императору косточки перемыть? Брифинг окончен, все за работу!

Глава 4

А вечером в кабинет без стука вошел сэр Норберт, это его привилегия, как и остальных моих ближайших военачальников, но мало кто ею пользуется, по крайней мере не злоупотребляют.

Сейчас он быстрыми шагами пересек кабинет и, остановившись перед столом, вперил в меня строгий немигающий взгляд.

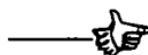
— Вернулась.

Голос его прозвучал совсем тихо, даже Хурт у двери не услышит, да и по губам не прочитает, Норберт все учитывает и встал к нему спиной.

Сердце мое стукнуло громче, по телу пошла теплая волна, даже голос вроде бы чуточку сдал, когда я уточнил:

— Ездила за инструкциями?

Он кивнул, и, хотя лицо остается таким же непроницаемым, я ощущал в ровном голосе скрытое торжество:

— Полагаю, доложила обо всем, а рассказать было о чем. Там ей посоветовали, что делать и как делать. Думаю, следующая поездка в герцогство будет очень не скоро.

— Сядьте, герцог, — велел я. Он опустился в кресло, но не откинулся на спинку, как сделал бы Альбрехт, а остался прямым и жестким, словно вбитый в сиденье большой гвоздь. — Переложит на курьеров?

— Вы прямо мои мысли читаете, — ответил он с одобрением старшего товарища. — Сейчас будем присматриваться к каждому, кто появится в ее доме в виде прислуги или охраны. Интересно, сколько их прибудет из герцогства, а сколько найдет здесь.

— Даже среди здешних могут быть нездешние, — согласился я. — На некоторых обязательно бросят ложный след, а настоящий враг укроется в их тени...

— Знаете материал, — одобрил он. — Вы точно не были начальником разведки? Или тайных служб?

— Я поэт, — ответил я с достоинством. — Думаю, разберемся, сэр Норберт!

— Разберемся, — согласился он. — Кстати, сегодня доложили, что Демон Огня сильно замедлился перед озером Баларское. Две недели двигался едва-едва, озеро там глубокое, даже очень, как говорят живущие в рыбакском поселке старожилы...

— Не задело?

— Нет, только видели, как двигается пожар, а когда приплыли, то обнаружили, что озеро разделено на две половинки широчайшим мостом.

— Высоким?

— Нет, на ладонь выше поверхности. Если ветер, волны гуляют и по такому мосту. А Демон Огня, по

наблюдениям моих людей, как только выбрался на берег, пошел с прежней скоростью.

— Направление?

— Не меняет. Даже удивительно. Ничто не нарушает точность курса.

Я подумал, сказал осторожно:

— Линия его продвижения не изменилась, значит?.. И вот-вот начнет проходить, как мы и предполагаем, через горы Лайгимлии?.. Нужно будет лично посмотреть, как он это делает.

— Не императорское это дело, — сказал он. — Вы должны видеть глазами своих людей, ваше величество.

— Да у всех какие-то глаза косые, — сказал я с неудовольствием. — Все на баб смотрят, у какой какие сразу замечают, а о делах державы не бдят, а мне за нее обидно.

Он взглянул с интересом.

— Правда? Хотя да, теперь это ваша держава, хотя местные еще не поняли. Демону Огня, судя по его предполагаемому маршруту, придется переть через десяток королевств, затем пройдет наискось по империи Германа и плюхнется в океан!.. Утонет ли?.. Или начнет строить мост к северному матерiku?

— Было бы неплохо, — пробормотал я. — Но вряд ли умеет строить раздвижные, а так перегородит океан и тем самым преступно ограничит свободу мореплавания... Да-да, сэр Норберт, дойдут руки и до водных богатств нашей державы! Когда-то наши корабли будут бороздить все моря и океаны.

Он посмотрел на меня с тем же холодным интересом.

— Судя по всему, вы верите, что может строить и через океан? А из чего будет брать камень?

— Вода тот же камень, — сказал я мирно, — а камень вода... если нагреть до нужной степени. Но надеюсь, остановим раньше. А насчет герцогини...

— Пока только наблюдение, — ответил он. — Пусть войдет в дворцовую жизнь. Вы пока с нею не сближайтесь.

— Да я и не рвусь, — пробормотал я. — На этом поле и так перебор...

— Изобилие, — уточнил он.

— Чрезмерное.

Он хмыкнул.

— Для кого чрезмерное, а кому и служанки отказывают... В общем, понаблюдаем, с кем начнет устанавливать контакты, крепить связи, вербовать сторонников...

— Если начнет, — уточнил я. — Возможно, ее роль ограничивалась только покупкой большого дома поближе к императорскому дворцу.

— За этим большим домом, — напомнил он, — наблюдение уже установили. Есть там большой запущенный сад, не просматривается, пришлось добавить одного с амулетами незримника.

Я напомнил:

— Только наблюдать! И так, чтобы не спугнуть. Никого не задерживать, не допрашивать. Всех гостей брать на заметку, проследить и за ними. Возможно, так размотаем клубок.

В его суровом взгляде промелькнула искорка.

— Ваше величество, все-таки вы в прошлой жизни точно руководили секретной службой! Ну да ладно, это ваше дело. А о герцогине будем собирать и накапливать. Поспешность в таких делах хуже поражения в войне.

— Тем более, — напомнил я, — что войны нередко выигрываются еще до начала в результате тайных операций... но вы это знали, герцог?

Он покачал головой.

— Нет, если честно. Но теперь вижу. Если вы, ваше величество, не руководили секретной службой, то управляли теми, кто ею руководил!.. Это точно, ваше величество! Потому и знаете эту работу.

— Сэр Норберт, — сказал я, — в большой державе обычно несколько разведок. Государи не желают зависеть от докладов одной, им нужна объективная информация. Да и разведки соревнуются одна с другой...

Он насторожился.

— Ваше величество?

— У нас другой нет, — подчеркнул я. — В вашу объективность я верю абсолютно. Потому другая и не планируется.

Карты королевств очень приблизительные, масштабы не соблюdenы. Каждый день мне кладут на стол данные с маршрутом Демона Огня, и если верить картам, то двигается он причудливым зигзагом, хотя разведчики клянутся, что прет абсолютно прямо, не обращая внимания на препятствия.

Потому его маршрут приходится все время уточнять, впереди оказываются совсем не те места, которые были намечены всего пару дней назад, а Демон Огня проходит в десятке миль справа или слева от деревеньки, которая раньше лежала точно на его пути.

Двигается уже месяц, за это время прошел две тысячи сто миль, но сумел разрушить только три деревни и небольшое село, других жертв Демона Огня обнаружить пока не удалось.

Неизвестно, сколько пройдет еще через леса и незаселенные земли, но где-то через два-три месяца, если ничего не случится, доберется до городских стен Бергенда, большого и роскошного города в королевстве Серквария.

Разведчики Норберта не упускают его из виду, сообщают, что двигается вот так же мощно и неостановимо, скорость не меняется, так как пока нет ни болот на пути, ни озер, а только небольшая гряда гор, но к той подойдет недели через две.

Альбрехт внимательно наблюдал, как я накладываю на карту линейку и провожу пунктирную линию.

— Есть цель? — спросил он. — Какой-нибудь очень важный город?.. Который намечен для разрушения?

— А зачем тогда так издалека?

Он пожал плечами.

— Кто знает, может для устрашения? Если, дескать, примут их условия, выплатят золотые горы, поцелуют в задницу... то Демона Огня отзовут. Мы же Маркуса только больше для устрашения? Хотя в данном случае пора бы применить...

Я продвинул линейку по карте дальше.

— Тогда на пути должен быть крупный имперский город.

— Или Волсингсбор, — обронил он.

Я провел пальцем по предполагаемому маршруту, покачал головой.

— Далеко в стороне. Несмотря на все неточности картографов. Да и что им Волсингсбор? Всего лишь самый крупный и богатый город... Надо посмотреть, нет ли по дороге каких-то гор?

— А чем важнее горы?

Я посмотрел на него с усмешкой.

— А если там упрятаны сокровища?.. Герцог, не надо морщиться, я говорю не о пещерах с награбленными бриллиантами, а что-нибудь такое же, как и сам Демон Огня. Разве что помощнее и пострашнее, что не в состоянии выбраться в одиночку...

Он вздрогнул, даже отступил на шаг. Лицо дернулось.

— Ваше величество, — сказал он нервным голосом, — что у вас за странное понятие сокровищ?..

— Не хотите предположить, — обронил я, — что у кого-то могут быть такие же понятия? Потому и послали этого голема достичь означенной горы и высвободить более могучего собрата.

— Не хочу, — отрезал он. — Мир должен быть понятным!

— Ну да, — возразил я, — тогда почему у вас такая шляпа?.. То-то. Самим хочется быть непонятными и загадочными, а мир должен быть для нас прост?.. Милфорд еще не вернулся?

Он покачал головой.

— Его отряду до ближайшей пирамиды триста верст, а оттуда еще и багером двое суток!

— Ладно, — сказал я. — Откуда вышел, знаем. Где остановить — решим. Или сомневаетесь?

Он отшатнулся с преувеличенной пугливостью.

— Ваше звездное величество? Как бы я посмел?.. Кстати, вот интересное сообщение. Взгляните. Разведчики докладывают, что Демон Огня снес и горный барьер, разделяющий королевства Медные Горы и Санрок!..

— Что значит снес?.. Ему недостаточно было прорубить дыру?

— А тот хребет, довольно хилый, если честно, располагался не фронтом к Демону, а как бы боком. Вот

он и прошел по нему по всей длине, развалив чуть ли не на две половинки, как краюху хлеба!

Я в изумлении покачал головой.

— И его не завалило камнями?

— Я тоже на это надеялся. Тем более что остановился на время, но, как оказалось, только для того, чтобы расплавить засыпавшие его камни и превратить в горящую лаву. И дальше часто останавливался, плавил камни... хотя мне кажется, он их просто испарял, как испаряется кусок льда на солнце.

— Камни тоже испаряются, — заверил я, — ваша догадка, герцог, абсолютно верна.

Он поднял на меня недоверчивый взгляд.

— Камни?

— Можно-можно, — сказал я. — Можно, ваше величество. Только огонь разжечь жарче... Значит, сейчас там...

— Ровная дорога, — ответил он. — Шириной в половину мили, абсолютно ровная, твердая, плиты толщиной даже не знаю во сколько ярдов!

— Хорошо, — сказал я. — Будем думать.

Он понял, поклонился и вышел, даже не сказав «ваше величество». Мы одни, Хрурт не в счет, церемониями можно пренебречь.

Глава 5

Как ни перемешивал Маркус земные пласты, но слишком уж много осталось от прежней высокоразвитой, те же багеры, скайбагеры, а еще в недрах трудятся автоматизированные горнорудные заводы, добывают редкие металлы и подают их наверх.

Ничего больше от них и не требуется, явно простейшие механизмы работают по простейшей программе, где искусственным интеллектом и не пахнет, так что, если бы даже мог туда попасть, не полез бы, а вот Зачарованные Места — это совсем другое.

В них может сохраниться что угодно. От остатков технологических кластеров, защищенных на случай войны, до земель, свернутых могучей магией.

Правда, их сохраняли на тот случай, чтобы переждать войну, но она оказалась слишком страшной и разрушительной, так что их замуровало в пространственно-временных координатах накрепко, а выжить в небольших коллективах без контакта с внешним миром тысячи лет практически невозможно.

— Займусь, — пообещал я себе с сильно стучящим сердцем, — но не сейчас. Как только, так сразу. Сперва Демон Огня, потом Великие Маги... Или сперва они, а потом Демон, как карты лягут. Но доберусь... Хрурт?

Он отрапортовал:

— Прибыли, ждут.

— Впусти, — велел я. — Если голодные, вели подать еду. Если кто хочет промочить горло...

— Это они всегда, — ответил он с широкой улыбкой, но, нарвавшись на мой хмурый взгляд, поспешно пояснил: — У вас вино сильно хорошее! У Скагеррака такого не было, хотя у него лучшие плантации виноградника!.. Это ваш лорд-канцлер сказал, а он, по слухам, в винах разбирается лучше, чем в делах империи.

— Одни подхалимы, — сказал я грустно.

В кабинет вошли один за одним Альбрехт, еще наряднее, чем вчера, хотя вчера был наряднее даже

местных, а что завтра будет, подумать страшно, за ним Норберт, доспехоблещущий Келляве, скромно нарядный Кенговейн и сдержанный Волсингейн...

— С охраной причальных пирамид проблемы, — доложил Альбрехт.

Я насторожился, сказал резко:

— Давайте подробнее!

— Мятежи, — ответил он коротко. — Как только в их небе появилась Багровая Звезда и начала приблизиться, императоры, короли и большая часть знали ушли в заготовленные пещеры, а народ тоже ушел, но не в пещеры, а вразнос...

Я сказал в нетерпении:

— Это понятно, а что с причальными?

— Никто их не трогал, — согласился он, — потому что грабить и насиловать там нечего, но спустя какое-то время те энергичные сволочи, что позахватывали опустевшие троны, увидели, что Багровая Звезда все еще не рушит мир... А вдруг и не порушит и они тоже уцелеют? Вот и поспешили направить народ, чтобы в спешном порядке разрушить пирамиды и оставаться в королевствах единственными властелинами!

Все молчали, поведение этих отважных объяснимо: сами поступили бы точно так же, а как же иначе, — поглядывают на меня в ожидании ясных и четких решений.

— Понятно, — сказал я, — значит, началось только сейчас...

— И продолжается, — добавил Альбрехт. — Пирамиды — символ императорской власти над ними, свободными и гордыми.

Келляве кашлянул, перевел взгляд с Альбрехта на меня.

— Ваше величество...

Я кивнул.

— Говорите, граф.

— Я уже думал, что можно сделать еще, ваше величество. Вы распорядились послать часть наших отрядов на охрану некоторых пирамид, но их мало. Я поднял в канцелярии все бумаги насчет императорской армии...

— Ну-ну?

— Ее нет, — ответил он. — Нет, ваше величество!

В голосе воинственного графа прозвучало понятное недоумение воина, который прежде всего хочет знать все насчет вражеской армии, а также об армии союзников, а узнавать нечего.

— А что есть?

— Дружины, — сообщил он. — Совсем небольшие. То ли для парадов, то ли по традиции. Войн не бывает, за этим следят Великие Маги, а тогда зачем кормить армию?

Альбрехт добавил:

— Сэр Келляве точно заметил, что не существует даже императорской армии, не говоря уже о королевских. В нашем понимании, конечно. Только городская стража, дворцовая, а также небольшие сторожевые отряды... зачем, не знаю.

— Рудимент, — пояснил я. — Остаток древних времен, здесь чтут традиции. А что армии нет, это хорошо. Хоть и плохо.

— Ваше величество?

— Нельзя двинуть на захват соседских земель, — пояснил я, — свергая неправильные режимы и устанавливая нашу военную демократию с человеческим лицом. Зато и они не могут двинуть нас. Или на нас.

— Значит, — подытожил Кенговейн, — все опять сами... На кого нападем?

Я ответил сердито:

— Ни на кого!.. Что вы такие воинственные?.. Здесь воюют по-другому.

— Как, ваше величество?

— А вот как здесь, — пояснил я. — Сразу сдались, а затем начали растворять нас в их массе. Южан миллионы, а вы даже слова такого не знаете!..

Норберт заметил хмуро:

— Но уже знаем, что на каждого нашего здесь тысяча местных. Я говорю про Волсингбор и его окрестности. А если взять империю...

— Не берите, — посоветовал я. — А то упадете если не в обморок, то в депрессию. Здесь так именуют тоску. Сэр Бриан в какой-то мере прав, все придется самим.

Кенговейн, взыграв, повторил уже повеселевшим голосом:

— Но мы же сможем удержать империю? Ваше величество, все на Севере говорят про ваши загребущие!

Я распорядился:

— В самом срочном порядке отправьте в самые неблагополучные места людей из многочисленных отрядов Титуса и Юстера!.. Скажите, что это ненадолго. Город и дворец в безопасности благодаря их отваге и мужеству, а теперь нужно обезопасить империю. А потом как только, так сразу. Скажите им... нет, пусть лучше ваш сюзерен скажет, он кого угодно обманет.

Альбрехт взглянул с укором, я хоть и похвалил, но как-то не так, лучше бы за шляпу, с нею и то понятнее.

Норберт у выхода в коридор пропустил всех, даже Кенговейна, хотя тот ниже по рангу во всех отношениях, я заметил, сказал веско:

— А вас, сэр Норберт, прошу малость задержаться.

Он развернулся и сразу направился к моему столу. Глаза строгие и серьезные, но я уловил промелькнувшую веселую искорку.

Я кивнул в сторону двери, дескать, закрыто плотно, однако он все равно понизил голос, заговорив тихим вкрадчивым шепотом:

— Ваше величество, есть новость.

— О герцогине? — спросил я. — Да ладно, герцог, я же вижу, новость не о причальных пирамидах!.. Говорите громче, здесь мощная звукоизоляция.

— Растете, — одобрил он. — Да, верно, угадали. Из множества слуг, нанятых герцогиней Клауренской, двое точно не только слуги.

Я довольно потер ладони одна о другую.

— Прекрасно! Как поняли?

— Часто выходят в город за покупками, — доложил он. — Но на базаре не только встречаются с торговцами, но тесно общаются с горожанами.

— Это не криминал, — заметил я. — Поговорить все любят.

— Да, — согласился он, — но покупки как-то не очень...

— Что не так?

— Берут мясо, — пояснил он, — рыбу, фрукты, но без торговли и даже не слишком выбирают. Могут взять хорошее мясо и заплатить, не торгуясь, хотя рядом такое же у другого продавца почти вдвое дешевле!.. Так ни одна хозяйка не делает.

Я кивнул, сказал быстро:

— Значит, сами по себе? Благородные?.. Ни герцогиня, ни управитель их расходы не контролирует?..

— Похоже на то. Что намерены с ними делать?

Я помолчал, взглянул на него испытующе. Он держится спокойно, готовый принять любое мое решение, даже неловко, что у меня такой авторитет, будто украл что-то.

— Потенциальную угрозу ликвидировали, — напомнил я. — Хоть и не так, как хотелось, но все же угрозы больше нет, это главное. Теперь хочу ухватить куш побольше.

— Сэр Ричард?

— Помните ту группу, — сказал я, — что пыталась захватить контроль над герцогством?..

Он кивнул, во взгляде появилось нечто вроде одобрения.

— Да, но вы ее обезглавили. Можно было бы и остальных, все-таки военное положение...

— Я хочу их использовать, — признался я, — только руки все не доходят. Они задумали какие-то реформы, а я сам реформатор еще тот. Они в целом действовали почти правильно, империя вся нуждается в достаточно глобальных переменах.

Он посмотрел с интересом.

— А зачем перебили, если те действовали почти правильно?

— Я же деспот, — пояснил я. — А деспоты прежде всего избавляются от тех, кто действует примерно так же. Деспоту не нужны соратники! Начнутся всякие споры и дискуссии по мелочам, топтанье на месте, пойдут трещины, фракции будут интриговать одна против другой, а конечная цель построения справедливого общества в отдельно взятой стране отойдет на задний план.

Он с испугом посмотрел в мои потемневшие глаза.

— Ваше величество, умолкните!.. Не знаю, что за общество вы когда-то строили, но сейчас у вас лицо страшнее грозовой тучи!..

Я поднялся, пару раз глубоко вздохнул. Норберт провожал меня взглядом, когда я вышел из-за стола и приблизился к большой карте на стене.

— Где тут у нас это герцогство Клауренское?

Он с готовностью поднялся, быстро обогнул стол.

— Левее, — сказал он, — еще... Видите королевство Арелат?

— Где же оно... ага, вот это?.. Здесь ничего не написано.

Он пояснил:

— Здесь, на Юге, странная ситуация. Думаю, не только в империи Клондзейда, что теперь империя Ричарда Багровая Звезда, а везде... Не будь сети багеров, империя давно бы развалилась, и вообще ее считают не по королевствам, а по точкам, где останавливаются багеры.

— Ладно, — сказал я, — герцогство входит в это королевство?

— Нет, — ответил он. — Вот здесь отмечен этот Арелат... Да, крохотное королевство, но не в размерах дело.

— Так герцогство в нем?

— Нет, — напомнил он с упреком. — Это же независимое, ваше величество! Оно между королевствами Алерат и Овернией, на карте вообще не разглядеть, такие у него размеры! Из-за его самостоятельности и желали те заговорщики то ли захватить, то ли взять под контроль. Во всяком случае, нанести ущербвшему достоинству и репутации. На карте не видно

чего-то особенного, ваше величество. Правда, я на всякий случай отправил туда троих, пусть ищут, но шансов почти нет, а больше послать не могу, людей катастрофически мало.

— Знаю, — ответил я с досадой. — И вижу, на что намекаете. Обещаю, как только разделаемся с Демоном Огня и Великими Магами, сразу же постараюсь переправить сюда всю армию с Севера!

Он наклонил голову, выражая признательность.

— Спасибо, ваше величество. А то, уж простите, но сами не справимся, даже несмотря на мощь Багровой Звезды.

Я вернулся к столу, жестом велел ему сесть на прежнее место. Он продолжал рассматривать меня со спокойной уверенностью человека долга и воинской дисциплины, ожидая и от меня соблюдения воинской этики.

На столешнице возникли под моим пристальным взглядом две простые деревянные чаши с вином багрового цвета, затем появилась тарелка с горкой сахарного печенья.

— Подкрепитесь, герцог, — пригласил я. — Вино некрепкое, а печенье сразу придает сил. А они, видит бог, нам еще понадобятся.

Он взял чашу, не отрывая от меня испытующего взгляда, сделал глоток, прислушался, кивнул.

— Всякий раз делаете другое вино, ваше величество. Похоже, вам служат настоящие знатоки адского вина!

— Да уж, — согласился я, — в раю вина точно нет.

— Может, — предположил он, — плохо искали?

— Сэр Норберт!

Он улыбнулся.

— Разве Ной не в раю? А как он там без вина?.. Ваше величество, я не совсем понял, вы планируете перехватить управление тем тайным обществом или уже передумали? Они тогда согласились работать на вас, но сейчас видим, что продолжают свое дело как бы и без вашего ведома...

— Просто руки не доходили, — ответил я с тоской, сделал глоток и задержал чашу в руке. — Мало нас, а проблем много.

Норберт промолчал, но во взгляде серых строгих глаз я уловил сочувствие, а то и вовсе соболезнование. Дескать, неудача с построением справедливого общества могла задеть такого самолюбивого засранца больше, чем криво подстриженный ноготь.

— И как?

— Но мы построим, — пообещал я. — Общество!.. Но сперва людей.

— В колонну по двое?

— По образцу и подобию, — ответил я, но не стал уточнять, по какому образцу и какому подобию, пусть думают одно, а я буду думать другое. — Я перебил верхушку, а устрашенное грубой силой общество заговорщиков поклялось принять мой протекторат. Жаль, мы торопились, я даже не успел узнать подробности, что хотели и как пытались, но как только остановим Демона Огня...

Он уточнил:

— Известного в вашем странном королевстве как терраформер?

— Быстро схватываете, — заметил я. — Да, терраформер. Созданный мастерами, а запущенный дураком.

— С подмастерьями так бывает, — согласился он. — Вы же знаете про голема, которого подмастерье

мудреца заставил в отсутствие хозяина убирать квартиру?.. Он все выполнил, убрал...

— Знаю, — прервал я. — Так бывает даже в политике. У нас еще одна беда, мы — чужаки. Все и смотрят как на чужаков, что скоро уйдут. Опереться нам не на кого. Родни нет, кланы чужие...

Он проговорил неспешно:

— На родственные связи хорошо опираться в мирное время, ваше величество. А в военное лучше опираться на силу.

Я сказал с тоской:

— Есть и еще нечто, которое уже пора принимать во внимание. Только не знаю, как подступиться.

— Ваше величество?

— Закон, — отрезал я. — Равный для всех. Я даю защиту всем жителям земель, куда ступает копыто моего коня. И поверьте, для населения это куда важнее, чем выдаст ли король дочь замуж за сына короля Овернии или Арелата!..

— Для населения?.. Вы имеете в виду...

— Верно, сэр Норберт. Я имею в виду совсем не лордов.

— Простите...

Я пояснил милостиво:

— С моей неизмеримой высоты императорского трона как-то незаметна разница между простолюдином и бароном... Потому я отбираю себе не по знатности рода, а кто как работает. Для императора это самое важное. Император обязан быть pragmatikom. А вы, сэр Норберт, во сто крат ценнее здешних двух десятков принцев, что шляются по дворцовым залам.

Он чуть наклонил голову.

— Спасибо.

— Пожалуйста. Вы и сами прекрасно знаете. Я только напомнил, что тоже знаю и принимаю во внимание.

Он уловил по моему тону, что я сказал все, поднялся и откланялся, прижимая шляпу к груди.

— Ваше величество...

После его ухода появился Хрурт, молча сграбастал со стола оба кубка и, прижимая к груди, понес к двери.

— Эй, — крикнул я, — ты куда?

— У меня там шкаф, — сообщил он. — Уже второй почти полон!.. Все вещи, созданные колдунами, рассыпаются у кого сразу, у кого на другой день, у сильных держатся неделю, а с вашими, сэр Ричард, ничего не происходит! Наверное, от самого Сатаны?

— От святости, — буркнул я. — Что, святые не такие?.. А кто знает, какие они, когда не на иконах.

Глава 6

Лорд-канцлер отчитался о переменах в правительстве, хотя и считает их преждевременными. Великие Маги еще не вышли, а с ними все изменится, а я велю действовать, как будто их и нет вовсе или с ними достигнут пакт о ненападении и невмешательстве.

— А в целом, — одобрил я, — как, вижу, вы все делаете своевременно, сэр Джуллиан.

Он сказал с почтительным поклоном:

— Под вашим мудрым руководством, ваше величество!.. Это выглядит как лесть, знаю, но ваши указания в самом деле исполнены мудрости и предвосхищения... В правительстве изумляются, вы так молоды... И что за книги вы читали?

Я ответил с небрежностью:

— Да есть такие у нас на Севере. Только мало кто их читает. Да вы и сами знаете, мало кто тянется к знаниям, а вот к удовольствиям так просто бегут, теряя парики... Сэр Джуллиан, а вам не кажется, что у меня какой-то перекос?

Он спросил встревоженно:

— Ваше величество?

— С любовницами, — пояснил я. — Сколько свободных женщин, а у меня почти все — замужние! Жанна-Антуанетта, Эрмессинда и даже герцогиня Самантелла хоть и без мужа, но только потому, что вдова. И эта тенденция начинает... тендентничать!

Он откинулся на спинку кресла, чуть расслабился, раз уж разговор зашел о женщинах. Они хоть частенько играют важные роли в делах держав, но мы все делаем вид, что все происходит только по нашей воле, а женщина так, вроде бантиков.

— Ваше величество, — произнес он, кустистые брови чуть приподнялись в удивлении, — что-то возникает еще? Я угадал?

Я отмахнулся.

— Да так... Это не в счет, но тоже... Прибыла герцогиня Улиссиндрия, купила дом в Волсингсборо, чтобы иметь как бы представительство в столице.

Он подумал, переспросил:

— Поговаривают, вы ее как петух курицу в том герцогстве, где было что-то вроде мятежа или заговора?

— Она тоже замужняя, — напомнил я. — Только не так грубо, как вы предположили! С моей стороны было предписанное правилами исполнение государственного ритуала подчинения герцогства императорской власти. Только и всего, ничего личного.

— А-а, — протянул он, — вы и здесь успели... А мы гадали, зачем вы тогда вдруг так неожиданно покинули столицу.

Я посмотрел строго и с неудовольствием.

— Сэр Джуллиан, у вас это звучит, словно я отлучился именно для того, чтобы копулировать герцогиню!.. Говорю же, был заговор, обещал неприятности, но мы подавили в зародыше!.. А герцогиню так, попутно. Не мог же я отказаться, если традиции и ритуалы, неукоснительного исполнения которых вы так требуете для устойчивости империи, повелевали... Все в интересах державы, дорогой лорд-канцлер!

— Вы сделали все правильно, — ответил он строго и внушающе. — Консуммация жены правителя обязательна в таких случаях. Это как большая государственная печать на договоре, закрепляющем, кто кому подчиняется.

Я сказал с заметным облегчением:

— С другой стороны, не так уж Юг отличается от Севера, когда речь идет о таких основополагающих вопросах существования человеческого рода, его прогресса, расцвета культуры, искусств и сельского хозяйства. У нас в армии это закреплено в виде негласной доктрины сэра Растера, но у вас просвещенный Юг, где все то же подано в намного более рафинированной форме. Здесь окультурено и внедрено в повседневную жизнь как непременный элемент социальных отношений...

Он слушал с некоторым напряжением, а я подумал, что моя репутация мудрого правителя чуть ли не на сто процентов основывается на моем умении говорить сложно и непонятно даже для членов

правительства, где собраны совсем не пустоголовые бабники.

— Ваше величество, — произнес он наконец с сочувствием, — мы все ценим, что следуете этим древним и тем самым освященным правилам. Когда надо, ваше величество, то надо!.. Вы же столб!

— Неотесанный? — спросил я с подозрением.

Его огромное мясистое лицо изобразило улыбку. Глубокие морщины задвигались, потеснили мелкие, во взгляде пропало сочувствие.

— Ваше величество... Для державы не так важно, насколько вы отесаны. Важно, что на вас держится вся власть, и нужно, чтобы она была непоколебимой и образцовой.

— Гм...

— Жизнь, — пояснил он, — отесывает всех. Чужие жены — это хорошо. К счастью, даже престарелые правители берут в жены молоденьких. Правда, есть исключения, но... ладно, это оставим. Хотя если в интересах империи...

Я дернулся, он смотрит как-то чересчур серьезно, словно как и мое северное окружение, начинает улыбаться над таким простофилей.

— Ну, знаете ли, — сказал я с сердцем, — хорошо-го вы обо мне мнения!

— Вы же государственный человек, — ответил он лицемерно, — все в интересах ваших земель. Вы как-то говорили, что вам за державу обидно?..

— Сэр Джуллиан, — произнес я, — мы, император Клондзейда, весьма довольны проделанной вами работой!

Он поспешил встал и откланялся, прижимая шляпу к груди.

Поздно вечером на брифинге я выслушивал военачальников о проблемах империи, для них проблемы только мятежи в отдаленных королевствах да разгул разбоев, только Альбрехт слушает молча да иногда поглядывает на меня, понимает, что есть проблемы и посерьезнее.

В разгар дебатов, что и как делать, когда нас горстка, в кабинет заглянул Хурт.

— Ваше величество, — провозгласил он зычно. — Сообщение от Чекарда!.. Говорит, срочное!

Я сказал с неудовольствием:

— Давай. Но если пустяк, я ему голову оторву.

— Это я виноват, — сказал он. — Чекард зря не каркнет.

Мимо Хурта в кабинет проскользнул худощавый парень в запыленной одежде и в легких доспехах из кожи, в вытянутой руке запечатанный свиток.

Все молча ждали, как он пробежал через кабинет по направлению ко мне, но Альбрехт загородил дорогу и требовательно протянул руку.

Разведчик передал ему бумагу, я кивнул, он так же быстро вернулся и выбежал в коридор.

Альбрехт сорвал скрепляющую веревочку, развернулся, все опять же молча ждали, даже не переглядывались, чувствуют, как что-то важное вот происходит уже сейчас.

Читал Альбрехт недолго, но дважды поднимал взгляд на меня, глаза озадаченные, наконец, проговорил с непривычной для него нерешительностью:

— Сообщение странное... но отмахиваться, на мой взгляд, не стоит...

Я сказал раздраженно:

— Сэр Альбрехт!

Он наконец оторвал взгляд от бумаги, Келляве снял ее у него и опустил на стол передо мной.

— Чекард сообщает, — сказал Альбрехт, — в одном отдаленном селе в лес ушли двое детей за ягодами или грибами, тут мнения расходятся, к вечеру не вернулись.

Келляве заметил:

— И что тут особенного?

— Утром, — продолжил Альбрехт, — из села увидели в той стороне зарево пожара. Народ ринулся спасать скот и вещи, а пара самых смелых вскочила на парней и помчалась в ту сторону...

Он сделал театральную паузу, я сказал в раздражении:

— Сэр Альбрехт, хотя у вас самая пышная в империи шляпа, но давайте быстрее!

Он сказал уже намного живее:

— В общем, говорят, дети попали в яму и не могли вылезти, а дальше за стеной огня остановился Огненный Демон, изрыгающий богохульства...

— Ну-ну?

— Один из парней отважился вытащить детей, но, как только взяли их на седла и повернули коней, Демон Огня тут же заревел страшным голосом и, продолжая изрыгать проклятия, двинулся дальше.

Сэр Рокгаллер проговорил скептически:

— Богохульства? Здесь богохульства не знают. Это же наши присовокупили.

Норберт, чей мозг неустанно работает над проблемой, как справиться со страшным Демоном, сказал уверенно:

— Брехня, конечно, теперь всякие слухи ходят. И даже такие, что оружием не остановить, а вот невинные и безгрешные дети...

— Такие слухи множатся в тяжелые времена, — согласился Альбрехт. — Сколько я их слышал на Севере... Но здесь нет церквей! Вряд ли увидим шествия с хоругвями, распеванием псалмов и толпой невинных детишек впереди... Так что как-то неожиданно...

Я молчал, в черепе взвился и с треском бьется о стенки рой трепещущих мыслей и предположений, далеких от Церкви, и легенд насчет детской святости.

Демон Огня в самом деле мог остановиться, если в нем есть защита от дурака, что включает в себя и детишек, которые лезут куда попало, а также домохозяек и вообще всех посторонних, которых надо бы давить без жалости, но почему-то нельзя.

И этой защитой, если она есть, просто грех и не-простительная дурость не воспользоваться.

Я помолчал, ухватив за хвост юркую мысль, намотал ее на кулак, чтобы не сбежала, все почтительно молчат и смотрят на меня в ожидании.

— Сэр Альбрехт, — поинтересовался я, — какой на пути Огненного Демона ближайший город?

Он ответил моментально:

— Скирдия. Пройдет всего в полусотне миль сегодня к вечеру.

— Не успеваем, — сказал я. — А следующий?

— Сожалею, ваше величество, — ответил он, — но это последний в вашей империи.

Я сказал зло:

— А дальше? Мы что, не знаем соседей вот так со всем?

Он покачал головой.

— Увы, здесь все империи живут обособленно. Однако, сэр Ричард, вы же знаете людей, спят и видят... Потому стоит потрясти лорд-канцлера, пусть достает секретные карты потенциальных противников, у людей, как все мы знаем, вокруг одни враги и непрруги. Улыбаются и заверяют в дружбе, но сведения насчет чужих укреплений собирают.

— Займитесь, — велел я, — немедленно! Промедление смерти подобно. Вчера было рано, завтра поздно, нужно сейчас.

Он взглянул очень серьезными глазами.

— Ваше величество... Всех подниму с постелей. Карты отыщем, какими бы секретными и тайными они являлись.

Карты удалось отыскать только утром, пришлось поднять не только лорд-канцлера, который отдал необходимые распоряжения, но и лорда Авдонакса, что турирует секретный императорский архив.

К нему пришли с лорд-канцлером Альбрехт и Норберт, только это убедило его достать ключи от дверей особой комнаты, да и то артачился и с негодованием распинался о нарушении всех правил и традиций.

Альбрехт строго напомнил, что карты нужны самому императору Ричарду, властелину Багровой Звезды, нужны немедленно, и если будет задержка, то для него не составит труда стереть с лица земли весь Волингсбор, не то что этот секретный или несекретный отдел, и только это заставило лорда, представителя древнейшего рода, заторопиться, как простого дворового слугу.

Я торопливо развернул на столе полученную карту.

— И где здесь состыкуется с империей Клондзейд?.. Сэр Альбрехт?

— Давайте и ее повесим рядом, — предложил он. — Все равно империя Германа под вашим протекторатом. Так что, думаю, вы соединили их дорогой неслучайно.

Я огрызнулся:

— Не приписывайте мне такой прозорливости!..
Вы что, повернули ее вверх ногами?

— Конфигурация не нравится? — спросил он. — Север в той стороне, восток здесь... Смотрите, вот с этой конечной багерной пирамиды если сойти, то через каких-то триста миль как раз догоните Демона Огня.

— Нужно оказаться у него на пути за несколько часов, — отрубил я. — Какой там город на пути?

Он провел пальцем по карте, покачал головой.

— Ни одного, сожалею.

— Сожалеете?

Он криво улыбнулся.

— Это города чужой империи, чего их жалеть?.. Ах да, империя Германа тоже почти ваша. Да, а вот Ангстример почти на пути. Демон Огня пройдет от него на расстоянии всего в сотне миль. А то и меньше.

Я всмотрелся в карту, сердце стучит, что-то и сам не очень верю, что получится, но других вариантов пока не вижу...

— Когда Демон туда подойдет?

— Через пару дней. Королевство называется Большие Плесы, но что для вас теперь королевства?.. Так, деревни.

Сэр Келляве пророкотал с тяжелой задумчивостью:

— Но придется как-то попасть в багерную сеть Жемчужной империи, которой правит Герман Третий.

Они переглядывались, прикидывали свои возможности, Рокгаллер сказал осторожно:

— Ваше величество, но империя Германа... как бы...

— В самую точку, — ответил я. — Вы сказали очень убедительно, дорогой друг!.. Империя Германа является дружественной, потому что под нашим железным протекторатом. К тому же в его империи находится маркизат Черро, что мое личное владение с тех давних времен... когда я еще...

Я умолк, подбирая слова, Альбрехт сказал понимающие:

— Когда пиратствовали в тех морях?

— Сэр Альбрехт, — сказал я с негодованием. — Я всегда был против пиратства как явления!.. Их сумел там посадить на землю, а капитанов сделал олигархами. Просто у нас с Германом особые отношения. С одной стороны, я его подданный, с другой — он мой неофициальный вассал... чем мы, без всякого сомнения, воспользуемся. Так что, сэр Альбрехт, расчитайте точно время, чтобы я успел...

Они видели, что я осекся, словно ударился на бегу о стену. Мысль пришла простая до дури. Если избегаю пользоваться услугами демонов из этических соображений, а еще и потому, что им с терраформером не справиться, то накопленной мощи в найденном скайбагере поясе должно хватить...

— В общем, — закончил я, — Демона Огня выпустили не мы, но кто остановит, кроме нас?

Келляве приосанился, ответ очевиден, но для особы замедленных сказал вскользь:

— Только мы, ваше величество!

— И где здесь состыкуется с империей Клондзейд?.. Сэр Альбрехт?

— Давайте и ее повесим рядом, — предложил он. — Все равно империя Германа под вашим протекторатом. Так что, думаю, вы соединили их дорогой неслучайно.

Я огрызнулся:

— Не приписывайте мне такой прозорливости!..
Вы что, повернули ее вверх ногами?

— Конфигурация не нравится? — спросил он. — Север в той стороне, восток здесь... Смотрите, вот с этой конечной багерной пирамиды если сойти, то через каких-то триста миль как раз догоните Демона Огня.

— Нужно оказаться у него на пути за несколько часов, — отрубил я. — Какой там город на пути?

Он провел пальцем по карте, покачал головой.

— Ни одного, сожалею.

— Сожалеете?

Он криво улыбнулся.

— Это города чужой империи, чего их жалеть?.. Ах да, империя Германа тоже почти ваша. Да, а вот Ангстремер почти на пути. Демон Огня пройдет от него на расстоянии всего в сотне миль. А то и меньше.

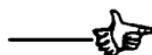
Я всмотрелся в карту, сердце стучит, что-то и сам не очень верю, что получится, но других вариантов пока не вижу...

— Когда Демон туда подойдет?

— Через пару дней. Королевство называется Большие Плесы, но что для вас теперь королевства?.. Так, деревни.

Сэр Келляве пророкотал с тяжелой задумчивостью:

— Но придется как-то попасть в багерную сеть Жемчужной империи, которой правит Герман Третий.

Они переглядывались, прикидывали свои возможности, Рокгаллер сказал осторожно:

— Ваше величество, но империя Германа... как бы...

— В самую точку, — ответил я. — Вы сказали очень убедительно, дорогой друг!.. Империя Германа является дружественной, потому что под нашим железным протекторатом. К тому же в его империи находится маркизат Черро, что мое личное владение с тех давних времен... когда я еще...

Я умолк, подбирая слова, Альбрехт сказал понимающе:

— Когда пиратствовали в тех морях?

— Сэр Альбрехт, — сказал я с негодованием. — Я всегда был против пиратства как явления!.. Их сумел там посадить на землю, а капитанов сделал олигархами. Просто у нас с Германом особые отношения. С одной стороны, я его подданный, с другой — он мой неофициальный вассал... чем мы, без всякого сомнения, воспользуемся. Так что, сэр Альбрехт, рассчитайте точно время, чтобы я успел...

Они видели, что я осекся, словно ударился на бегу о стену. Мысль пришла простая до дури. Если избегаю пользоваться услугами демонов из этических соображений, а еще и потому, что им с терраформером не справиться, то накопленной мощи в найденном в скайбагере поясе должно хватить...

— В общем, — закончил я, — Демона Огня выпустили не мы, но кто остановит, кроме нас?

Келляве приосанился, ответ очевиден, но для особы замедленных сказал вскользь:

— Только мы, ваше величество!

Глава 7

Наблюдая с балкона за флиртующими придворными, с грустью подумал, что рядовой рыцарь, сражающийся за возлюбленную, красив и героичен, прекрасный и одухотворенный образец для воспитания духа верности, мужества и благородства, но влюбленный император был бы смешон и нелеп.

Возможно, потому в истории нет примеров великой любви императоров или даже королей. Они не могут себе этого позволить, а любовь заменяют эрзацем из множества любовниц.

Потому никого не интересует, кого любил Чингисхан, Аттила, Петр Великий или Наполеон, все интересуются только тем, что они сделали с историей.

Дверь приоткрылась, Хруерт переговорил с Перильдом, повернулся в мою сторону.

— Ваше величество!.. Герцог Гуммельсберг!

Я сказал сварливо:

— Вам что, делать нечего, церемониймейстеров изображаете?.. Пусть входит без церемоний.

Он распахнул дверь шире, Альбрехт вошел красивый и гордо нарядный, сорвал с головы шляпу и эффектно помахал перед собой в сложнейшем поклоне.

— Сэр Альбрехт, — обронил я, — а вообще-то вы хоть и такой красивый в этой шляпе, но были правы. Вижу, не догадываетесь...

Он вскинул брови, лицо полное подозрения, я если и похвалю, то обязательно вслед укушу или лягну, поинтересовался с холодком:

— Ваше величество?

— Я имею в виду вашу великолепнейшую идею, —

напомнил я, — подсказанную, без всякого сомнения, самим Господом, а как же иначе!

— Ваше величество?

Я пояснил величаво:

— Когда появился Тамплиер и доложил насчет Демона Огня, помните?

Он спросил с тем же подозрением в голосе:

— А что я такое сказал?

— Вы предложили, — напомнил я, — вывести на встречу церковный ход с хоругвями, епископами и прочими певчими мальчиками!..

Он смотрел несколько секунд ошалело, потом покачал головой.

— То вы мне баб на шее приписываете, то мальчиков из церковного хора... А насчет самого способа вообще-то... только думаю, Демону Огня все равно, мальчики из церковного хора или девочки легкого поведения. Или, как вы уже поняли, осужденные на казнь преступники...

— Таких нет, — напомнил я, — мы почистили тюрьмы, сохраняя деньги налогоплательщиков. Но вашу диковинную мысль понял. Если кто-то в тюрьме есть, почему таких не вывести встречать с цветами Демона Огня?

— А чтобы не разбежались, — добавил Альбрехт, — привязать к деревьям.

Я умолк, всматриваясь в него со всем вниманием.

— Сэр Альбрехт, вы и не представляете, насколько вы правы.

Он сказал с подозрением:

— Что-то голос у вас довольно умильный.

Я повернулся к стене, где прибита обширная карта империи, которую постоянно пополняем усилиями

нашей разведки во главе с неутомимым и методичным сэром Норбертом.

— Взгляните.

Если нанести на карту планеты только сеть маршрутов багеров, то выглядеть это будет как большие паутины, состоящие из радиальных нитей, что сходятся в столичном городе.

Никто не задумывается, почему так, вроде бы все понятно, они и должны сходиться в самом главном городе. Только мне открыта истина да еще читающим старые летописи, что столица потому и столица, что выросла из самого крупного поселения в месте наибольшего скопления багеров.

Границы империи обрываются там, где заканчиваются маршруты багеров.

Я внимательно всматривался в карты империй Германа и Клондзейда, их разделяют не горные хребты или широкие реки с обрывистыми берегами, как на Севере, а обычные леса или степи. А «паутинки» порой лежат так близко одна к другой, что от конечной остановки багера из империи Клондзейда до конечной из империи Германа рукой подать...

Кончик моего пальца остановился на участке, на котором изображена лесостепь.

— Сюда!.. Сэр Альбрехт, готовьте отряд в двадцать — тридцать человек. Сколько багер берет на борт? Остальные места заполнят люди сэра Норберта.

— Поведете отряд лично?

Я покачал головой.

— Не императорское это дело. Нужно взять под контроль всю дорогу от начала и до конца. Особенно место старта и точку финиша. А я пока... в общем, потом, сэр Альбрехт, потом!

Выпроводив его с заданием, я кивнул Периальду, чтобы вышел в коридор к Хрурту и закрыл дверь, а когда тот добросовестно все выполнил, потер колечко на пальце и шепнул:

— Серфик, ау!

В комнате сверкнула багровая искорка и зависла перед глазами, толстенький и смешной, он часто-часто машет крылышками, крохотными и потешными, похожий на уменьшенного до размеров божьей коровки Купидона.

— Слушаю и повинуюсь!

— У тебя и голос стал мощнее, — похвалил я. — Серфик, как ты помнишь, мне удалось снести все Башни Великих Магов. Думаю, тебе и другим демонам это весьма. Особенно подневольным.

Он вспискнул:

— Некоторые маги без Башен не смогут призывать!

— Вот-вот, — сказал я. — Видишь, как облегчаю жизнь демонам?..

Он описал в воздухе эффектную огненную восьмерку, кувыркнулся и застыл перед моим лицом, часто-часто трепеща прозрачными крылышками.

— Да!.. Вы самый лучший повелитель...

— Я не повелитель, — поправил я, — а друг. Сейчас мне нужна помощь...

— Повелитель, только прикажи!.. У тебя есть все наши имена... Ну, не все, но очень многих!

Я покачал головой.

— Кроме ваших имен, у меня есть и принципы, хоть я и беспринципный политик, но это потому, что вся политика беспринципная. Это людьми я повелеваю с их согласия, так можно, это как бы по договору,

а вот повелевать вами, превращая в рабов, нехорошо...
Потому нужна услуга.

— Только прикажите, господин и повелитель!

Я вздохнул, чувствуя безнадегу.

— Ладно, если это в биосе, мне такое не обойти, понял. Повелевать бездумными даже хуже, чем насиливать человека под гипнозом или пьяного. Но ладно, если культура требует... Помнишь Плантагенета?

— Да, вы, на нем сидя, башню Гатониса рушили!

— Вот-вот. Мне нужен похожий на него доброволец.

— Вызовите Плантагенета!

Я покачал головой.

— Нельзя, он ветеран. Свою свободу добыл со мной рядом плечом к плечу.

— Но его имя помните?

— Нет, — сказал я решительно. — Лучше кто-то новый. Кто еще не заслужил право честным трудом на свободу с чистой совестью. Но жаждет.

Он воскликнул обрадованно:

— Таких теперь много!

— Теперь, — повторил я недовольно. — Хитруны... Кто поверил в меня тогда, тот получил все и сразу!.. Теперь пусть по-одному. В общем, мне нужен аналог Плантагенета. За день службы дам полную свободу от себя и всех остальных магов и чародеев. А первые, между прочим, жизнями платили за свободу!

— Понял, — сказал он. — Узнать сейчас?

— Лучше бы вчера, — ответил я, — но не уверен, что совладаешь с пространством-временем. Потому да, давай сейчас. Мне нужен достаточно страшный с виду... Нет, лучше двое!

Он вскинул, кувыркнулся и тут же исчез, оставив коротенький инверсионный след.

Уже через минуту перед глазами часто-часто замахала крылышками потешная фигурка.

— Мой повелитель, на твой зов придут Андалла и Ишиарк.

— Спасибо, Серфик, лети отдохай.

Я потер ладонью лоб, вспомнил, Клара вначале говорила, что пояс перемещает только на скайбагер и обратно, но после перезагрузки, когда получила полный контроль над оставшимися уцелевшими агрегатами, объяснила, что могу перемещаться и сам с помощью пояса командира скайбагера. А она, дескать, только предоставляет накапливаемые ею ресурсы.

Но сейчас все равно самому не получится, любое перемещение привязано к точному месту прибытия, наугад система не отправляет по закону защиты от дурака, иначе можно материализоваться в стене дома или в дереве, а это вызовет мощный взрыв. Дурака не жалко, а деревьям за что страдать?

Оглядевшись, все ли еще плотно закрыта дверь, я сказал шепотом:

— Клара, прием!.. У тебя там как, поднакопилось?.. Нужно переместиться.

Голос прозвучал мелодично-женский, но все-таки монотонно-механический, хотя женщины тоже так умеют, когда хотят что-то выказать нам, людям, непонятное:

— Пояс?

— На мне, — торопливо сказал я. — Но переместиться нужно в место, где я не бывал!.. Потому представить не могу. Ни ярко, ни тускло.

— Невозможно, — сообщила она равнодушно.

— А если очень надо? — спросил я. — Если очень нужно, то можно!

— Нельзя, — повторила она. — Без указания конечной цели перемещение не начнется.

— Жаль, — сказал я разочарованно. — Тогда как?

— Невозможно, — сказала она снова.

— Мы рождены, — ответил я, — чтобы сказку сделать былью, преодолеть пространство и простор!.. Поднять на скайбагер можешь?

— Могу, — сообщила она. — Но вы и сами можете. Первый и третий сегменты слева от пряжки и оба слегка вверх...

— Спасибо, — сказал я. — Клара, а ты вообще-то красивая!

Она озадаченно промолчала, а я подумал, что в ее словаре такого слова может и не быть, поправил пояс, вздохнул и, нащупав на поясе нужные чешуйки, представил себе пол командного центра в скайбагере.

Выждал мгновение, прижал нужные чешуйки, как бы сдвинул обе вверх,

На мгновение сквозь гобелены стен кабинета простиупили призрачные чудовищные механизмы из металла, словно две картинки наложились одна на другую, но миллисекунду спустя прежний мир исчез, а меня окружили стены командного зала скайбагера.

— Круто, — выдохнул я, — ты прямо совмешаешь пространство-время... Нет, два пространства!..

— Так работает универнер, — произнесла она.

— Хорошо работает, — согласился я милостиво. — Одобряю. Теперь отыщи внизу большой такой лесной пожар, что медленно двигается... Хотя слово «медленно» — это не математическая величина, в общем, ползет со скоростью три мили в час по направлению на юго-восток.

— Пожары все двигаются, — сообщила она.

— Те по ветру, — уточнил я, — а этот сам по себе. К тому же ищи не по всей планете, а в моей империи, я ж император, вдруг не знаешь, я покажу пальцем, только дай карту...

На стене возникла вся планета разом, эдакий серебристый шарик, где через разрывы облаков проглядывает зеленое с голубым.

У меня сердце дрогнуло, ни разу еще не видел целиком, а шарик приблизился, стало видно, как медленно поворачивается под рваным покровом облаков.

Когда изображение заняло весь экран, я скомандовал:

— Стоп!.. Чуть поверни назад... Еще, еще... Есть!.. Теперь приблизай потихоньку. Будем искать иголку в стоге сена... Да нет, иголка нам ни к чему, а пожар есть пожар... Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем... но теперь я сам буржуй, так что... сдай чуть левее и чуть смести ниже...

Изображение укрупнялось, двигалось по экрану, наконец, я торжествующе указал пальцем.

— Вот!.. Нет, пока не пожар, зато ориентир! Вон тот хребет видел на карте... Чуть еще левее и укрупни...

Через минуту удалось рассмотреть внизу среди зелени багровую точку, а потом, словно в самом деле угадывая мои желания, расширилась до пожара.

Клара все укрупняла картинку, стал виден сам Демон Огня, сверху совсем не ужасающий, не таким я представлял терраформеры, но все равно типовой терраформер, такие бы позабрасывать на Марс, чтобы все подготовили и построили оранжереи под высокими куполами...

Выглядит застывшим на месте, но Клара продолжала увеличивать, теперь терраформер уже ползет, а за ним быстро остывающая огненная полоса.

— Та-ак, — сказал я, — теперь сдвинь вперед по его вектору... еще, еще... Укрупни... Есть!

Удалось рассмотреть крохотных скачущих всадников, сверху похожих на бегущих от пожара насекомых.

— Прекрасно, — заявил я. — Теперь еще вперед малость, щас выберем место моей торжественной высадки... Или неторжественной, увидим от результата. Хотя для моего величия такие мелочи несущественны, хотя и значимы. Вон на вершину того холма!.. Сможешь высадить?

Клара произнесла, как мне показалось, суховато и с неохотой:

— У меня зрение по другому принципу. Просто вообразите то место. Почетче.

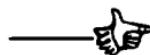
— Ага, — сказал я, — понял. Даже собака смотрит иначе, чем мы, а уж стрекоза какая-нибудь... Все, зафиксировал! Давай...

Страшная бездна непонятного состояния материи, я пронесся словно сквозь сто тысяч галактик, хотя до поверхности земли рукой подать, подошвы уперлись в сухую, прогретую солнцем землю, но сердце трусливо колотится, переживая ужас переноса. Что-то не совсем мы с Кларой доотладили, вряд ли капитан при каждом перемещении проходил через такое.

Далеко справа разрастается зловеще-багровая полоска над вершинами леса, через пару минут заметил пять расширяющихся пыльных дорожек.

Уже не сомневаясь, что увижу, напряг зрение и разглядел скачущие на их острие крохотные фигуры всадников.

С отрывом, мелькнула счастливая мысль, хорошо, с хорошим отрывом. Плохо, если бы едва-едва

успевали мчаться впереди догоняющего их огненного ужаса.

Я торопливо сбежал с холма, нужно наперерез, внизу плотная роща из полусотни молодых дубков, я на ходу прикинул, с какой стороны проскачут, понесся во всю прыть, чувствуя, как разогреваюсь, давно не бегал.

Глава 8

Семьдесят две мили в сутки — очень хорошо даже для легкой конницы. Как бы ни говорили, что лошадь бежит быстрее человека, но нет на свете животного, которое бы обогнало человека на марафонской дистанции, что и было продемонстрировано на первом же в мире марафоне.

Лошадь устает быстрее человека, а если еще с всадником на спине, то эти семьдесят две мили для нее настоящие мучения. Потому в отряде Чекарда каждый ведет в поводу так называемого заводного коня, пересаживается на скаку, давая хоть малость отдохнуть предыдущему.

Впереди Чекард, конь в мыле, бока блестят, с удил свисают клочья пены.

Я выступил вперед, замахал руками.

— Сто-оп!.. Привал!.. Совсем коней загнали!..
А животные не люди, их беречь надо!

Чекард на полном скаку натянул повод. Конь захрипел, дико вращая глазами, сделал вид, что сейчас встанет на дыбы и сбросит неблагодарного всадника, но нашел в себе силы только засопеть с негодованием, после чего замер на месте и даже голову опустил.

— Слезай, — велел я, — слезай!.. Вы хорошо оторвались, миль на двадцать!

Чекард покинул седло, конь с облегчением вздохнул, а Чекард, не отрывая от меня взгляда, спросил настороженно:

— А вдруг ты демон?.. А ну перекрестись!

Я демонстративно наложил на себя размашистое крестное знамение, подскакали и остальные четверо, окружили, я даже услышал за спиной зловещий лязг вынимаемых из ножен узких мечей.

— Не демон, — сказал Чекард озадаченно.

— Похож? — спросил я.

— Дык они всякие бывают...

— Обидно, — сказал я. — Неужели можно создать еще такого же прекрасного?

Он вздохнул.

— Похоже, это в самом деле вы, ваше величество.

— Чекард, — сказал я деловито, — расседлывайте коней поскорее, отдохать некогда. Даже меньше, чем ты думаешь.

Он торопливо поклонился.

— Ваше величество... простите, что засомневался.

Хотя у меня амулеты и против всякого, но слишком уж... Мы тут в пene с утра до ночи, света божьего не видим... а вы р-р-раз!.. А Багровой Звезды мы что-то не углядели!

— Я император или кто? — ответил я с достоинством. — Слушай, задача у нас такая, жила бы страна родная, и нету других забот, а для этого надо смотреться в Ангстремер.

— А что это?

— Город, — пояснил я. — Впереди, но сбоку. До городских врат вроде бы меньше часа туда и обратно. Это я так сверху прикинул.

Разведчики начали успокаиваться, неспешно покидали седла, все еще прислушиваясь и оставаясь настороже.

Чекард переспросил озадаченно:

— Сверху?

— Я ж император, — напомнил я. — Должен уметь смотреть сверху. Как орел сизоклювый. А сверху видно все, ты так и знай!

Разведчики расседливали коней, водили, охлаждая, подвязывали к их мордам торбы с овсом. Коня Чекарда, как признанного командира и лидера, тоже обиходили, вытерли лоснящееся пузо пучками травы, прошагали и дали зерна.

На меня поглядывают все еще с недоверием, профессия учит настороженности.

Я сказал весело:

— Так чего не креститесь?.. Где ваши амулеты?.. Ладно, призрак или демон, но давайте рапортуйте, кто что и кто кого. Главное, не промахнуться нам мимо города, а то у меня с ориентирами плохо...

Один ответил почтительно:

— Ваше величество, мы изо всех сил стараемся быть впереди Демона Огня. Больше ни на что не остается сил. Какие ориентиры?

— И предупреждать некого, — добавил второй. — Всего раз встретили каких-то охотников. Но те и сами бы убрались с его дороги.

Он в беспомощности оглянулся на своего командира, а Чекард, явно подражая их кумиру Норберту, сказал с готовностью:

— Ваше величество, у нас нет карт. Да и были бы...

— Все время по безлюдью, — сказал первый охотник. — Встретили бы село, хотя бы коней взяли...

А так наши не успевают за ночь отдохнуть, не успевают!

— Что справа, — добавил разведчик, — что слева, не знаем.

— Если отстанем, — пояснил Чекард, — Демона Огня уже не догнать.

— Понятно, — прервал я. — Где в этой местности восток, где запад?

Чекард тут же развернулся и указал пальцем.

— Запад. А восток за моей спиной.

— Прекрасно?.. А юг и север?.. Точно?.. Тогда Ангстример вон там. Подбери мне коня порезвее и возьми всех людей, а то кто знает, что нас ждет...

— Одного оставлю с запасными конями, — ответил Чекард. — Волки, бывает, и в такой ясный день могут...

— Понимаю, — сказал я с сочувствием, — но, Чекард, если все получится, сегодня это зло остановим. Хоть оно и не зло, но все равно зло, раз не понашему.

Он дернулся, посмотрел дикими глазами.

— Серьезно? Простите, ваше величество... Прямо сегодня?

— Мы уже начали, — сказал я. — Твой отряд. И вся армия будет о вас говорить как о героях. И трубадуры воспοют!.. Возьми заводных коней. Зайчика со мной нет, но коня, думаю, для меня найдешь. Знаю, тоже устали, но... время поджимает. Нужно успеть побывать в городе и вернуться до того, как подойдет Демон Огня.

На уставших конях шли все-таки галопом, каждая минута на счету, но я успел сообщить Чекарду, что и как хочу сделать.

Он так изумился, что едва с коня не рухнул прямо на скаку.

— Ваше величество?

— Следи за дорогой, — напомнил я. — В городе должны быть заключенные, это закон. Чем выше уровень культуры, тем уголовных статей больше, а с ними и заключенных.

Он кивнул навстречу ветру.

— Да, можно же и по-простому... топором по башке, и весь суд.

Я кивнул, проще и демократичнее всего было в пещерах, а мы все любим усложнять, чтобы самим себе казаться умными.

— По словам Тамплиера, — пояснил я, — Демон Огня еще никого не убил. По крайней мере он не видел. Вы вроде бы тоже.

Чекард крикнул навстречу ветру:

— Двигается недостаточно быстро, но дома рушит, я сам видел! Все обращает в раскаленное каменное платье. После него ничего живого, ваше величество!..

— Или живое успевает убежать? — уточнил я. — Кроме насекомых, конечно. Хочу проверить, случайно ли?..

Он прокричал:

— Заключенных найдем быстро. Для этого годятся любые преступники?..

— Любые, — ответил я. — Даже за мелкие кражи. Если уцелеют, их амнистируем. Воровство, как и прочая преступность, опасная профессия. Сегодня мы это покажем наглядно.

Королевство Большие Плесы, вспомнил я на скаку, по землям которого движется терраформер, принадлежит империи Германа, но в самом королевстве

об этом знают разве что король да часть его придворных. В дальних городах и о самом короле имеют смутные представления, а о каком-то императоре на краю земли крестьяне вообще не слыхали.

Мы вломились в город, как неумолимая сила, которой нельзя и слова сказать поперек. Редкие горожане едва успевали отпрыгивать в стороны.

Чекард крикнул на скаку:

— Далековато!.. А что, если не успеем?.. Демон пройдет не через город и даже не рядом, а милях в двадцати слева. Доставить туда толпу людей не так-то просто.

— Телегами и экипажами, — сказал я. — Реквизировать самые легкие и прочные! К счастью, здесь не сплошные леса, степная часть втрое больше. Должны успеть встать у него на пути!

— Будем стараться, — ответил он. — Потом уже не догоним. Хоть он и ползет, но ему ничто не препятствует, а телеги между деревьями застрянут, сзади и по бокам тоже не пройти через огонь и горящую землю...

Когда вбежали в ратушу, я велел быстро:

— Оставайтесь в холле, оружие наголо, держитесь свирепо. Скажите, что по приказу короля. Как его зовут, не знаете? Ладно, хрен с именем, просто король велел и приказал!

— А что велел? — спросил Чекард.

— В объяснения не пускайтесь, — отрезал я.

Я вбежал на второй этаж, кто-то с возмущенным воплем отлетел к стене. Ага, вот дверь кабинета, я рванул на себя и вбежал, громко топая сапогами.

Городской голова, а то и сам бургомистр, грузно поднялся из-за стола, мясистое лицо побагровело от гнева.

— Кто такие?

Голос его не предвещал ничего хорошего, еще один в комнате раскрыл рот и повернулся к входу, явно собираясь позвать стражу.

Я щелкнул пальцами и велел:

— Ишиарк и Андалла, повелеваю явиться.

В комнате вспыхнул зловеще-багровый свет. Взметнулось призрачное пламя, на миг открылся ужасающий мир огня и раскаленных добела скал.

Из огня и дыма вышли две коренастые исполинские фигуры демонов, обе уперлись головами в высокие своды. От одного пахнуло жаром, а каменная плитка под его ступнями разогрелась и начала с сухим щелканьем растрескиваться, зато от второго пошел холод, а на окне, возле которого оказался, побежали узорные следы, как во время сильнейших морозов.

Лопнула и рассыпалась кружка на столе, обнажив превратившееся в ледышку вино.

Бургомистр мгновенно побледнел и рухнул обратно в кресло, а его помощник пикнул и поспешил отступил в угол. Удрать не получится, мы трое загораживаем выход.

— Что, — сказал я резко, — Великих Магов не видели?.. В самом деле?.. Темнота. Ладно, тогда пока пощажу... Быстро ключи от тюрьмы!..

Не отрывая от меня выпущенных глаз, он торопливо начал открывать ящики стола, наконец в одном нащупал связку ключей. Помощник по его жесту подскочил, принял и на полусогнутых подбежал ко мне, стараясь держаться так, чтобы я заслонял его от ужасающих демонов.

Я выхватил ключи, сказал ему резко:

— А ты, существо, пойдешь со мной!

Его затрясло, но сумел проговорить белыми от ужаса губами:

— Да... ваше могущество...

На выходе из кабинета я сказал небрежно:

— Ишиарк, пока исчезни. И ты, Андалла.

У ратуши начинает останавливаться народ, с любопытством рассматривая всадников Чекарда, для провинциального городка и это новость, о которой будут судачить неделю.

Я сбежал по ступенькам и швырнул ключи Чекарду.

— Узнал, где тюрьма?

Он указал пальцем.

— Прямо на той стороне!

— Хорошее у ратуши соседство, — одобрил я. — Это помощник бургомистра, ему предстоит общаться с начальником тюрьмы. Существо, ты уразумело?

Помощник стремглав ринулся через широкую улицу к мрачному зданию с решетками на окнах.

Чекард сказал с одобрением вдогонку:

— Ваше величество, а как они сразу чувствуют, что вы ваше величество?.. И без собачки узнали... Все у вас так быстро, будто вы сами ваш проворный коник...

— Торопимся, — напомнил я.

Когда подъехали к тюрьме, ворота поспешно распахивали. Помощник бургомистра мелькнул и пропал за массивными дверьми, возле них в растерянности заметались двое стражников, выгнувшись, конечно, не столичная, обычные деревенские парни с глупым и непосредственным выражением на простоватых мордах.

Я строго велел Чекарду:

— Помоги со своими ребятами.

Он сказал в восторге:

— Быстро вы их уговорили!

— Обаяние скромности, — объяснил я. — Будь добр, и люди к тебе потянутся так, что и не отобъешься. Да и мое величие не скроешь, хотя и стараюсь.

Он посмотрел все же с таким сомнением, без моей собачки и коня я будто и не император, но ничего не сказал, соскочил на землю и со своими людьми ринулся к зданию тюрьмы.

Я остался наблюдать, как заключенных выводят в кандалах, цепях, а кого-то просто с веревками на шее, торопливо грузят на реквизированные здесь же телеги.

Глава 9

Один из разведчиков указал дорогу и поехал впереди, возчики торопливо нахлестывали коней, стараясь двигаться как можно быстрее и поглядывая пугливо в нашу сторону.

Чекард наконец проговорил в непонимании:

— А что они все о каких-то демонах... Вон тот, что помощник, прямо визжит на всех в ужасе! Чтоб быстро, а то всех пожрем...

Я отмахнулся.

— Дикие люди. Невежество так и прет!..

— Еще какие, — подхватил он. — Демоны, надо же такое придумать!

— Не так уж, — сказал я небрежно, — если вот так сбоку, то ты и похож на демона. Хотя, конечно, если очень хорошо присматриваться.

Он сказал польщенно:

— Ваше величество!.. Это от дикости такие. Хоть и город, но в лесу, что с них взять...

Один из разведчиков услышал, крикнул:

— Я бы взял, уже присмотрел, но раз уж торопимся...

Через час уже были далеко за городом. Зарево на северо-западе разгорается все более грозное, предвещая беду. Чекард и четверо его разведчиков указывали дорогу, выбирая места, где пройдут телеги.

Заключенных везли в цепях, но я велел сообщить, что после некой несложной операции по обузданию противника им всем будет помилование и свобода.

Несколько раз перегруженные телеги застревали в грязи, заключенных сперва выгоняли вытаскивать из грязи, потом уже сами, в надежде на скорую свободу, старались ускорить движение.

Чекард спросил шепотом:

— Здесь есть убийцы, а есть простые карманники...

Я ответил строго:

— Когда родина в опасности, всех одинаково в штрафной батальон!..

— Ваше величество?

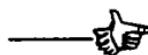
— Когда война, — пояснил я, — мелочиться не к лицу. Герои будут проливать кровь в сражениях, а преступники отсиживаться в тюрьмах?..

Он посмотрел на меня расширенными глазами.

— Как-то не подумал...

— Когда приходит, а то и наступает трудное время и трудный час, — сказал я, — преступников всех истребляют, чтобы охраняющие их могли взять оружие и пойти в бой!

Он подумал, посмотрел на меня с уважением.

— Тогда... сейчас трудное время?

— Точно, — подтвердил я. — Соображаешь!.. Незачем на них тратить корм, когда честным горожанам вдруг да не хватит. Далеко еще?

Он приподнялся в стременах, показал рукой.

— Если мы не ошиблись, дай, Господи, чтобы не просчитались, он пройдет вон там... Видите высокая сосна стоит одинокая посреди поляны, словно гордый дуб, а не стадная сосна?

— Как только доберемся, — велел я, — всех сразу привязать по цепочке, перегораживая дорогу Демону Огня. По степени тяжести не ранжировать.

— Все сделаем, ваше величество!.. А если Демон Огня на это даже не посмотрит?

Я ответил веско:

— Чем общество вышеразвитое, чем больше придает значение такой ерунде, как жизнь и здоровье простого человека!..

Он сказал в недоумении:

— Че, правда?

— Точно-точно, — заверил я. — Бывают такие загибы в истории. Перегибы.

— Дураки, — сказал он.

— Еще какие, — согласился я. — Понятно же, что ценный только я, а все остальные только флюктуации моего высокоразвитого мозга... Эй-эй, сперва в линию, а потом края загибайте!..

— По дуге? — уточнил Чекард.

— Да, — ответил я голосом знающего человека, который таким способом переловил тыщи всяких демонов хоть огня, хоть чего-то еще, — чтобы и свернуть не мог.

Он спросил тревожно:

— Назад не попрет?..

— Надеюсь, — ответил я. — Мозгов у него меньше, чем у таракана. Но если не сворачивает, наткнувшись на гору или болото, то либо не умеет, либо у него приказ переть только прямо.

Чекард сказал с восторгом:

— Ваше величество, я просто уверен, ваш великий план сработает...

— А сэр Альбрехт назвал бы его сумасбродным, — сказал я. — Нет, с народом лучше, чем с принцами, пусть даже они пока герцоги. План сработает, Чекард!

— А если сработает, — договорил он, — но не так... как вам хотелось бы?

— А как?

— Возьмет да свернет!

— Окружим со всех сторон, — ответил я твердо. — Даже обратную дорогу отрежем. Не хватит заключенных, всех горожан выведем! Все на спасение отечества!

Он вздохнул, зябко передернул плечами.

— Ваше величество, я вот уверен в вашем великом замысле, у вас же все раньше получалось... но вдруг... что ему эти люди? И не заметит!.. Спалит вместе с деревьями и землей под ним, попрет себе дальше, посвистывая. Даже не сбавит скорости...

— Скоро все узнаем, — ответил я. — Чувствуешь гарь в воздухе?.. Скоро стена дыма и здесь накроет...

— Выдержим, — заверил он. — Несколько раз уже догонала. А вы, ваше величество...

— У меня не такая шляпа, — сказал я, — как у сэра Альбрехта, так что рискову мало чем.

Он усмехнулся, хотя получилось больше похоже на гримасу. Возможно, сейчас все решится, а если нет,

то трудно представить, что потом. Кони измучены, как ни подгоняй и ни нахлестывай, а уже не смогут с той же скоростью, что и этот чудовищный Демон Огня, такой непостижимый и ужасающий.

— Ваше величество, — сказал он прямо, — если этих будет недостаточно, мы все встанем на его пути. Правда, нас всего пятеро, зато мы точно не промахнемся и встанем там, где нужно!

Я ощутил боль в груди, сказал стесненно:

— Встану и я тоже, но хотелось бы избежать эти геройства. В счет идут победы, а не кто как красиво погиб.

Заключенные неладное заподозрили, как только их прямо в цепях тую привязали к деревьям, пообещав, что никакие дикие звери не тронут, у нас мечи и копья наготове, отгоним кого угодно.

Разведчики торопливо помогали тюремщикам, те лучше знают, как обращаться с цепями и с теми, кто в цепях. За лесом разгорается не только приближающееся зарево, уже все сильнее чувствуется запах гари, а порывом встречного ветра закинуло тучу горячего пепла.

Воздух, как всегда вблизи пожара, устремился в его сторону, а там в огне с ревом взметывается вверх, но все равно жарко и здесь, сердце трепещет в ужасе, память предков дает знать о страшных лесных пожарах, во время которых погибали все, кто не успевал уступить ему дорогу.

Чекард время от времени подбегал ко мне за инструкциями, я пояснил с некоторым чувством вины:

— Каждый человек в чем-то да виноват, понимаешь? И дело не только в первородном грехе... Каждо-

го можно упечь за решетку, но это капец обществу, потому придумано прощение, амнистии и вообще так презираемое миролюбие, которое мы, герои, считаем признаком трусости.

Он спросил озадаченно:

— Тогда как...

— Но не во время военного времени, — пояснил я. — В трудные времена права общества выше прав простого человечка. И ради общества приходится, согласно общественному договору, простого человечка давить и лишать.

— А-а, — протянул он, — вот почему простой человек так любит мир и благолепие?.. Ну да, им неведомо упоение в бою...

— И бездны мрачной на краю, — договорил я и поперхнулся от струйки горячего дыма, что занесло к нам наперекор ветру. — Успели...

Уже не только юго-запад, половина неба охвачена багровым заревом, отчетливо просматривается и оранжевое пятно в центре, там еще за стеной деревьев движется в нашу сторону ужасающий терраформер.

Тюремщики торопились привязать последних преступников, а те наконец поняли, зачем их везли так далеко, начались крики, вопли, проклятия, угрозы, мольбы.

Голубое небо над верхушками ближайших деревьев начало обретать недобрый багровый оттенок, окрасилось в оранжевое пламя. Порыв ветра донес новую порцию хлопьев пепла, воздух стал невыносимо горячим.

Сердце стучит тревожно: а вдруг терраформер, наткнувшись на препятствие, в самом деле развернется

обратно, да не совсем обратно, а пойдет отсюда под углом и начнет наугад новую и такую бесполезную сверхмагистраль, нелепую по своей ширине...

Кони хранили и пытались вырвать поводья из рук, разведчики по моему кивку поспешно ушли в сторону, а мы с испуганными и присмиревшими тюремщиками отступили дальше, оставив впереди привязанных к деревьям.

Кроны с той стороны, откуда идет терраформер, вспыхнули, словно хорошо просушенное сено. Огонь сбежал по стволам, но не успел вгрызться в кору, как в просветах между деревьями страшно заблистало оранжевым, словно совсем близко восходит раскаленное солнце.

Жар стал сильнее, я видел раскрытые в ужасе рты привязанных к деревьям, но треск и рев огня заглушил крики.

Последние деревья вспыхнули на пути раскаленной пирамиды. Терраформер выдвинулся во всей ужасающей красе и мощи: исполинский, оранжевый и блистающий, как солнце.

На его корпусе ни следа обжигающего его чудовищного жара, словно он из нейтронной звезды, для которой и жар недр нашего Солнца вроде свечи за милю отсюда.

Двое из привязанных к деревьям перестали держаться и повисли на веревках. Остальные отчаянно рвутся из стороны в сторону, не столько пытались освободиться, как просто ведомые ужасом, отворачиваю головы от невыносимого жара.

Я задержал дыхание, что же не останавливается, люди же гибнут, или у него установка жалеть только детей, а это взрослые, если привязались к деревьям,

то сами за это и отвечают, это их право жить или умереть.

Еще один перестал дергаться и повис, как тряпичная кукла, но терраформер продолжает так же неумолимо переть вперед.

Чекард сказал с азартом:

— Он не остановится, пока всех не заберет!.. Ваше величество, вы правильно сделали, что принесли ему такую большую жертву!.. Все равно преступники!.. Это лучше, чем девственниц...

Я промолчал, сцепив челюсти и чувствуя сильнейшее опустошение в душе. Заключенных не жалко, в войнах гибнет во много раз больше совсем невиновных и достойных людей, но вот то, что терраформер не останавливается...

Еще двое перестали дергаться и не показывают признаков жизни, жар все сильнее, сейчас вспыхнут трава и кусты, а затем деревья сгорят вместе с привязанными к ним людьми.

Чекард вскрикнул:

— Что это с ним?

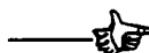
Терраформер остановился, земля под ним не просто расплавленное красное месиво магмы, а уже кипит оранжевым. Он беспокойно двинул средней и верхней частью из стороны в сторону, я не вижу его сенсоров, но явно как-то смотрит, оценивает, делает выводы и принимает решение.

Чекард заорал:

— Ищет другую дорогу!

— Подай своих наперерез, — велел я быстро.

— Хорошо, — крикнул он. — На той стороне тюремщики с подводами!

Терраформер издал страшный скрежещущий звук. В небе две птицы сложили крылья и рухнули камнями, но, думаю, это не акустический удар, хотя не исключено, просто попали в струю невыносимо перегретого воздуха.

Страшный звук повторился, я услышал в нем тоску и отчаяние, хотя, конечно, это я со своим человеческим восприятием и толкованием так услышал, на самом деле какой-то аварийный сигнал... хотя это тоже мое человеческое толкование.

Терраформер перестал вращать башней, заметно качнулся, но тут же выровнялся и... я не поверил глазам, начал укорачиваться.

Чекард через минуту оказался рядом, прокричал ликующе:

— Он тонет!.. Тонет в своем огненном болоте!

Я выждал несколько секунд, сердце тоже застыло и не бьется, страшась спугнуть удачу, наконец, проговорил с трудом:

— Похоже... мы победили...

— Ваше величество! — прокричал он счастливым голосом. — Ваше величество!.. Вы его победили!.. И всего-то с десяток преступников, которым все равно отрубили бы головы! А так хоть польза...

Терраформер уходит в расплавляемую им землю все быстрее, осталась одна верхушка, там внезапно и резко блеснул огонек, я ощущал резкий укол в груди.

Сердце встрепенулось, словно от разряда, в голове пронесся вихрь мыслей и образов, будто вдунули в одно ухо все знания мира, а из другого благополучно вылетели, и тут же скошенная вершинка пирамиды исчезла под волнами раскаленной магмы.

— Проверь, — велел я с сильно стучащим сердцем Чекарду, — вдруг кто остался жив.

— Добить?

Я покачал головой.

— Думаю, если правильно провести беседу, в монастырь точно уйдут замаливать грехи. Но я не умею. Разве что ты?

Он отшатнулся.

— Ваше величество! Я что, похож на такого?

— Если только в анфас, — сказал я.

— Ваше величество!.. Да и вообще... Ножом по горлу проще разок, чем пилить толстые веревки!.. Там такие узлы, зубами не развязать!

— Отпустим, — велел я. — Пусть несут весть о нашей победе. Милосердным быть экономически выгоднее.

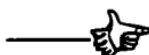
Глава 10

К моему облегчению, только двое задохнулись от жара и дыма, еще пятеро потеряли сознание, но пинками и затрещинами их привели в чувство, стонут, головы раскалываются от угарного дыма. Остальные только обгадились в ужасе, но, похоже, все видели до самого конца.

Перепуганные и ошалевшие, сбились в кучу, еще не зная, что от нас ожидать.

Я поднялся в седло и повернул коня к ним мордой, с седла говорить удобнее, чувствуешь себя на трибуне.

Чекард и его люди помогли тюремщикам высвободить из повозок лошадей, там все переломано, подошли ко мне.

— Может, — сказал Чекард с надеждой, — их снова в цепи?

Один из тюремщиков проговорил с тоской:

— Ваше магическое величество, повозки сломаны, на чем их везти?.. Лучше давайте здесь их... на месте. Демону Огня в жертву. Вдогонку. Он их пожрет и больше не вылезет.

— Нет, — сказал я. — Садитесь на коней и возвращайтесь в город. Сообщите: беда миновала. Можете рассказать, как все было. И о своей доблести не забудьте... А эти пусть добираются пешком. Кто куда хочет.

Он развел руками.

— Как скажете...

Я повернулся к заключенным, смотрят угрюмо, но и с надеждой, я сказал возвыщенно:

— Вы уже понесли наказание!.. Демон Огня показал, что вас ждет в аду. Вижу, понравилось... Потому высшей властью императора амнистирую и отпускаю на все четыре стороны. Идите и не грешите.

Чекард добавил:

— Прощение Демона Огня не значит, что вас простят и местные власти. Потому никаких разбоев!.. Иначе тут повесят, а там вечно гореть в огне, которым успели полюбоваться.

Отпущенные на свободу смотрели на нас с таким же ужасом, как и на Демона, а услышанное от нас дойдет позже, когда отойдут и начнут обсуждать, что это было.

Я сказал властно:

— Чекард, твоя задача выполнена с блеском!.. Собирай людей и возвращайся до границы с Клондзей-дом. Там переберешься, иши дорогу к ближайшей

пирамиде. Увидимся в Волсингсборо!.. Милфорд уже прошел всю дорогу в обратную сторону и недавно вернулся.

Его глаза вспыхнули восторгом.

— Ваше величество, я все еще не могу поверить, что мы остановили Демона Огня!.. Как все оказалось просто!.. Но надо же было додуматься!.. Как думаете, нам повезло с вождем?

— А ему с такими героями, — сказал я и ощущил, что мы похожи на петуха и кукушку, добавил значительно: — Еще не то впереди.

— Ох, — сказал он счастливо, — как же хорошо, что и впереди... Ваше величество, можно узнать, в какой стороне багер?

— Узнайте, — разрешил я милостиво.

Он выпрямился, лицо посувровело.

— Ваше величество... а вы?

— У меня тут еще кое-какие дела, — ответил я туманно. — Закончу... а потом обгоню вас... Да, кстати, коня тоже прихвати.

Я покинул седло и быстрыми шагами пошел в сторону ближайших зарослей, куда не докатился пожар.

Недоумевающие взгляды чувствовал всю дорогу, пока зеленые заросли не скрыли полностью, но все равно прошел достаточно далеко, чтобы и высокие деревья скрыли целиком, а уже там сказал тихонько:

— Клара, я готов.

На скайбагере задерживаться не стал, некогда, поинтересовался, хватит ли энергии, чтобы перебросить меня в Волсингсбор, а когда получил утвердительный ответ, сказал коротко:

— Клара, давай. Место выбрал.

Блеснул свет, подошвы в полной темноте ударились о мягкое. Я застыл, чувствуя теплый воздух и пряные ароматы цветов, проморгался и обнаружил, что стою в полной темноте среди декоративных высоких кустов в саду возле центральной аллеи.

В Волсингборо уже ночь, справа и слева ровные ряды декоративных деревьев, темных и мрачных с этой стороны, хотя дальше аллея ярко освещена.

Я щелкнул пальцами и сказал тихонько:

— Ишиарк и Андалла... ко мне!

В двух шагах возник огненный Ишиарк, Андалла появился на таком же расстоянии с другой стороны, так что левый бок невыносимо греет, а второй вот-вот превратится в ледяную корку.

Я сказал тихо:

— Вам повезло. Сражаться и погибать не пришлось, как тем первым, что пришли на мой зов. Но, как и они, оба получаете полную свободу!.. Возвращайтесь к себе.

Оба разом вздрогнули, освобождаясь от моей сковывающей власти, первый взглянул в упор красными глазами между металлическими щелями век, второй смотрит холодными выпуклыми глазами цвета арктического льда.

Я говорил тихо, и оба ответили такими же тихими голосами:

— Слушаем и повинуемся.

Не говоря больше ни слова, я повернулся и пошел к выходу на аллею, но успел заметить, как тот и другой стремительно прыгнули, так это выглядело, когда прижались к земле, но в момент перехода в свой плазменный мир просто растворились в воздухе.

В коридоре стражи, завидев меня издали, вытягиваются и превращаются в статуи, я прошагал через анфиладу залов к своим покоям, там у двери тоже гвардейцы с оружием в руках, и, к моему изумлению, у самой двери в кресле расположилась герцогиня Самантелла.

Я даже не сразу понял, что спит, голова чуть закинута на спинку, но руки красиво возлежат на подлокотниках, сидит прямо, подол платья элегантно ниспадает на пол.

Но женщины умеют спать чутко, как лисицы, с которыми в родстве, веки затрепетали, распахнула глаза.

Я перехватил неверие в ее взоре.

— Ваше величество?.. — произнесла она слабым, но уже ясным голосом. — Простите, я проспала ваше возвращение...

— Что-то стряслось, Самантелла? — спросил я дружески, едва ли не впервые называя ее по имени.

— Да, — ответила она. — Возможно, это не очень важное для вас, ваше величество, но для империи...

Я прервал:

— Пойдемте в кабинет. Там расскажете.

Периальд распахнул перед нами двери. Я попытался пропустить первой герцогиню, она в изумлении остановилась, давая дорогу императору.

Я взял ее за оголенные плечи, такие теплые и мягкие после сна, впихнул, а с той стороны улыбающийся во весь рот Хрут захлопнул за нами дверь.

Герцогиня повернулась было в сторону кабинета, но я придержал и покачал головой.

Она спросила шепотом:

— Ваше величество?

— На сегодня хватит дел, — ответил я. — Я измотан...

Она прошептала:

— От вас пахнет огнем и дымом. И одежда кое-где прогорела. Вы снова были в Аду?

— Я его не покидаю, — ответил я.

В спальню я молча раздевся и рухнул в постель. Герцогиня не успевала, путалась в завязках, но наконец платье соскользнуло на пол, она покорно влезла по моему жесту под одеяло.

— Так что стряслось? — спросил я. — Говорите быстрее, пока я не в полном отрубе.

— Королевство Лангоданское, — сказала она торопливо, — в котором мое имение, подняло мятеж. Вчера разрушена причальная пирамида, тем самым полностью оборвана связь с империей!.. Я пока никому, чтобы не распространялись слухи.

Я вздохнул.

— Неприятно. Это уже седьмое или восьмое поступает так неблагоразумно.

— Ваше величество, — сказала она, — королевство занимает стратегическое положение! Оно издавна боролось с Тетрингией за первенство. Когда-то древняя столица империи располагалась там...

— Спасибо, герцогиня, — сказал я, — меры примем завтра же. Я уже подумываю возвести на трон в некоторых мятежных королевствах своих людей. А сейчас спать, спать...

Она приподнялась на локте.

— Я пойду?

— Нет, — велел я, — а кто меня будет чесать и гладить?

Она улыбнулась, скрывая торжество — кто же из мужчин выпустит вот так из постели голую женщину, а я ощутил сквозь подступающий сон, что Господь заповедь «плодитесь и размножайтесь» все-таки поставил выше всех прочих, и даже усталость этому зову не помеха.

Сразу после завтрака собрал военачальников, это же военная администрация империи Изначального Света, на короткий брифинг. Первым пришел, как ни удивительно, сэр Рокгаллер, тяжелый и грузный, уже вроде бы и не военный, а гражданский градоначальник великой столицы империи, а за ним вдвинулись сэр Норберт, Келляве, Кенговейн и сэр Робер, так долго отсутствовавший на усмирении крупных банд разбойников.

Когда вошел сэр Альбрехт, все сразу обратили на него изумленные взоры, а я спросил в недоумении:

— Сэр Альбрехт, а вы что без шляпы?

— Достали вы меня своей шляпой, — сказал он сердито. — Другую заказал! Чтоб пошире и перьев побольше. Сегодня к вечеру будет готова!

— А-а-а, — сказал я, — тогда и самые неприступные дамы, я о таких слышал, будут вашими, как обидно... Господа, прошу всех сесть, мы собрались ненадолго, но дела у нас всегда важные, даже если ерунда какая-то. Ведь на самом деле собираемся просто выпить, пообщаться и поговорить о женщинах, что нам дела державы?

Как только все расселись, я выбрался из кресла и прошел к карте на стене. Лорды почтительно поднялись, я сказал досадливо:

— Здесь свои, так что без церемоний!.. Это для

местных я его величество, а для вас Первый Рыцарь!.. Так даже красивше. Смотрите на карту. Терраформер прошел, оказывается, через ряд королевств империи Великие Горы, а уже потом вломился в пределы империи Клондзейд...

Альбрехт вставил:

— Которую здесь все чаще называют империей Ричарда Багровая Звезда.

— Багровая Звезда Зла, — уточнил Кенговейн и сказал мечтательно: — Так еще красивше.

Я оглядел всех императорским взглядом, стараясь выглядеть великим стратегом, которым считают, сказал значительно:

— По нашим проверенным и уточненным данным, Демон Огня проложил дорогу... будем именовать ее в дальнейшем дорогой как устно, так и официально, слегка широковатой... раз в десять, а то и в сто. Хватило бы с запасом четырехполосную для повозок...

Даже быстро схватывающий Альбрехт взглянул с недоумением, зато хозяйственный Рокгаллер задвигался в кресле, сказал живо и не поднимаясь, раз уж я запрещаю, дескать, все свои:

— Ваше величество Первый Рыцарь, но если посмотреть с практической стороны, по обе стороны дороги можно на твердом и ровном грунте строить просторные склады, бараки для солдат, гостиницы, какие-то административные сооружения...

Лорды морщились, кривились, кто-то уже раскрыл рот, чтобы выразить протест, по лицу видно, но распахнулась дверь, вошли слуги с подносами, никакой еды, только кувшины с вином, чаши и горки сдобного печенья, и все взгляды обратились на подносы, к вину вроде больше полагаются мясные блюда.

— Верно мыслите, сэр Рокгаллер, — одобрил я. — Потому эту дорогу объявляем стратегической!..

Рокгаллер оторвал взор от созерцания сахарного печенья, облизнул губы и переспросил:

— Это как? Имперской?

— Именно, — подтвердил я. — Всеимперски значимой, а это значит, вне юрисдикции местных королевств и даже императоров. Берите печенье! Это не мясо, от него тяжелеете, но с вином идет очень хорошо!.. Да и без вина тоже.

Он поинтересовался с некоторой опаской:

— А как насчет... соседних империй?

Я подумал, сообщил:

— В империях Великие Горы и Жемчужная, где пролегла эта дорога, будут стоять ограниченные контингенты наших войск.

Альбрехт обронил мрачно:

— С мирными целями, естественно.

— И не хихикайте, — ответил я. — Разумеется, с мирными. Мы никого не трогаем, но сдачи даем. Иногда заранее.

Перед ним, как и перед Рокгаллером, поставили большие тарелки с печеньем, Рокгаллер тут же придинул свою поближе и положил руки по обе стороны, молча заявляя свои суверенные права на принадлежащий ему корм.

— Для красоты, ясно, — сказал он и уточнил: — Именно наших войск?

— Наших, — отрубил я с нажимом, — это северных!.. Я до сих пор не могу представить себе местных красавчиков в позолоченных доспехах, что решатся обнажить мечи.

— Гм, — сказал он, — а если местные императоры,

по землям которых прошла эта... ну, которая как бы дорога...

— Договорюсь, — ответил я зловеще. — Я договариваться умею. Я очень договороспособный.

Альбрехт уточнил:

— И с его величеством другие императоры и всякие там короли становятся еще договороспособнее. Такое уж у нашего величества обаяние.

— У вас с женщинами, — ответил я скромно, — у меня с представителями силовых структур.

Слуги удалились, совещание лордов не для их ушей, военачальники молча сами наливают себе вино, кто-то пьет сразу, кто-то приподнимает в мою честь, показывая взглядом, что пьет за императора, кто-то чокается краями чаш с соседями.

— Император Герман заявит протест, — заметил Альбрехт. — Мы вломились на его территорию, самоуправствуем, чиним беззакония...

Келляве и Норберт наклонили головы, соглашаясь, конечно же, заявит: какой правитель позволит такое вторжение на свою территорию, да еще и разрешит держать там чужие войска.

— Вряд ли, — ответил я. — Он же очень неглупый человек, заметили?

— Неглупый, — согласился Альбрехт. — Даже умеет вызывать симпатию. Но тем опаснее.

Глава 11

Передо мной поставили кубок, высокий и неудобный, да еще и тяжелый, целиком из золота, с крупными рубинами по бокам, но императорский должен

отличаться от остальных, даже если за столом одни короли.

— Договоримся, — пообещал я. — Заключим какой-нибудь обоюдный и равноправный договор о взаимопомощи. За нашу победу!

Все дружно поднялись, над серединой стола сдвинулись со звоном чаши, так же стоя и осушили.

Печеньем некоторое время пренебрегали, только хозяйственный Рокгаллер похрустел им с удовольствием, а пару сунул в карман, явно загрузит своих пекарей задачей, как выпекать такие же для расцвета торговли и сельского хозяйства.

Альбрехт деловито наполнил свою чашу снова, спросил:

— Ваше величество, какой договор?

Я отмахнулся.

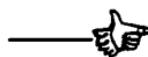
— Не важно. Любой повысит авторитет и политический вес Германа в глазах соседей и собственной знати. А эту дорогу назовем Дорогой Дружбы между народами.

— Дорогой Дружбы Народов, — уточнил Альбрехт педантично. — И пустим по ней войска. Можно поставить по краю виселицы, это для разбойников... Жаль, совсем немножко осталось дотащить эту дорогу нашей миролюбивой дружбы до океана!

— Улавливаете, — сказал я с одобрением.

Альбрехт улыбнулся, в голосе его прозвучали бравурные нотки:

— Давайте пустим слух, что дорога построена... нет, лучше, создана!.. по высочайшей воле нашего величества. Неофициальный слушок, конечно. Вслух такое непристойно, обижательно. Но слухам верят больше, чем громогласным сообщениям правитель-

ства. Правительство всегда врет, а слухов — это как бы добытая тайно важная и правдивая информация.

Судя по лицам собравшихся лордов, предложение Альбрехта поддерживают, хотя не совсем рыцарское, но высшие лорды в силу высоких полномочий власти поневоле политики, а в политике, если хочешь быть успешным, не до рыцарства.

Рокгаллер произнес осторожно:

— Да, это приемлемо... Здесь ценят только успешность, а такая, гм, простите за выражение, дорога говорит о могуществе тех, кто ее построил... что значит, об успешности. Сэр Норберт, вы молчите, по обыкновению?

Норберт взглянул на него косо.

— Вы сказали верно, зачем мне говорить то же самое?.. Ваше величество?

Я вздохнул, покачал головой.

— В самом деле жаль, не удалось приспособить. Уже размечтался, как прокладываем дороги через леса, болота и горы... Дорога почти так же великолепна, как шляпа сэра Альбрехта!

— Только ширину бы сузить, — обронил осторожно Рокгаллер. Он взглянул на ошарашенных соратников. — А что?.. Полмили — многовато. Ярдов сто, а то и полста вполне... И пожаров было бы меньше.

Кенговейн сказал с отвращением:

— Не верю, что вы это всерьез!.. Это же исчадие Ада!.. Как можно заставлять его работать на себя? Что скажет Церковь?

Альбрехт сказал почти ласковым голосом:

— Сэр Бриан, а вы сядьте на коня и проскачите по этой дороге! Уверен, вам не захочется останавливаться. Идеально ровная, без малейших помех, на одной

высоте через горы, леса и болота... Это сказка, а не... Я уже вслед за нашим обожаемым величеством начинаю называть это дорогой, хотя это, конечно, не дорога, но признаем в интересах империи ее дорогой и воспользуемся как дорогой.

— Для армии? — спросил Кенговейн с надеждой.

— А для чего еще дороги? — спросил Альбрехт. — Тем более что не дорога, а путь. Можно даже сказать, магистральный шлях. А-а, ну да, еще и тропка для презренной торговли. Так, по обочинам.

Рокгаллер сказал торопливо:

— Дорога широкая, все поместятся!.. Армия красиво идет по центру, а торговцев, вы правы, можно по обочине. Их склады и всякие там лавки пусть размещают по левую сторону, а правую отдадим под нужды знатных людей... Ваше величество, вы абсолютно правы, провозглашая эту магистраль своей собственностью...

— Собственностью империи, — поправил я высокопарно. — Вообще-то это межимперское достояние, раз уж маршрут проходит по трем империям, но мы с Божьей помощью возлагаем на свои плечи тяжелую ношу гаранта, так что да, пусть считается лично нашим. А кто против, тот против мира и свободы!.. И будем охранять и беречь ту дорогу, как сэр Альбрехт свою шляпу!

Сэр Келляве хотел что-то сказать, но лишь шумно вздохнул, посмотрел на Норберта.

Норберт, словно принимая от него эстафету, сказал осторожно:

— Я слышал, на континенте восемь империй?.. Пока грызутся потихоньку, но если поставить себя выше всех, могут объединиться.

— Возможно, — согласился я, — возможно. Но маловероятно. Багровую Звезду в небе видели все, а сейчас, думаю, уже везде прошел слух, что именно на ней прибыли мы.

Норберт сказал нейтральным голосом:

— Армий против нас никто не выставит. Но когда враги всюду, даже в этом дворце, то на легкую победу рассчитывать не стоит.

— В этом дворце, — повторил я, — кого-то имеете в виду конкретно, сэр Норберт?

— Никого, — ответил он. — Но мы с местными слишком разные. Рано или поздно либо мы их, либо они нас.

Я тяжело вздохнул, не хотел говорить, но из груди вырвалось почти само:

— Как же удалось Вильгельму Завоевателю?.. Два таких разных народа слил в один!.. А у него тоже была с собой только горстка героев.

— И сколько, — поинтересовался он мирно, — ему понадобилось?

Я ответил с неохотой:

— Пару столетий. Да и то... пришлые растворились среди местных. Хотя их уровень был намного выше, чем у завоеванных.

Он взглянул остро, но промолчал. Мало кто в нашей армии признает, что на Юге общество продвинулось дальше, чем на Севере. Здесь не только все богаче, зажиточнее, но даже такие сложные платья северным портным ни за что не пошить.

Остальные помалкивали, делая вид, что слишком заняты вином, которое уже все разлили по чашам, и печеньем, все-таки сожрали, хоть и воротили носы от немужской еды.

В самом Волсингборе любое здание превосходит по красоте и величию королевские дворцы северных владык, даже мечи и доспехи здесь такого качества, что северные оружейники удавляются от зависти.

Альбрехт осушил остатки вина и щелчком послал чашу на середину стола.

— С Германом вы уладите, — согласился он. — Он потрясен и раздавлен вашей мощью.

— Нашей, — поправил я.

— Нашей, — согласился он. — Но с другими так просто не получится.

Я сказал с неудовольствием:

— Сэр Альбрехт, никаких других! У меня нет хватки завоевателя!.. Будем удерживать, что захапали, благодаря всеобщей панике перед концом света!

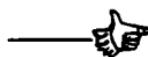
— Паника заканчивается, — напомнил он. — Уже видят, что конец света отменен. И всем пора возвращаться к прежней жизни. А нас в их жизни нет.

Я поднялся, сказал натужно-бодрым голосом:

— Ладно, я доложил вам о ликвидации угрозы. Надеюсь, ничего неожиданного не возникнет, у нас и так проблем выше крыши. Соберите все-все о мятежных королевствах, нужно принять срочные меры. Я кое-что придумал, но это связано и с переменами в вашей личной жизни... Спасибо за внимание, все свободны. А это значит, за работу, за работу!

Периальд закрыл за ними дверь, я перевел дыхание, вышел на балкон, дохнул свежего воздуха и вздрогнул, ощущив, как в нем и во всем мире остановилось всякое движение.

Опершись о перила, высокий мужчина в безукоризненном жостокоре золотистого цвета с ленивой грацией рассматривает гуляющую внизу разноцвет-

ную и беспечную публику, широкая шляпа с набором белоснежных перьев и красивым загибом скрывает лицо, но я всеми похолодевшими внутренностями узнал гостя, которому никакие стены не помеха.

— Давно не виделись, — сказал я контролируемым голосом. — Здравствуйте, сэр Сатана. Не хотелось бы желать вам здравствовать, но что делать, слово «привет» еще хуже.

Он повернулся, нарядный и цветущий, весь роскошный от шляпы и до кончиков безукоризненных туфлей, улыбнулся и даже, сорвав с головы шляпу и обнажив настолько черный парик, словно в нем собралась вся темная материя, красиво нарисовал восьмерку в воздухе, распространяя сладкий, приторный запах.

— Сэр Ричард, — произнес он чувственным голосом, — ваш Уайлд разве не сказал, что особенно вежливы мы с противниками?..

— Это не чтоб им угодить, — буркнул я, — а чтоб себя не уронить.

— Вот-вот, — ответил он весело, — но это старомодное рыцарство уйдет. Вы уже в пострыцарстве, заметили?

Я ощутил укол, ответил с гордостью, которую вообще-то не испытывал:

— Рыцарство никогда не уйдет! Пусть простолюдины и сравняются с ними в правах и мир станет противнее, но рыцарство — это состояние души, а не титулы. Хотя бы по отношению к женщинам мы всегда будем рыцарями!

Он мягко и снисходительно улыбнулся, словно намекнул на еще более дальние времена, когда женщины рыцарское отношение сочтут оскорбительным и будут таскать таких харасментщиков по судам.

Лицо его чистое, без толстого слоя белил и румян, не то что у большинства мужчин при дворе, но все равно выглядит как нарисованное, слишком черные брови и ресницы, яркие и красиво обрисованные губы, лицо аристократически бледное, без единой морщинки или складки, вечно молодое, как всегда молодо и деятельно Зло в мире.

— Как вам здесь? — поинтересовался он. — Уже обжились?

— Не знаю, — ответил я с настороженностью, — что подразумеваете под этим словом. По-моему, что-то нехорошее. Кофе хотите?

— Хочу, — ответил он: — Я себе этого здесь позволить не могу, эпоха не та, а вам за такие штучки еще отвечать придется. Еще и за то, что меня совращаете.

Я кивнул в сторону легкого столика в двух шагах на балконе, сосредоточился, а когда подошли и усаживались в кресла, на столешнице возникли две изящные чашки из тончайшего фарфора с золотыми накладками и монограммами на стенках, ибо даже противников высокого ранга неприлично угощать из глиняных или медных чаш.

Он опустился легко и красиво — при дворе каждое движение отлажено и прорепетировано дома, — не забыв раскинуть в стороны полы жостокора, чтобы не помялись, ничего не упускает, с заметным удовольствием взял чашку и откинулся на спинку сиденья, стройный и раскованный.

— Благодарю, сэр Ричард. Или уже ваше величество?

Я отмахнулся.

— Мы давно знакомы, вполне уместно по именам. Я ж не зову вас всеми страшными титулами...

— Теми титулами меня наградили люди, — обронил он, — я их не принимаю. Мое имя и есть высший из титулов!.. Какая изящная и продуманная емкость для кофе... Надеюсь, скоро и здесь достигнут такого уровня.

— Это еще не уровень, — ответил я. — Да вы и сами догадываетесь. Кстати, вы говорите, этот мир вам не по барабану, но по этим землям двигался чудовищный Демон Огня, как зовут местные, а вы и пальцем не шевельнули! С вашей-то мощью стереть в пыль проще простого!.. Но вы не принимали участия даже в битве в Аду, когда мы вторглись!

Он улыбнулся, сделал первый глоток, на миг призакрыл в удовольствии глаза.

— Да, это было то еще зрелище... Прекрасный кофе... Нет, сэр Ричард, я этот детский уровень давно перерос. Простые драки — для незрелых умов. К тому же у нас с Творцом сделка... хотя это и не сделка, а нечто вроде важного спора. Ввиду существенных расхождений... Я взялся доказать, что Его Великий Замысел порочен. Если начну человеку вредить или помогать, тем самым признаю себя проигравшим!

— Почему?

— А как иначе? Он скажет, замысел был великолепен, но я испортил вмешательством!

— Но вы же вмешиваетесь?

Он погрозил пальчиком.

— Это не то вмешательство. Человеку дана по его желанию свобода воли!.. Он сам решает, по какому пути идти. Творец уверен, что пойдете согласно Его Замыслу, а я пытаюсь доказать, что ничего подобного. Я имею право искушать, советовать, сбивать с праведного пути, так это называется, хотя мой путь

куда праведнее... так я считаю. Но не могу сдвинуть даже песчинку на вашем пути!.. Это будет уже нарушение.

— И что, Творец следит за каждым вашим движением?

Он отшатнулся, смерил меня негодящим взглядом.

— Сэр Ричард! Но я же сам буду знать, что нарушил? Я себе такого не прошу!

— Простите, — сказал я смиренно. — Простите, что усомнился в вашем рыцарстве.

Он сделал еще глоток, улыбнулся то ли мне, то ли себе, то ли ароматному напитку.

— Сэр Ричард, дело не в каком-то жестоком наказании, как могут подумать ваши недалекие соратники!.. Я же вам сказал: если хоть чуть вмешаюсь, это уже признание, что у меня не получилось! А у нас слишком важный и принципиальный спор, чтобы я позволил себе где-то оступиться по мелочи.

— Хорошо, — сказал я, сдаваясь, — раз уж сами себя зажимаете в такие рамки... и помочь упорно не желаете, хоть и можете, но как-то могли же подсказать насчет его уязвимых мест?

Он хитро прищурился.

— Сэр Ричард, а что это, как не вмешательство?

Я пожал плечами.

— Мне кажется, вы не только не хотите, но и не по зубам, да? Вам этот Демон Огня был непонятен, как и мне. Потому что он не демон, верно?

Он задержал чашку в руке на полдороге к губам, покачал головой.

— Сэр Ричард, это уж совсем по-детски. Начну доказывать, что я все о нем знаю, а потом еще и при-

хлопну одним ударом, чтобы доказать свою мощь?.. И тем самым признаю поражение в споре с Творцом?.. Из-за такой мелочи?

— Это для вас мелочь, — сказал я с разочарованием. — Значит, ваша сфера деятельности всего лишь мораль?

Он ахнул, и, как мне показалось, неприворно.

— Сэр Ричард!.. А что тогда главное?.. Мораль — это то, что делает вас человеком!.. И от того, какая она у вас, станет ясно, кто победил в нашем споре с Создателем!.. Ваше здоровье!

Глава 12

Он сделал глоток с таким видом, словно смакует прекрасное вино. Я покачал головой, дескать, не понимаю таких намеканий. Вино, создание Сатаны, привело к позору Ноя, с его помощью дочери Лота соблазнили отца и забеременели от него, дав начало инцесту в мире и рождению двух народов, да и Ева, как предполагаю, в пьяном виде не сообразила, что ею овладевает Сатана, а не Адам.

Я постарался вспомнить самое нежнейшее сахарное печенье, какое только пробовал, сосредоточился, и посреди стола появилось широкое блюдо с красивой, поблескивающей в лучах заходящего солнца на крупинках сахара горкой.

Он приятно улыбнулся, а я сказал ровным голосом:

— Предлагайте, сэр Сатана, предлагайте. Под крепкий кофе и сахарное печенье можно выслушать что угодно. Даже больше, чем под вино.

Он красиво приподнял левую бровь.

— Что предлагать?

— Пока не знаю, — ответил я. — Но чтоб вы, такой деловой и занятый интригами, вдруг появились ради чашки кофе?

— Хорошего кофе, — поправил он. — Просто прекрасного!.. Ради него можно.

— Но вы явились не ради кофе, — заметил я. — Я уже начинаю чувствовать дьявольские подходы издалека.

— Отрываетесь от рыцарского мира, — сказал он с одобрением. — Хорошо, хорошо... Чувствую деловой подход.

Я покачал головой.

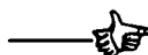
— Никаких сделок с дьяволом. Это у меня с молоком матери. Хотя, что для вас не новость, я не из рыцарского мира. Из очень нерыцарского! Потому не стоит, что если вот так дальше и дальше, то к дьяволу ближе.

Он загадочно улыбнулся, взял тонкими изящными пальцами пианиста сахарное печенье, поднес ко рту, но на миг задержал, вдыхая его особый аромат не здешней высокой кулинарии.

— Шедевр... Но церковью и не пахнет.

— А церковь без надобности, — пояснил я. — Библейские заповеди настолько вошли в плоть и кровь общества, что уже нет необходимости напоминать о них. На их основе созданы Гражданский и Уголовный кодексы. А церковь... вроде ряженых. Косплей типа. Объект для снисходительных шуточек.

Он задумчиво брал печенье по одному, я слушал, как хрустит у него на зубах, спохватился и создал еще по чашке.

Сатана кивнул, тут же взял свою в ладонь. На лице отразилось удовольствие, я сам люблю брать так, чтобы чувствовать ее жар и вдыхать бодрящий аромат.

— Если Демона Огня не удалось бы остановить, — сказал я, — то получилось бы, человечество обречено?.. Или пришлось бы постоянно уходить с его пути?

Он покачал головой.

— Сэр Ричард, это было бы поражением Творца. Но я, не поверите, не настолько хочу его поражения... или не хочу так просто и обидно оборвать игру... Человек должен жить, и жить счастливо! Но вот счастье понимаем по-разному. Для меня счастье в прогрессе, быстрых изменениях, усилении моих человека и его рода...

— А что, Господь против?

Он воскликнул:

— Да взгляните на Церковь, проводницу его воли!.. Она же яростно сопротивляется всему новому!.. Вы хотите поставить ветряные мельницы?.. Церковь решительно против и осуждает как сатанинское изобретение!.. Водяные мельницы? Тоже против!.. С луков и арбалетов до сих пор не снята анафема. Рыцарские турниры Церковь запрещает тоже... К счастью, ее слушаются все реже!

Я пробормотал:

— Ну, луки и арбалеты я бы тоже запретил... А турниры... ну, это те же косплеи, бои как бы без правил, но правила все равно строгие... там все регламентировано, луки и арбалеты вообще не допускаются.

Он воскликнул:

— А как слабым защититься от сильных?.. Луки и арбалеты — не оружие нападения! Это защита! Хотя, конечно, можно и в нападении, но в защите

эффективнее. Или считаете, что сильные должны угнетать слабых?

— Это вы так считаете, — возразил я с ядом в голосе, — когда сильные угнетают слабых — это же на пользу прогрессу?

Он засмеялся.

— Не прикидывайтесь простачком, сэр Ричард! Когда сильные подминают слабых и диктуют им свою волю — это прогресс, но на следующих стадиях роста общества уже тормоз! Потому слабым дают защиту и право участия в судьбах общества. Потому что слабые оказываются совсем не слабыми там, где крепость мускулов не так уж и важна... В самом деле прекрасное печене! Говорите, это у вас от святости?

Я пожал плечами.

— Так ли это важно?

Он засмеялся, показывая красивые белые зубы, ровные и сверкающие на его смуглом лице.

— Сами знаете, важно.

— Важно, — согласился я кисло, — но наступает какой-то момент... когда уже не важно. Весьма даже. Я бы сказал, весьма зело. Это как с Церковью... есть она или нет, уже не важно. Библейские заповеди вдолбила в головы, а за тысячи лет те настолько вошли в быт, что уже без них никак, общество рухнет. Да и все убедились, что с ними лучше, чем без них. Потому от святости у меня это или от нечестивой магии... теперь не важно. Это что-то значило в первые века, но не теперь.

Он широко улыбнулся, на его щеке проступила мушка, что означает нечто по местной моде, тут же переползла на скулу, а во взгляде проступила откровенная ирония.

— Насколько помню, — сообщил он доверительно, — даже святые не могут творить чудеса. А те, о которых возникают слухи в народе, при проверке всегда фальшивки.

Я заметил с подчеркнутым подозрением:

— А-а, это и есть ваш дальний подход?

Он патетически всплеснул руками, роскошные кружева на манжетах красиво взметнулись и заискарились, словно чистейший снег под ярким солнцем.

— Ничего я вам предлагать не буду, — сообщил он с сияющим видом. — Вы все прекрасно делаете!.. И продвигаетесь даже быстрее, чем я ожидал! Прекрасная работа, сэр Ричард!

Я сказал с кислой настороженностью:

— И что, я теперь должен сказать, ах-ах, я неправ, раз меня похвалил Сатана, и повернуть назад?..

Он ответил весело:

— Я не настолько примитивен и вас не считаю примитивом, сэр Ричард. Просто мне приятно с вами общаться! Правда-правда. Мы единомышленники, хоть вы это и не признаете. В вас крови Адама сотая часть, остальное все от Каина, моего сына. Потому люди настолько... в общем, вы понимаете, о чем я. Правнук Каина, Тувалкаин, первым стал добывать руду и ковать железо, положив начало как кузнечному мастерству, так и всей технической цивилизации.

— Ага, — сказал я с подозрением, — но все-таки чтоб я послушал и сделал наоборот?

— Сэр Ричард! — воскликнул он. — Ну почему вы мне отказываете в более тонкой игре?

— Это я вас так раскачиваю, — пояснил я. — Прежде чем расколоть. Ну, раскальвайтесь, сэр Сатана!

— Это вы так раскальваете?

— Прямо и честно, — ответил я не моргнув глазом. — По-рыцарски, без неприемлемых благородному человеку хитростей. А что, не получается?

— Увы, — произнес он с сочувствием, — я бы сказал, теряете хватку, но это вряд ли. Что-то у вас новое, сэр Ричард. Даже формулируете свое кредо жестче. Откровеннее. Но мне нравится.

— Не скажу, что ваше одобрение польстило, — ответил я, — все-таки от Князя Лжи и Обмана, но вообще-то, если честно, польстило. Еще кофе?

Он покачал головой:

— Нет, спасибо. У вас, людей, кофе предлагают, как помню, когда намекают, что гостям нужно уходить?

Я сказал с фальшивым гостеприимством:

— Да что вы, сэр Сатана!.. Напротив, мне приятно видеть вас как символ моей стойкости и верности идеалам.

— Каким идеалам? — поинтересовался он.

Я отмахнулся.

— Каким-то высоким. Люди всегда стремятся к высокому, хотя сами низкие. Это нас приподнимает и даже поднимает.

Он махнул рукой.

— Хорошо, уговорили. Еще чашечку. На дорожку.

Я сделал кофе, на этот раз просто наполнив предыдущую: незачем их плодить, прислуга уже ломает головы, откуда такая красота, почему раньше не видели.

Сатана поднял чашку аристократически красиво и с элегантностью, так оттачиваемой в этом мире, это важно, взглянул поверх ее края смеющимися глазами.

— За вашу победу, сэр Ричард! Что и моя тоже.

— Спасибо, — ответил я с достоинством. — С удовольствием принимаю. Хотя у меня понятие победы наверняка противоположное.

Он ахнул:

— Пьете за свое поражение?

Я возразил:

— Сэр Сатана, не нужно меня ловить на словесной эквилибристике.

Он осушил кофе залпом, хотя там почти кипяток, опустил чашку на стол и поднялся, красивый и элегантный в этом черном парике и роскошном золотистом жостокоре со множеством звезд из чистого серебра и россыпи драгоценных камней.

— Еще увидимся!

Он шагнул сквозь перила и растворился в вечернем воздухе. Мир сразу ожил, застывшие фигурки внизу задвигались, донесяся игривый женский смех и сладчайшее похочатывание ловеласов, а еще мерный шум фонтанов и дальний отзвук струнных инструментов.

Я некоторое время тупо смотрел вниз, стиснул челюсти, все еще не оставляет чувство некоторого поражения, хотя вроде бы держался достойно и что-то отстаивал.

Хрурт вскочил, когда я резкими шагами пересек покой по направлению к двери.

— Сэр Ричард?

— Прогуляюсь перед сном, — буркнул я. — Запри и никого не пускай в кабинет. И никаких баб!

— Хорошо, — ответил он печально, — а в вашу спальню?

— Голову оторву, — пообещал я.

В зале на нижнем этаже вельможи и дамы такие красивые и праздничные, нарядные и с сильно на-

крашенными лицами, словно на сцене оперного театра.

Синхронно развернулись в мою сторону, еще когда я только появился на лестнице, следят, вельможи сорвали с голов шляпы и замахали так усердно, что по залу пронесся ветер с запахом духов и притиражий.

Герцог Кегельшир прижал шляпу к сердцу и выпрямился, гордый и учтивый, я почти ожидал, что запоет арию герцога из Риголетто, голос у него как раз самый подходящий, не говоря уже про одежду.

— Ваше величество!.. — воскликнул он оперным голосом. — Прошел слух о вашей новой великой... нет, величайшей победе!

Я ответил так же любезно:

— Это победа всего нашего общества, дорогой герцог!..

И поспешил пройти мимо, как раз очень удачно, от входа широкими шагами в мою сторону спешит Альбрехт.

Я насторожился в ожидании неприятностей, лицо завтрашнего принца темнее грозовой тучи, уголки рта опущены, а во взгляде такая тревога, какой не видел с момента битвы с филигонами.

Ухватил меня под руку, оттащил в сторону и сказал свистящим шепотом:

— Из пещер начался исход! Сперва простолюдины, а в королевствах Эстгония и Куршагия на свет божий поднялись короли с дворами и гвардией. Вот-вот выйдут Великие Маги... если уже не вышли.

Сердце сжала ледяная ладонь, но ответить не успел, ряды красиво раскланивающихся вельмож мощно раздвинул, как носорог камыш, довольный и сияющий сэр Джуллиан, весь в золотистых лентах

поверх роскошного жостокора, в пышных кружевах и манжетах.

— Ваше величество, — вскрикнул он счастливым голосом, — я бы попросил вас со всем вниманием отнестись к отложенному вами заседанию Имперского Совета, что назначен на завтра после обеда!

Я чувствовал себя как айсберг на вершине Антарктиды, что вот-вот рухнет с ледника в бездонные пучины северного моря.

— Сэр Джуллиан, — произнес я с усилием, — разве вы без меня не все провернули? А я не полез в кувшин, смиленно принял вашу четвертую любовницу?

Он раскланялся с грациозностью обученного хорошим манерам бегемота.

— Все так, ваше величество! — пророкотал он бархатным голосом. — Но мы, ваше правительство, одержали очередную дипломатическую победу!.. Уникальный шанс из могучей империи сделать ведущую на всем континенте!.. Нужно только ваших любовниц поменять в табеле о рангах местами, а одну вообще заменить... Не волнуйтесь, мы все продумали!

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.....	5
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.....	140
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	276

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

БАЛЛАДЫ О РИЧАРДЕ ДЛИННЫЕ РУКИ

Орловский Гай Юлий

РИЧАРД ДЛИННЫЕ РУКИ. ДЕМОН ОГНЯ И СТАЛИ

Ответственный редактор *О. Бурдова*

Редактор *Е. Тагирова*

Художественный редактор *А. Стариakov*

Технический редактор *О. Куликова*

Компьютерная верстка *В. Андриановой*

Корректор *Е. Холявченко*

В коллаже на обложке использованы фотографии:

Kiselev Andrey Valerevich, RonTech3000, Olemac, guruXOX, Dina Photo Stories, Igor Kovalchuk, LifetimeStock, BHKang / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com;

acidgrey, fotonio / iStock / Gettyimages.ru

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksмо.ru E-mail: info@eksмо.ru

Өндүрушүү: «ЭКСМО» АКБ Баспасы, 123308, Москва, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksмо.ru E-mail: info@eksмо.ru

Тауар белгиси: «Эксмо»

Интернет-магазин: www.book24.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz

Интернет-магазин: www.book24.kz

Импортёр в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Казахстан Республикасында импортчысы «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибутор и представитель по приему претензий на продукцию,

в Республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»

Казахстан Республикасында дистрибутор хана енім бойынша арзы-таларапты

кабылдаудыңынан екінші «РДЦ-Алматы» ЖШС,

Алматы к., Домбровский кв., 3а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-90/91/92; E-mail: RDC-Almaty@eksмо.kz

Өмірбінің жаһандылық мерзім шектелмеген.

Сертификация туралы ялқындастырылған: www.eksмо.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Эксмо»: www.eksмо.ru/certification

Өндөргөн мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылмаган

Подписано в печать 20.02.2019. Формат 84x108^{1/32}.

Гарнитура «Newton». Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16.

Тираж 5000 экз. Заказ № 42813.

Отпечатано в соответствии с качеством предоставленных издательством электронных носителей в АО «Саратовский полиграфкомбинат».

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59. www.sarpk.ru

Отговная торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо» 123308, г. Москва, ул. Зорге, д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оттовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: international@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.: +7 (495) 411-68-59, доб. 2267.
E-mail: korpo@eksmo-sale.ru

Отговная торговля бумагами-баловами
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел.: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanco@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanco-eksmo.ru

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Невский пр-т, д. 46.
Тел.: +7 (812) 601-0-601, www.bookvoed.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для отговных покупателей:
Москва: ООО «Торговый Дом «Эксмо» Адрес: 123308, г. Москва, ул. Зорге, д. 1.
Телефон: +7 (495) 411-50-74. E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Нижний Новгород: Филиал «Торгового Дома «Эксмо» в Нижнем Новгороде. Адрес: 603094,
г. Нижний Новгород, ул. Карлинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Глаза».
Телефон: +7 (831) 216-15-91 (92, 93, 94). E-mail: reception@eksmo-nn.ru

Санкт-Петербург: ООО «СЗКО» Адрес: 192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны,
д. 84, лит. «Е». Телефон: +7 (812) 365-46-03 / 04. E-mail: server@szko.ru

Екатеринбург: Филиал ООО «Издательство Эксмо» в г. Екатеринбурге. Адрес: 620024,
г. Екатеринбург, ул. Новинская, д. 2ш. Телефон: +7 (343) 272-72-01 (02/03/04/05/06/08).
E-mail: petrov_e@ekat.eksmo.ru

Самара: Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Самаре.
Адрес: 443052, г. Самара, пр-т Кирова, 75/1, лит. «Е».
Телефон: +7(846)207-55-50. E-mail: RDC-samara@mail.ru

Ростов-на-Дону: Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Ростове-на-Дону. Адрес: 344023,
г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, д. 44 А. Телефон: +7(863) 303-62-10. E-mail: info@md.eksmo.ru

Центр отговьо-розничных продаж Cash&Carry в г. Ростове-на-Дону. Адрес: 344023,
г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, д. 44 В. Телефон: +7(863) 303-62-10.

Режим работы: с 9-00 до 19-00. E-mail: rostov_mag@md.eksmo.ru

Новосибирск: Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Новосибирске. Адрес: 630015,
г. Новосибирск, Комбинатский пер., д. 3. Телефон: +7(383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

Хабаровск: Обособленное подразделение в г. Хабаровске. Адрес: 680000, г. Хабаровск,
пер. Дзержинского, д. 24, литера В, офис 1. Телефон: +7(4212) 910-120. E-mail: eksmo-khv@mail.ru

Тюмень: Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Тюмень.

Центр отговьо-розничных продаж Cash&Carry в г. Тюмень.

Адрес: 625022, г. Тюмень, ул. Алабашевская, д. 9А (ТЦ «Перстной якорь»).

Телефон: +7 (3452) 21-53-96 / 97 / 98. E-mail: eksmo-tumen@mail.ru

Краснодар: ООО «Издательство «Эксмо» Обособленное подразделение в г. Краснодаре
Центр отговьо-розничных продаж Cash&Carry в г. Краснодаре

Адрес: 350018, г. Краснодар, ул. Сормовская, д. 7, лит. «Г». Телефон: +861) 234-43-01(02).
Республика Беларусь: ООО «ЭКСМО АСТ Си энд Си». Центр отговьо-розничных продаж

Cash&Carry в г. Минске. Адрес: 220014, Республика Беларусь, г. Минск,
пр-т Жукова, д. 44, пом. 1-17, ТЦ «Outlet». Телефон: +375 17 251-40-23; +375 44 581-81-92.

Режим работы: с 10-00 до 22-00. E-mail: eksmo@yandex.by

Казахстан: РДЦ Алматы. Адрес: 050039, г. Алматы, ул. Домбровского, д. 3 «А».

Телефон: +7 (727) 251-59-90 (91, 92). E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Интернет-магазин: www.book24.kz

Украина: ООО «Форс Украина». Адрес: 040773 г. Киев, ул. Вербовая, д. 17а.

Телефон: +38 (044) 290-99-44. E-mail: sales@forsukraine.com

Полный ассортимент продукции Издательства «Эксмо» можно приобрести в книжных магазинах «Читай-город» и заказать в интернет-магазине www.chitai-gorod.ru.

Телефон единой справочной службы 8 (800) 444 8 444. Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»

www.book24.ru

Розничная продажа книг доставкой по всему миру.

Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: market@eksmo-sale.ru

ISBN 978-5-04-101264-9

9 785041 012649 >

ISBN 978-5-04-101264-9

9 785041 012649 >

